

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕНЕДЖМЕНТА, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
И ИНЖИНИРИНГА

Е. В. ЕРОФЕЕВА

**ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВЫХ АКТОВ
РАЗЛИЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ
ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

МОНОГРАФИЯ

Издание третье, исправленное и дополненное

Екатеринбург 2023

УДК 811.133.1'271.2
ББК Ш147.11-55
Е78

Рекомендовано Ученым советом федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
в качестве *научного* издания (Решение № 39 от 24.04.2023)

Под редакцией
доктора филологических наук, профессора
А.П. Чудинова

Рецензенты:

О.А. Михайлова, д.ф.н., профессор кафедры риторики и стилистики русского языка Уральского федерального университета.

Н.Н. Лыкова, д.ф.н., профессор кафедры французской филологии Тюменского государственного университета.

Ерофеева, Е. В.

Е78 Прагматические аспекты речевых актов различной коммуникативной направленности в современном французском языке : монография / Е. В. Ерофеева ; Уральский государственный педагогический университет. – Электрон. дан. – Екатеринбург : [б. и.], 2023. – 1 CD-ROM. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-7186-2126-6

В монографии исследуются проблемы, связанные с комплексным описанием семантических и прагматических особенностей речевых актов разной коммуникативной направленности, систематизацией их речевой вариативности. В связи с основной задачей рассматриваются прямые и косвенные способы реализации иллокутивного намерения говорящего, проблема выбора языковых форм при порождении комиссивов, директивов, экспрессивов, оптативов, квеситивов во французском языке.

Издание предназначено для филологов, преподавателей, студентов лингвистических и филологических специальностей. Оно может быть интересно для аспирантов, докторантов и специалистов, занимающихся изучением языков в сопоставительном аспекте.

УДК 811.133.1'271.2
ББК Ш147.11-55

ISBN 978-5-7186-2126-6

© Ерофеева Е.В., 2023
© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2023
© ФГБОУ ВО «УрГЭУ», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8
ГЛАВА 1. ПРАГМАЛИНГВИСТИКА КАК ОСОБАЯ ОБЛАСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	12
1.1. Прагмалингвистика и основные положения теории речевых актов	12
1.2. Обзор различных классификаций речевых актов и принципов, положенных в их основу.....	27
1.3. К вопросу о прямых речевых актах.....	40
1.4. К вопросу о косвенных речевых актах	44
1.5. Способы формирования косвенных смыслов высказываний....	54
1.6. Современные тенденции в изучении речевых актов, речевых жанров, стратегий и тактик.....	58
ВЫВОДЫ.....	66
ГЛАВА 2. ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ АКТОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕЖЕЛАТЕЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.	69
2.1. Речевой акт угрозы в трудах отечественных и зарубежных исследователей	69
2.2. Взгляд на речевой акт предупреждения	75
2.3. Назначение и смысл речевого акта предостережения	78
2.4. К вопросу о различии между речевыми актами угрозы и предупреждения	82
2.5. К определению места РАУ и РАП в смысловой классификации побудительных высказываний	87
2.6. Категория побудительности. Общая характеристика	92

2.7. Языковое оформление менасива как прямого речевого акта.....	98
2.7.1. Семантическая структура менасивных конструкций.....	98
2.7.2. Сложносочиненные предложения с союзами <i>ou, sinon, autrement, sans cela (ça, quoi), car</i>	102
2.7.3. Сложноподчиненные предложения с союзом <i>si</i>	105
2.7.4. Сложносочиненные предложения с альтернативностью, передаваемой при помощи союза <i>et</i>	113
2.8. Языковое оформление авертива как прямого речевого акта.....	116
2.8.1. Семантическая структура авертивных конструкций.....	116
2.8.2. Сложносочиненные предложения с союзами и их эквивалентами <i>ou, sinon, autrement, car</i>	119
2.8.3. Сложноподчиненные предложения с союзом <i>si</i>	122
2.8.4. Сложносочиненные предложения с союзом <i>et</i>	124
2.9. Языковые средства выражения менасивов и авертивов как косвенных речевых актов во французском языке.....	127
2.10. Косвенные РА угрозы и предупреждения во французском языке.....	131
2.10.1. Качественная трансформация семантической модели.....	132
2.10.2. Количественная трансформация семантической модели.....	137
2.10.3. Транспозиция семантических моделей других речевых актов в сферу менасивной и авертивной семантики.....	143
2.11. Ситуативная вариативность менасивов и авертивов.....	151
2.12. Ответная реакция адресата на РАУ и РАП во французском языке.....	161
ВЫВОДЫ.....	169

ГЛАВА 3. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВЫХ АКТОВ РАЗЛИЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.	174
3.1. Речевой акт обещания во французском языке	175
3.2. Назначение и смысл речевого акта клятвы.....	184
3.3. Вариативность способов выражения речевых актов приказа и команды.....	189
3.4. Прагматические особенности речевого акта просьбы	194
3.4.1. Коммуникативные стратегии и тактики просьбы, реализуемые во французском языке	201
3.5. Грамматика и прагматика речевого акта совета.	206
3.6. Экспрессивность как коммуникативная категория.....	212
3.7. Речевой акт оскорбления как коммуникативный ход инвективной стратегии.....	214
3.8. Прагматический аспект речевого акта похвалы.....	219
3.9. Речевые акты извинения и их реализация в речевых стратегиях	222
3.10. Речевой акт пожелания и способы его выражения во французском языке	227
3.11. Косвенные смыслы квеситивных предложений.....	231
ВЫВОДЫ.....	235
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	243
БИБЛИОГРАФИЯ	247
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	276
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	278
ПРИЛОЖЕНИЕ	283

ПОСВЯЩАЕТСЯ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

*Владимира Григорьевича Гака,
моего Учителя*

В основу данной работы положен материал, собираемый автором в течение последних 20 лет, и используемый в рамках спецкурса «Введение в прагмалингвистику».

Работа состоит из 3 глав. На основании комплексного подхода в них решается целый ряд взаимообусловленных задач теоретического и практического характера. В объективе анализа оказались речевые акты, наиболее часто встречающиеся в повседневном общении. Среди них авторский интерес в большей степени направлен на речевой акт угрозы как образец высказывания, не допускающего экспликации перформатива.

Исследование, предпринимаемое автором, не претендует на законченность. Безусловно, список речевых актов может быть продолжен и достигать нескольких десятков в зависимости от теоретических позиций исследователя и степени детализированности классификационных признаков. Следующим этапом также может стать сопоставительное изучение способов выражения речевых актов различной интенции в 2-х, 3-х и более языках. Данное исследование может быть интересно филологам (в особенности романистам), преподавателям, аспирантам, специалистам в области общего языкознания, теории и практики перевода.

Многие выводы, отраженные в данной работе рождались в результате личных бесед и заинтересованных дискуссий с известными учеными и специалистами в области языкознания, профессорами - В.Г. Гаком, Н.Н. Лопатниковой, Л.А. Мурадовой, А.Н. Тарасовой,

Т. З. Черданцевой, за что автор искренне признательна и благодарна именитым коллегам.

Обращаясь ко всем потенциальным читателям, автор уточняет, что все замечания и пожелания можно направлять по электронному адресу: e.v.erofeeva@yandex.ru

С уважением, Е.В.Ерофеева

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистические исследования последних десятилетий проявляют активный интерес к прагматическим аспектам языка, манифестирующим коммуникативное назначение языковой единицы, её использование говорящим в качестве орудия действия, воздействия и взаимодействия, её соотнесенность с поведением и деятельностью говорящего. В результате этого в лингвистике утвердился взгляд на язык как на действующий механизм, что поставило задачу перехода от изучения структурно-языковых норм к исследованию коммуникативных норм и вызвало переориентацию целей лингвистической теории, акцентируя внимание лингвистики на функционировании языковых единиц в рамках реального языкового общения.

Данная работа выполнена в русле прагматического подхода к изучению языковых явлений, разрабатываемого в трудах зарубежных и отечественных ученых (Остин Дж., Серль Дж., Грайс Г.П., Арутюнова Н.Д., Богданов В.В. Колшанский Г.В., Сусов И.П. и др.). Прагматический подход концентрирует внимание на коммуникативном аспекте высказывания, т.е. той функции, которую оно выполняет в акте коммуникации, рассматривая языковое общение как вид деятельности, принятый подход позволяет искать объяснения языковых явлений во взаимосвязи между лингвистическими и экстралингвистическими элементами общения, в моделях человеческого поведения.

Центральное понятие прагматики - речевой акт. Отдельный акт речи, речевой акт представляет собой двусторонний процесс, охватывающий говорение и протекающие одновременно слуховое восприятие и понимание услышанного. По коммуникативной

направленности речевые акты подразделяют на речевые акты типа сообщения, просьбы, совета, обещания и т.п.

Объектом данного исследования послужили высказывания (речевые акты), передающие различные коммуникативные значения во французском языке. Избранная тема не теряет своей актуальности, так как изучение речевых актов различной коммуникативной направленности является одной из основных проблем современной лингвистической науки. Речевые акты, исследуемые в данной работе, несмотря на свою широкую употребительность в живой речи и большую национальную специфичность выражения, как классы высказываний не были комплексно изучены во французском языке.

Данная тема связана с решением многих проблем, таких, как семантика и прагматика побуждения, прямые и косвенные способы реализации иллокутивного намерения говорящего, проблема выбора языковых форм и другие.

Цель работы заключается в комплексном изучении и описании семантических и прагматических особенностей речевых актов разной коммуникативной направленности, исследовании и систематизации их речевой вариативности. Методы и приемы лингвистического анализа, используемые в ходе данного исследования характерны для такого рода работ: компонентный анализ, анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ, метод трансформационного анализа, метод логико-семантического моделирования, метод простого подсчета для систематизации полученных данных.

Материалом для исследования послужили высказывания, передающие различные коммуникативные значения, выявленные путем анализа произведений французской художественной литературы XX-XXI века, что составило около 4000 примеров речевых актов, а

также данные ряда словарей современного французского языка.

Результаты исследования могут способствовать развитию грамматики речи и теории речевых актов. Практический материал может быть использован в курсе теоретической грамматики, стилистики, интерпретации текста, в спецкурсе по прагмалингвистике, теории перевода, при написании исследовательских работ и составлении учебных пособий по указанной тематике.

Исследование состоит из трех глав.

В теоретической главе излагаются основные положения теории речевых актов в свете нового этапа развития лингвистической прагматики. Проводится анализ различных подходов к классификации типов речевых актов с целью последующего определения в них места речевых актов изучаемого типа. Рассматривается проблема прямых и косвенных речевых актов. Особое место уделяется анализу работ отечественных и зарубежных исследователей, посвященных изучению речевых актов различной коммуникативной направленности, а также речевых жанров, стратегий и тактик.

Во второй главе проводится структурирование семантических моделей речевых актов угрозы и предупреждения, которые позволяют выявить парадигму языковых средств, служащих для прямого и косвенного выражения менасивной и авертивной семантики. Выделяются базовые структуры, наиболее близкие исходной семантической модели. Предпринимается попытка комплексного описания косвенных способов выражения указанных речевых актов. В этой части работы приводятся результаты исследования ситуативной вариативности речевых актов угрозы и предупреждения, а также возможные тактики реагирования на названные речевые акты.

В выводах по главе обобщаются прямые способы выражения

менасивов и авертивов в виде структурных моделей.

В третьей главе анализируются семантические, морфологические, синтаксические и прагматические особенности РА разной коммуникативной направленности и систематизируются способы их выражения во французском языке.

Работа содержит библиографию, включающую более 300 наименований, и приложение, в котором приводится список устойчивых речевых формулировок угрозы и предупреждения, характерных для французского языка и отражающих его национальную специфику.

ГЛАВА 1. ПРАГМАЛИНГВИСТИКА КАК ОСОБАЯ ОБЛАСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Прагмалингвистика и основные положения теории речевых актов

До недавнего времени теория речевых актов, основы которой были заложены в середине века английским философом Дж. Остином (лекции 1955 года опубликованы в книге “How to do things with words”, 1962), сводилась, главным образом, к анализу изолированных речевых актов, т.е. тех, которые реализуются в одном высказывании.

Как подчеркнул Л. Витгенштейн в своих философских исследованиях, “невозможно понять значение языкового выражения, не зная, как оно может быть использовано в разговоре” [60, с.80]. Он указал тем самым, что в структуре языка имеется прямая связь между значением высказывания и его употреблением в речи.

Вопрос о естественном включении изолированных речевых актов (далее: РА) в контекст коммуникации ставит вопрос о расширении сферы действия теории речевых актов (ТРА). Действительно, сегодня речь идет о применении теории за пределами монологического кадра высказывания, а также о параллелизме между анализом отдельных актов речи и анализом коммуникации в целом.

Основные вопросы, которые находятся сегодня в центре внимания ТРА следующие:

- действительно ли РА является центральным понятием ТРА и представляет минимальную единицу, на уровне которой необходимо проводить исследование (или проводить анализ на уровне текста);
- надо ли учитывать в лингвистическом исследовании человеческий фактор;

Эти и другие проблемы находятся сегодня в центре внимания отечественных и зарубежных лингвистов и логиков [194-196; 248; 298; 278-279; 41; 54-56; 185].

Дж. Остин был первым, кто под влиянием идей Л. Витгенштейна о множественности назначений языка и их неотделимости от форм жизни начал изучать различные типы актов речи, воспроизводимые в разговоре (*dans l'usage du langage*).

С момента появления ТРА на философской арене было много противоречий относительно ее места и роли в изучении языка. Семиотика (которая, согласно Ч.С.Пирсу, является основной теорией знаков) делится сегодня, начиная с Ч.Морриса, на три ветви: синтактику, семантику и прагматику, которые характеризуются следующим образом: синтактика изучает межзнаковые отношения; семантика занимается изучением отношения знаков к объектам; прагматика исследует отношения, которые существуют одновременно между лингвистическими выражениями, их значением и употреблением в речи, а также учитывает отношение к знакам говорящих.

ТРА относится к той части лингвистической философии, которая представляет собой “явный выход в сферу лингвистики как таковой”, отмечает Богомолов А.С. [39, с.267]. “Оценить рабочие возможности ТРА в свете проблем теоретической и прикладной лингвистики, считает И.М.Кобозева, - одна из актуальных задач отечественного языкознания” [119, с.8]. В этой области уже имеется ряд исследований [6-13; 173-175; 201; 18; 20].

Вопрос о соотношении прагматики и прагмалингвистики не имеет однозначного решения. Одни ученые считают прагмалингвистику лингвистическим разделом прагматики, задачей

которого является описание знаков и их комбинаций в коммуникации [239]; другие рассматривают ее как прагматический компонент теории языка, наряду с фонетикой, семантикой, синтаксисом [246, с.34-35]; третьи говорят о примате прагматического компонента языкознания [281, с.48]. Есть и такие ученые, для которых термины прагмалингвистика, прагматика и теория текста равнозначны [291]. Противоречивое понимание предмета прагмалингвистики обусловлено, прежде всего, сложной историей формирования прагматики [208, с.4].

В основе нашего понимания лингвистической прагматики лежит определение, взятое из лингвистического энциклопедического словаря: "... прагматика есть область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи. Лингвистическая прагматика не имеет четких контуров, в нее включается комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения" [310, с. 389-390].

Так как иллокутивные акты осуществляются одновременно с употреблением того или иного высказывания в некотором контексте, большинство философов и лингвистов (как, например, Карнап) склоняются к тому, чтобы поместить ТРА в область прагматики. Семантика же часто сводилась к изучению значений и смыслов в современной логике.

Собственной задачей прагматики в тройном разделении семиотики является описание и объяснение способности говорящего выполнить, а слушающего - понять РА, так как "к прагматике лингвисты и философы обратились первоначально для истолкования тех высказываний, у которых реальный практический смысл не

вытекает непосредственно из их значений” [68, с.15]. Прагматика, понимаемая таким образом, должна отвечать на два вопроса:

- как говорящему удастся заставить понять слушающего, что то, что он “сообщает” в своем высказывании отличается от того, что он реально говорит;

- как слушающему удастся идентифицировать небуквальный РА (non littéral), а также вычислить конвенциональные импликатуры.

Центральным понятием прагматики и основной единицей исследования в ТРА (в классической интерпретации) является речевой акт. К речевым актам обращались исследователи, анализирующие речь в контексте жизни и жизнедеятельности человека и исходящие из того, что “речи... суть действия, происходящие между людьми” (Гегель)¹. Проблематика РА и речеобразования содержится также в лингвистических концепциях В.Гумбольдта, Ш.Балли, С.Карцевского, Л.П.Якубинского, К.Л.Бюлера, Э.Бенвениста, М.М.Бахтина и других. Итак, РА определяется как способ достижения человеком определенной цели или как целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе [310, с. 412].

Основоположники ТРА трактуют РА как действие, совершаемое человеком в процессе речи и посредством речи [171; 189-191]. К предложенным выше трактовкам РА, а также к определению этого понятия, данному в лингвистическом словаре Larousse: “высказывание, реально осуществленное определенным говорящим в конкретной ситуации” (l'énoncé effectivement réalisé par un locuteur

¹ Цитируется по лингвистическому энциклопедическому словарю под ред. В.Н.Ярцевой [310, с. 412].

déterminé dans une situation donnée) [319]. Н.Д. Арутюнова считает необходимым добавить, что речевой акт - это “двусторонний процесс, охватывающий говорение и протекающие одновременно слуховое восприятие и понимание услышанного” [9, с.3]. Основными чертами РА принято считать интенциональность (намеренность) и конвенциональность.

Д. Вундерлих говорит об интенциях как особых устремлениях (Einstellungen) говорящего, а именно устремлениях к тому, чего он хотел бы достичь своим актом высказывания, воздействуя на адресата так, чтобы изменить устремления, а вместе с тем и поведение последнего [304, с.96]. Вернер Куммер рассматривает интенцию в качестве даязыковой фазы коммуникативного процесса, которая “предопределяет отбор и комбинацию языковых единиц (...) Однако, достижение или недостижение предполагаемого результата находится за пределами интенции” [268, с.100].

Субъективное значение высказывания по Грайсу есть намерение говорящего получить с его помощью определенный результат, благодаря осознанию слушающим этого намерения. Стросон и Серль, каждый по-своему, модифицируют это понятие и приходят к выводу, что намерение, подлежащее распознаванию (“открытая интенция” по Стросону), составляет самый существенный момент в определении иллокуции.

Объяснение механизма передачи намерения от говорящего к слушающему нашло свое выражение в понятии “конвенции”. Зависимость иллокутивной силы от конвенции легко прослеживается на большом числе примеров. Например, Остин приводит примеры, где имеются поддающиеся ясной формулировке конвенции, касающиеся обстоятельств произнесения высказывания - такие, отмечает Стросон,

что высказывание, имеющее определенное значение, произнесенное соответствующим лицом в надлежащих обстоятельствах, имеет данную силу вследствие согласованности с этими конвенциями.

Примеры таких актов можно найти в сфере социальных институтов, имеющих юридический статус (церемония бракосочетания, судебные заседания), или в тех видах деятельности, которые регулируются определенным набором правил (всевозможные игры), но и во многих других областях человеческих взаимоотношений [205, с.134]. Итак, иллокутивный акт конвенционален, считает Остин, он “осуществляется в соответствии с конвенцией” [171, с.90]. К языковым конвенциям, повторял Остин, мы должны обращаться, чтобы определить, какой иллокутивный акт был осуществлен при произнесении высказывания, и каково значение этого высказывания. Таким образом, под конвенциями понимаются условно принятые формы речи в данных ситуациях и в данном обществе.

Согласно Дж. Остину РА - это трехуровневое образование, включающее три типа действий: локутивное, иллокутивное, перлокутивное, где трем уровням структуры РА соответствуют три типа значений: локуция (англ. locution - речение); иллокуция (англ. illocution - целенаправленность речения); перлокуция (англ. perlocution - последствия речения). Таким образом, выполнить РА - это не только произнести членораздельные звуки, формирующие высказывание по правилам грамматики конкретного языка, но снабдить высказывание смыслом, выразить в нем коммуникативную цель и, воздействуя им на сознание и поведение адресата, вызвать искомые последствия.

Функции речевых актов Остин назвал иллокутивными силами (англ. illocutionary forces). По сути дела, замечает Стросон, под иллокутивной силой Остин понимал ответы на вопросы: как

высказывание следует понимать и как оно задумывалось говорящим. Далее, делает вывод Стросон, если иллокутивная сила слушающим не понята, можно считать, что РА не состоялся.

Иллокутивная сила не является основным и единственным компонентом РА. Более того, само это понятие комплексно и представляет собой комбинацию следующих компонентов:

- а) цель или намерение, преследуемое лицом, осуществляющим РА;
- б) способ достижения этой цели;
- в) интенсивность иллокутивной силы РА;
- г) особенности пропозиционального содержания;
- д) индивидуальные условия употребления конкретного РА;
- е) условия искренности.

Эти составляющие иллокутивной силы РА логически упорядочены и находятся во взаимосвязи (Серль, Вандервекен). Однако цель говорящего играет решающую роль при определении иллокутивной силы высказывания. На приоритет намерения (цели) говорящего ссылались Спербер и Вилсон [296, с.164], когда они формулировали свою концепцию ТРА. С другой стороны, цель любого высказывания определяет отношение, которое данный речевой акт устанавливает с внешним миром [298, с. 80].

Разделение семиотики Ч.Моррисом на синтактику, семантику и прагматику еще не определено до конца, являясь скорее “эскизом программы изучения языка”. Д. Вандервекен отмечает, что “необходимость более глубокого разграничения между семантикой и прагматикой появилась недавно, а именно с появлением новых философских логик, таких как логика демонстративов (*logique des démonstratifs*), логика времени (*logique du temps*), иллокутивная логика

(logique illocutoire), подвергающих анализу выражения, смысл которых лингвистически и семантически связан с их употреблением”[300, с. 21].

Дж. Серль и Д.Вандервекен представляют ТРА в своей версии иллокутивной логики, которая в качестве первичных компонентов коммуникации рассматривает не РА, а более простые составляющие, комплексный анализ которых помогает выделять отдельные виды актов речи и противопоставлять их другим. Иллокутивная логика Серля и Вандервекена основывается на разнице между условиями успешности (*conditions de réussite*) и условиями выполнимости (*conditions de satisfaction*) речевого акта, определяющей разницу между семантикой и прагматикой высказывания. Условия успешности отдельного иллокутивного акта - это условия, которые должны быть реализованы в контексте высказывания. Это своеобразная возможность для говорящего выполнить данный РА в данном контексте. Например, условием успешности РА обещания, отмечает Вандервекен, будет являться то положение, что говорящий обязуется выполнить это действие в будущем. Условия выполнимости (сатисфакции) - это условия, которые должны быть выполнены в контексте высказывания и представляют собой своеобразное состояние “реализованности” РА в данном контексте. Например, условием выполнимости для обещания является факт его выполнения, которое представлено пропозициональным содержанием этого акта речи. Иначе говоря, обещание соответствует условиям сатисфакции, если оно выполнено.

Д. Вандервекен уточняет, что, например, в случае РА просьбы: *Je te demande de fermer la fenêtre* (Я прошу тебя закрыть окно) условия выполнимости предполагают реализацию действия (закрытие

окна) тем лицом, к которому обратились с просьбой (а не третьим лицом и не порывом ветра). В противном случае РА реализовывает условия успешности, но не является сатисфицированным (satisfait) [295, с.102].

Принимая во внимание положения иллокутивной логики Серля и Вандервекена, современные лингвисты (Trognon A., Brassac Ch.) делают вывод о том, что историю развития ТРА можно условно разделить на два периода. Первый знаменует собой открытие Речевого Акта. Он характеризуется формированием категориального аппарата: речь шла, прежде всего, об обосновании и признании понятия “речевой акт”, чем и объясняется великое многообразие имеющихся классификаций РА. В целом еще и сегодня анализ речи опирается на данные, полученные в течение этого периода, так как “языковая теория должна развиваться, исходя исключительно из опытных данных” (Gardiner). Н.Д. Арутюнова имела ввиду, по всей видимости, этот первый этап развития ТРА, указывая на то, что теория речевых актов близка к своему завершению, и, снабдив науку о языке широким категориальным аппаратом, исчерпала себя [12].

С появлением работ, посвященных иллокутивной логике, начинается второй период развития и формирования ТРА. Понятие “речевого акта” уже не рассматривается в качестве первичного понятия прагматики, а взамен ему предложена логика употребления языковых выражений. Эта логика базируется на анализе характеристик самого речевого акта. Речь идет, прежде всего, об успешности выполнения акта речи, которая приводит к теории иллокутивного обязательства. Затем Дж. Серль в своих работах, посвященных репрезентативным особенностям РА, акцентирует внимание на условии выполнимости РА. В совместных работах с Д.Вандервекеном

они вводят это понятие в предложенную систему иллокутивной логики [299]. В современной лингвистике при анализе коммуникации большое значение имеют работы, относящиеся ко второму периоду развития ТРА [278; 298].

Итак, в основе логических отношений между высказываниями лежат две основные особенности речевых актов (успешность и выполнимость акта речи). Условие успешности касается, главным образом, иллокутивной силы высказывания, условие выполнимости затрагивает пропозициональное содержание. Под пропозициональным содержанием РА, отвечающим его когнитивной функции, Серль понимает предложение, которое представляет собой “положение вещей или действие, выраженное в высказывании с определенной иллокутивной силой” [295, с. 223].

Значение РА не сводится к значению входящего в него пропозиционального содержания. Одна и та же пропозиция способна входить в разные речевые акты. Ж.Мешлер наглядно демонстрирует разницу между пропозициональным содержанием и иллокутивной силой на следующих примерах:

- 1) **Jean fume beaucoup.** (*Жан много курит*)
- 2) **Jean fume-t-il beaucoup?** (*Жан много курит?*)
- 3) **Fume beaucoup, Jean!** (*Кури больше, Жан!*)
- 4) **Plût au ciel que Jean fumât beaucoup!** (*Дай Бог, чтобы Жан много курил!*)

Эти высказывания реализуют различные иллокутивные акты: *утверждение* в первом примере, *вопрос* - во втором, *приказ* - в третьем и *желание* в четвертом случае. Однако, если эти высказывания и различаются иллокутивной направленностью, все они выполняют реализацию идентичного акта: говорящий “обращается” к одному и

тому же индивиду (Jean) и ему приписывает (преддицирует) одну и ту же характеристику (*fume beaucoup*). Другими словами, эти четыре высказывания имеют одинаковую референцию и предикацию. Акты референции и предикации составляют пропозициональный акт, сопоставление которого с иллокутивным актом позволяет разграничить в акте речи два аспекта: пропозициональное содержание (р) и иллокутивную силу (F). Речевой акт, таким образом, представлен формулой F (р) [278, с.30].

В концепции Дж. Остина понятие “иллокутивной силы” было сближено с понятием “перформативный глагол” или “перформатив”. Перформативными Дж. Остин называл те иллокутивные глаголы, которые открыто выражают цель иллокутивного акта (“приказывать”, “возражать” и т.п.). Для таких глаголов характерно обособление формы первого лица настоящего времени изъявительного наклонения: “Я обещаю” есть акт обещания; “Он обещает” - описание акта обещания, его констатация. Но, как известно, не все иллокутивные глаголы говорения могут быть употреблены перформативно. На это обратил внимание сам Дж. Остин, который писал, что “не всегда представляется возможным сведение высказывания к эксплицитному перформативу” [171, с. 67]. Имея в виду высказывания типа: *Я оскорбляю вас, Я угрожаю вам*, Дж. Остин отмечал, что мы отказываемся от такой конструкции потому, что “смутно ощущаем присутствие некоего препятствия, мешающего окончательно признать эту конвенцию”, хотя “природа этого препятствия не вполне ... понятна” [171, с. 43]. То же самое отмечал и Серль. Он указывал, что “нельзя совершить актов, скажем угрозы или похвальбы, сказав: Настоящим Я угрожаю или Настоящим Я хвалюсь” [193, с.177].

Эту проблему пытается разрешить З. Вендлер, считая, что

первично все глаголы говорения употреблялись как дескриптивные, а перформативными они стали в результате семантического сдвига, при этом для ряда глаголов из-за наличия “подрывного фактора в их семантической структуре этот сдвиг оказался невозможен” [57, с. 248]. Иллокутивная цель высказываний с такими глаголами как: угрожать, намекать, высмеивать и т.п. должна быть тщательно замаскирована, иначе высказывание не будет успешным. Этот компонент значения и является, по мнению З.Вендлера, “подрывным фактором” при перформативном употреблении соответствующего глагола. Сказать, например: *Я тебе лъжу* с целью высказать лесть “было бы равносильно иллокутивному самоубийству” [57, с.243].

К компонентам высказывания, находящимся в фокусе изучения ТРА относится и понятие пресуппозиции (другая терминология: “презумпция”, “вертикальный контекст”, “фон”, “фоновые знания”, “исходные предположения”, “социальный контекст”, “фонд совместных знаний”). Пресуппозиции - это особая разновидность семантического следствия. Предложение S имеет прагматическую пресуппозицию P, если при любом нейтральном употреблении S в высказывании говорящий считает P само собой разумеющимся или просто известным слушателю [310, с. 412]. Так, фраза: *Закрой, пожалуйста, дверь!* имеет следующие, не подлежащие сомнению исходные посылки: а) существование двери; б) дверь открыта; в) существует человек, к которому Вы обращаетесь с просьбой.

По мнению большинства ученых, пресуппозиция - это совокупность условий, которые необходимо удовлетворить, чтобы: а) сделать уместным употребление данной структуры высказывания; б) эффективно воплотить данное коммуникативное намерение в конкретном высказывании; в) добиться правильного понимания

высказывания слушающим. Иначе говоря, прагматическая пресуппозиция - это знание говорящим условий, необходимых для правильного употребления предложений в речи.

Впервые эти условия были сформулированы Дж. Остином и названы им условиями успешности РА, поскольку от их соблюдения зависит успешность его выполнения. Дальнейшая разработка этого вопроса была предпринята Дж.Серлем. Кроме условий успешности прагматическая пресуппозиция включает знания относительно природы человеческого общения. Наиболее полную систематизацию условий управления разговором представляют собой постулаты речевого общения, разработанные Г.П. Грайсом.

Н.Д. Арутюнова подчеркивает необходимость делать различие между пресуппозицией и другими видами отношений между предложениями, такими как логическое следование и импликация. Автор указывает, что если при нарушении правил импликации имеет место случай “неискренности”, при нарушении правил логического следования появляются ложные высказывания, то при нарушении правил пресуппозиции в речь вводятся нереферентные высказывания. Пресуппозиция входит в семантику предложения как “фонд общих знаний” собеседников, как их “предварительный договор”. По мнению Н.Д.Арутюновой учение о пресуппозиции сближается с учением об актуальном членении предложения и представляет в некотором роде ее семантический аналог [6].

В настоящем исследовании пресуппозиция трактуется как элемент имплицитных компонентов высказывания, непосредственно из него выводимых, а также как то, что предполагается заранее, своего рода фон знаний о предмете или ситуации высказывания.

Подводя итог сказанному ранее, важно отметить, что в рамках

ТРА изучаются многие аспекты языка. Действительно, “область лингвистической прагматики - делают вывод Н.Д.Арутюнова и Е.В.Падучева - не имеет четких контуров” [9, с. 42]. Однако, в самом общем смысле главной ее задачей является изучение языка в плане его употребления, а “основную ее заслугу можно видеть в том, что она ввела в научный обиход большое количество фактов, дотоле либо отвергнутых, либо вовсе незамеченных лингвистикой”.

Важность ТРА заключается в ее необходимости для “установления видеть факты, так как именно при ее свете факты становятся видными, т.е. делаются действительно фактами” [234, с.509].

“Успех теории, отмечает Р.С.Столнейкер, определяется не тем, можно ли дать ее понятиям строгие дефиниции, а тем, обеспечивает ли теория аппарат для изучения интересных языковых явлений и проведения существенных понятийных разграничений” [204, с.437]. Можно с уверенностью сказать, что в рамках ТРА речевые понятия объясняются не путем их определения, а через их использование для описания наблюдаемых явлений.

Современные лингвисты и логики говорят о новом повороте в лингвистических исследованиях. Сначала в центр высказывания был помещен “эгоцентрически мыслящий Говорящий” [209, с.3]. С обращением прагмалингвистов к ТРА “личностное начало” стало отступать на задний план. Внимание на этом этапе было обращено на структурные аспекты РА, соотношение в нем звукового, лексико-грамматического, пропозиционального, иллокутивного, а иногда и перлокутивного актов. РА был абстрагирован, остановлен во времени; говорящий был растворен во множестве логически исчисляемых правил успешности РА, постулатов общения и т.д. Это был неизбежный этап развития науки о языке, так как он диктовался

необходимостью инвентаризировать отдельные РА, построить их типологию, а затем и типологию речевых ходов и их последовательностей.

На новом этапе своего развития прагматика, говоря словами Д.Г.Богушевича, “активно искупает один из семи грехов, в которых ее обвинила Д.Франк” - грех излишней детализации и абстрактности [41, с.73]. Все больше появляется исследований, в которых непосредственным предметом является не отдельное абстрактное высказывание, а сам процесс вербального общения, в котором высказывание рассматривается уже как элемент более крупных речевых образований. Объектом исследования должны служить не отдельные РА, воплощенные в репликах участников, а речевые роли, т.е. серии РА каждого из участников эпизода общения [92; 185; 56 и др.]. Сам же говорящий провозглашается субъектом деятельности и общения, Субъектом языковой коммуникации, Творцом отношений с другими интерактантами и коммуникантами в данном дискурсе [209, с.4].

Наиболее яркими представителями французской прагматической школы являются Ф. Арманго [242], Ф. Латраверс [270], Ж.-М. Гувар [260], Д. Мэнгено [274-275]. Вслед за Дж. Л. Остиным они изучают основные понятия прагматики: речевой акт, иллокутивную силу высказывания, перформативный глагол, а также занимаются вопросами изучения макроречевых актов и речевых жанров. Ф. Арманго и Ф. Латраверс предлагают подробный обзор существующих теорий речевой деятельности с анализом основных положений ТРА. Ж.-М. Гувар предпринимает попытку детального описания методологии прагматических исследований с целью изучения понятия пресуппозиции. Д. Мэнгено, в свою очередь, обращается к

анализу дискурса и его составляющих. Таким образом, исследования французских ученых направлены, в основном, на глубинное изучение теоретических проблем прагмалингвистического анализа ТРА.

Российские исследователи ТРА развивают данное научное направление в рамках отечественной лингвистической традиции. Проблемы прагмалингвистики представлены в трудах Н.Д. Арутюновой, Е.И. Беляевой, В.В. Богданов, Е.Г. Вышкина, В.Г. Гака, Г.Г. Почепцова и др. Речевые акты изучаются с разных позиций: с точки зрения теоретического аспекта [3-4; 65; 139-140; 206-209], практического употребления различных РА [23-27] а также в сопоставительном аспекте [66-73; 64; 76; 152; 158 и др.].

1.2. Обзор различных классификаций речевых актов и принципов, положенных в их основу

Проблема классификации РА изучалась зарубежными и отечественными лингвистами [243; 292; 258; 304; 182; 34-37]. Современная лингвистика и по сей день занимается вопросом создания типологии коммуникативных типов высказываний. В настоящее время имеется значительное количество классификаций, которые не исключают, а незначительно дополняют и модифицируют друг друга. В связи с этим, вопрос о количестве типов речевого поведения остается открытым и до конца нерешенным с теоретической точки зрения.

В данном параграфе предлагаемого исследования мы считаем необходимым обратиться к различным таксономиям РА с тем, чтобы выявить в них место речевых актов изучаемого нами типа, а именно РА угрозы и предупреждения.

Первая классификация РА была предложена Дж. Остином. По его мнению, классификация иллокутивных актов базируется на выявлении факторов, благодаря которым высказывания в процессе общения обретают подлинный смысл. Однако, сам автор собрал и расклассифицировал глаголы, которые обозначают действия, производимые при говорении и которые могут использоваться для экспликации силы высказывания.

Итак, Остин выделил пять групп РА и, как он сам пишет, “образовал эти классы в соответствии с иллокутивной силой входящих в них высказываний и дал им следующие более или менее отталкивающие имена” [171, с.119]:

1) Вердиктивы - вынесение приговора: оценка, мнение, одобрение;

2) Экзерситивы - осуществление власти прав: приказ, совет, предупреждение, принуждение;

3) Комиссивы - обязательства: обещания, декларации, участие, поддержка;

4) Бехабитивы - описание и выражение наших чувств: извинение, поздравление, похвала, соболезнование, ругань, вызов;

5) Экспозитивы - разъяснение оснований, аргументов и сообщений: “Я отвечаю, доказываю, признаю” и т.д.

Таким образом, перформативный глагол определяет тип РА, но у целого ряда иллокутивных актов нет такого выражения (ср. to boast, to flatter). Остин отмечает это, но не учитывает этот фактор в своей классификации, чем, видимо, и объясняется отсутствие, например, РА угрозы среди перечисленных им типов речевого поведения (глагол to menace - квазиперформатив). Хотя, если приравнивать угрозу к заявлению о намерении, то данный РА следует отнести к комиссивам.

Что же касается РА предупреждения, имеющего перформативное выражение, Остин относит его к классу экзерситивов наряду с приказом, советом, принуждением.

Позднее Серль выступил с критикой классификации Остина, а точнее принципа, положенного в ее основу. По мнению Серля Дж. Остин подменяет понятия “иллокутивный акт” и “иллокутивный глагол” и строит свою таксономию как классификацию глаголов, а не РА.

Иллокутивный акт - это общее речевое понятие, а иллокутивные глаголы характеризуются национальными особенностями различных языков [292]. Да и само количество перформативных глаголов английского языка у разных авторов не представляет собой одинаковую величину. Например, по мнению Остина в английском языке можно выделить при самом приблизительном подсчете до 10^3 глаголов [171, с.118]. Дж. Лайнз считает, что количество перформативных глаголов доходит до 300 [273, с.736]. Дж. Версурен отмечает, что если подходить к разграничению РА с должной тщательностью, то их количество достигнет такого числа, что ни один язык не будет в состоянии описать все РА имеющимся количеством глаголов [302].

Самая подробная классификация представлена в трудах Балмера и Бренненштуля, где авторы выделяют 8 классов, 24 модели и 660 категорий, отражающих модели речевого поведения, подвергнув анализу 4800 глаголов речевого поведения английского языка [245, с. 230].

По мнению Е.И.Беляевой классификации типов речевого поведения “во многом определяются интуицией исследователя, и поэтому количество и характер выделяемых РА варьируются в

значительных пределах” [27, с.6].

В свою очередь Серль выдвигает 12 признаков - “значимых измерений, в которых происходит варьирование иллокутивных актов” и на базе этих признаков предлагает свою классификацию РА. Дж. Серль учитывает не только цель данного РА, но и различия в статусе говорящих, различия между РА с перформативным употреблением глагола и без такового или, например, РА, требующие для своего осуществления внеязыковых установлений и те, которые их не требуют (ср. чтобы угрожать, надо соблюдать только правила языка, внеязыковые установки не требуются). Классификация Серля содержит также пять основных типов РА:

1) Репрезентативы (позднее названные автором ассертивами) - высказывания, выражающие убеждение говорящего в истинности пропозиционального содержания (сообщение, утверждение, предположение, объяснение и т.п.).

2) Директивы - высказывания, с помощью которых говорящий пытается добиться выполнения слушающим какого-либо действия (приказ, команда, распоряжение, совет, просьба, предупреждение и т.п.).

3) Комиссивы - высказывания, в которых говорящий принимает на себя те или иные обязательства относительно последующего хода событий (обещание, декларация, участие и т.п.).

4) Экспрессивы - высказывания, обозначающие определенное психологическое состояние говорящего по отношению к чему-либо (благодарность, сожаление, извинение, приветствие и т.п.).

5) Декларации - высказывания, употребление которых приводит к новому положению дел (заявления, напр., “Вы уволены”).

Как следует из классификации Серля РА предупреждения

входит в класс директивов, коммуникативным назначением которого являются “попытки ... со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил”. Что касается РА угрозы, то и в этой классификации нет однозначного понимания данного РА, но, исходя из предложенных Серлем трактовок базисных типов речевых актов, угроза, как нам кажется, близка к директивам.

По мнению В.В.Богданова недостаток таксономии Серля заключается в отсутствии дальнейшего разбиения исходных пяти классов на подклассы по дополнительным признакам, а это необходимо, если учесть, что каждый класс включает в себя большое количество весьма разнообразных глаголов [37, с.27]. Тем не менее, в классификации Серля есть одно рациональное зерно. Это мысль о том, что зачастую в одном и том же высказывании мы совершаем сразу несколько действий из этого списка [293].

Развивая типологию, предложенную Дж. Серлом, М. Хенчер указывает на возможность существования сложных РА и выделяет два смешанных типа речевых актов: а) комиссивно-директивный; б) репрезентативно-декларативный. Первый тип подразделяется им еще на три группы, когда, во-первых, комиссивное действие предшествует директивному и является условием осуществления последнего; во-вторых, когда оба действия происходят одновременно и, в-третьих, когда комиссивное действие выполняется после реализации директивного, а выражение говорящим своего намерения является достаточным условием осуществления действия директива. Особенностью таких сложных РА по Хенчеру является то, что они выражают сразу по две иллокутивных силы, ни одна из которых не преобладает. Однако, чаще всего эксплицитно бывает выражена какая-либо одна иллокутивная сила, что создает возможность

манипулировать данными РА [262].

В классификации прагматических типов высказываний, предложенной Г.Г. Почепцовым, ведущим принципом для коммуникативно-функционального описания предложения являются их функциональные свойства, где играет роль коммуникативная, а не языковая компетенция носителей языка. Одно и то же предложение, указывает автор, может быть констатацией факта, обещанием, угрозой (например, “Я буду следить”). Предложения отличаются друг от друга коммуникативной интенцией (присущей предложению направленностью на разрешение определенной языковой задачи). Итак, Почепцов выделяет:

- 1) Констативы - описания действий.
- 2) Промиссивы - обещания.
- 3) Менасивы - угрозы.
- 4) Перформативы - совершение действий.
- 5) Инъюнктивы - побуждения, обязательные для выполнения (приказ и т.п.).
- 6) Реквестивы - побуждения, необязательные для выполнения (просьбы, советы, предупреждения).
- 7) Квеситивы - вопросительные предложения.

Обращает на себя внимание тот факт, что угроза представляет собой отдельный вид РА под названием “менасив”. По мнению Г.Г.Почепцова такие РА близки по своему значению к промиссивам (их объединяет отнесенность к будущему, ряд особенностей ролевой структуры), но отличаются от них по признаку “+/-” отношения адресата к содержанию обращенного к нему высказывания. Речевой акт предупреждения представляет собой вид побуждения, необязательный для выполнения [181, с.16].

Необходимо отметить, что существуют и другие классификации РА. По мнению В.Г.Гака их многочисленность и многообразие объясняются тем, что РА могут изучаться с разных точек зрения: по цели, по средствам их выражения, по ролевым мотивам выбора и употребления этих средств, по способам их организации в диалогических единствах и т.д. [68, с.15].

Взяв за основу функциональную классификацию РА, предложенную А.А.Леонтьевым [141], Л.П.Чахоян подразделяет ее на более конкретные типы речевого поведения. Так, РА приказа содержит не только приказ как таковой, но и просьбу, запрет, разрешение; РА вопроса может быть представлен верификативным вопросом, переспросом, уточняющим вопросом и другими типами. Тип высказывания, таким образом, “определяется коммуникативной целью, которая может быть определена как его функция в коммуникативном процессе” [224, с.121].

В унисон с концепцией М.Хенчера о сложных РА звучит предположение лингвистов Г.Г.Кларка и Т.Б.Карлсона о том, что каждый иллокутивный акт осуществляется посредством информатива - логически первичного иллокутивного акта [118, с. 270].

Дж. Аллен и Р.Перро в своей работе “Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании” предлагают выделять, с одной стороны, поверхностные РА, прямо соотносящиеся с формой высказывания. Их число невелико. Например, побудительное наклонение в предложении является поверхностным побудительным актом; изъявительное наклонение реализуется как акт информации. С другой стороны, РА определяется не через форму, а через намерение говорящего (что соответствует иллокутивному акту у Дж. Остина) и выполняется через

осуществление некоторого поверхностного акта [2, с.322].

Точка зрения Ф.Р.Пальмера на типологию РА связана, прежде всего, с модальностью высказывания или отношением говорящего к своему высказыванию. Под этим углом зрения он делит РА на: а) алетические, основанные на модальности истинности; б) эпистемические, основанные на модальности знания (напр., мнение, предположение); в) деонтические, основанные на модальности обязательства (напр., угроза, приказ, просьба, совет и т.п.). Надо отметить высокую употребительность данных терминов в лингвистических исследованиях последних лет [89; 183].

Е.С.Петелина, проводя исследование на материале английского языка, приходит к выводу, что система РА этого языка содержит два экспрессивных типа речевых актов: перформативно выразимые и принципиально перформативно невыразимые акты. Последний тип, по ее мнению, представлен двумя группами глаголов, выражающих РА социального этикета и акты побуждения. Каждая группа имеет иерархическое строение. Интересующие нас акты угрозы и предупреждения располагаются среди РА социального этикета в подклассе неодобрения поведения [177, с.182].

В таксономии РА, предложенной Т.Е.Янко, классификационным принципом выступает другой параметр; не содержание РА, а способ его выражения, иначе - мера эксплицитности. Принцип соотношения иллокутивной силы и пропозиции позволяет автору выделить 6 типов предложений, в которых находят свое выражение три основные функции языка (по К.Бюлеру), а именно: отображать мир, выражать говорящего, апеллировать к слушающему. Эти три функции языка представлены разными типами предложений и с разной степенью эксплицитности. "Нейтральные повествовательные

предложения отображают мир, восклицания выражают состояние говорящего, обращения апеллируют к слушающему, вопросы и императивы выражают говорящего и апеллируют к слушающему”. Автор данной классификации различает сознательное и открытое выражение иллокутивной цели (перформативные глаголы) и бессознательное, которое выражается интонацией (наставления, угрозы), наклонением или структурой предложения. “Только неосознанное присутствие иллокутивной цели делает высказывание речевым действием. При любой экспликации иллокутивных целей совершается акт рефлексии говорящего над собственной деятельностью, что немедленно превращает предложение в описание фрагмента мира” [237, с.102].

Большое внимание вопросу о типологии высказываний уделяет в своих исследованиях А.Вежбицка. Согласно ее гипотезе мы можем выделить конкретный тип высказывания в зависимости от двух факторов: во-первых, что было сказано; во-вторых, считаем ли мы, что намерения и/или предположения, выражаемые словами или интонацией того, что говорится, действительно могут быть приписаны говорящему. Исходя из этой гипотезы, Анна Вежбицка считает, что разные типы высказываний включают различные намерения и предположения и, в связи с этим, выделяет РА типа сообщения, просьбы, приказа, требования, угрозы, совета и т.д. [51].

Интересная и своеобразная типология РА предложена Д.Н.Личем. Она отражает его понимание “принципа Вежливости” в общении. По мнению автора соотношение иллокутивной цели высказывания и социальной цели, всякий раз стоящей перед говорящим, порождает 4 блока РА:

1) “Конкурирующая группа” (компетитив) представлена высказываниями, в которых речевая вежливость соперничает с социальной вежливостью. Это такие иллокуции как приказ, требование, просьба, предупреждение и т.п.

2) “Солидарная группа” (конвиивал) включает РА, в которых иллокутивные и социальные цели совпадают: предложение, приглашение, поздравление, благодарность.

3) “Коллаборативная группа” (коллаборатив) состоит из РА, где иллокутивная функция высказывания не противоречит социальной функции, но и не совпадает с ней: утверждение, сообщение, объявление, инструктирование.

4) “Конфликтная группа” (конфликтив) объединяет высказывания, иллокутивные цели которых сталкиваются с социальной целью: угроза, обвинение, проклятие, упрек.

Чтобы повысить степень вежливости иллокутивной силы, отмечает Д.Лич, используются различные способы ее косвенного выражения. Говоря о четвертой группе иллокуций, Д.Лич подчеркивает, что здесь не может быть и речи о вежливости, так как “угрожать кому-либо, поносить или проклинать кого-либо вежливо - явно противоречит одно другому” [271].

Определенный интерес с точки зрения анализа классификаций РА представляет работа В.В.Богданова “Иллокутивная функция высказывания и перформативный глагол” [34], в которой он представляет перечень иллокутивных актов, встречающихся в различных классификациях, но не повторяющих друг друга. В настоящее время это наиболее полный список типов речевого поведения, различаемых по цели высказывания:

- 1) Декларативы - утверждения
- 2) Интерrogативы - вопросы
- 3) Директивы - побуждения
- 4) Вердиктивы - приговоры
- 5) Промиссивы - обещания
- 6) Пермиссивы - разрешения
- 7) Экзерситивы - ограничения власти прав
- 8) Комиссивы - обязательства
- 9) Экспозитивы - соглашения, возражения
- 10) Сатисфактивы - благодарности, пожелания

В классификации В.В.Богданова интересующие нас акты специально не выделены, но они имеют общие черты с директивами, промиссивами и комиссивами. Подробнее особенности угрозы и предупреждения мы рассмотрим в практической части нашего исследования. Здесь, однако, необходимо указать на логическую двучленность структуры РА угрозы, совмещающую в себе признаки директива и комиссива.

Таким образом, проведя небольшой обзор имеющихся классификаций коммуникативных типов высказываний, мы можем сделать вывод, что принцип, положенный в основу построения той или иной таксономии, меняется в зависимости от цели исследования. Прежде всего, ученые обращали свое внимание на форму высказывания, т.е. первичным признавали структурный принцип. В связи с этим выделялось небольшое количество типов высказываний, что соответствовало их подразделению на повествовательные, побудительные и вопросительные предложения.

С развитием ТРА главенствующее положение начинает занимать коммуникативный принцип, который учитывает не только

форму, но и содержание высказывания. Пример Г.Г.Почепцова: *Который час?; Скажите, пожалуйста, который час; Хотел бы я знать, который час* наглядно показывает, что данные построения сходны в коммуникативном плане, хотя и различаются по внешней форме [181, с.15].

Выдвижение коммуникативного принципа на первый план тоже не означало единого подхода к типологии РА, так как по справедливому замечанию В.Г.Гака, “РА могут классифицироваться на основании различных аспектов самого речевого акта” [68, с.14]. Так, мы видим, что у разных авторов этими аспектами являются: цель общения (Остин, Серль); способ выражения этой цели (Т.Е.Янко); цель и средства организации высказывания (М.Хенчер); “коммуникативно-функциональный” аспект высказывания (Г.Г.Почепцов); отношение говорящего к своему высказыванию (Ф.Р.Пальмер); намерения и предположения говорящего (А.Вежбицка); тип взаимоотношения иллокутивной цели высказывания с социальной целью (Д.Лич). Таким образом, в настоящее время не существует единой типологии РА, а “предлагаемые различными логиками и лингвистами классификации неустойчивы и быстро приходят одна на смену другой” [68, с.14]. Для нас важна, прежде всего, цель общения. С этой точки зрения, по мнению В.Г. Гака, все РА делятся на информативные и неинформативные. Информативные высказывания могут иметь различную иллокутивную силу. К неинформативным РА относятся контактоустанавливающие, эмоционально-оценочные и другие, которые служат не для обмена информацией, а для установления контакта и выражения эмоционального состояния собеседников.

В лингвистической литературе можно встретить также подразделение РА на инициативные и реактивные с точки зрения

позиции в дискурсе [305]; односторонние и кооперативные (дву- и многосторонние) с точки зрения количества участников разговора [262].

С точки зрения структуры РА делят на простые, которые реализуются в одном высказывании; составные, требующие помимо основного РА еще и вспомогательный, и сложные, реализуемые на уровне текста [252].

П.Ф.Стросон также говорит о двух типах РА: конституированных и неконституированных в зависимости от того, насколько выполнение намерения говорящим определяется социальным законодательным укладом (ср. РА объявления приговора, бракосочетания) [205].

Таким образом, в основе таксономического разнообразия лежат две основные проблемы:

1) Что следует классифицировать: речевые акты или речевые средства (в частности глаголы). Например, Дж. Версурен предлагает классифицировать лексические средства.

2) Каково исходное основание классификации. Главным критерием у большинства лингвистов является иллокутивный. Исключение составляют классификации Дж. Лича, Стайлза, Балмера и Бренненштуля.

В.В. Богданов, например, предлагает брать за основу таксономии дихотомический принцип, оправдавший себя в исследованиях по фонологии, морфологии, синтаксису, лексикологии и т.д. “Дело в том, отмечает автор, что при делении класса на два подкласса всегда можно указать признак деления, который должен быть четким и релевантным. Не исключено, что такое деление будет оправдано только на верхних уровнях дихотомической

классификации, а по мере движения вниз его можно будет дополнять недихотомическим подходом. Разработка такой процедуры, указывает автор, - дело будущего” [37, с. 36].

1.3. *К вопросу о прямых речевых актах*

Теория речевых актов обратила внимание лингвистов на принципиально новый уровень значения, называемый иллокутивной силой или функцией, коммуникативно-интенциональным или “прагматическим значением, отражающимся в функциональной направленности высказывания” [68, с.15]. В связи с выявлением нового уровня значения встала проблема способов его выражения. Вопрос о способах выражения побудительного значения высказывания имеет свои традиции в лингвистической литературе, и, как показывает анализ различных концепций, авторы обычно противопоставляют два вида способов, так называемые “прямые” и “косвенные”, что соответствует прямым и косвенным РА: *actes illocutionnaires directes ou indirectes* [241; 287; 292]. Данная проблема ставится в двух аспектах: разграничение прямых и косвенных РА и интерпретация природы косвенных речевых актов - механизмов, лежащих в основе передачи прагматического значения косвенным путем.

Применительно к традиционной классификации предложений по коммуникативной установке, эта оппозиция решается следующим образом. Так, для побудительного РА употребление формы императивного предложения является наиболее типичным средством выражения целеустановки. Для вопросительного РА такой формой является интеррогативная структура. РА типа “утверждение” реализуется в форме повествовательного предложения. Если же

формы повествовательного и вопросительного предложений употребляются для реализации побуждения, то они представляют собой так называемый “косвенный” способ выражения речевой целеустановки, так как содержат показатель иного иллокутивного значения (вопрос, утверждение), а речевая целеустановка побуждения выражена в пресуппозиции. Из вышесказанного следует, что бинарная оппозиция прямых и косвенных способов выражения речевой целеустановки предполагает два момента: а) иллокутивное значение высказывания всегда имеет определенное выражение в структуре фразы, и, следовательно, любая употребленная структура обладает одинаковым в этом смысле коммуникативным потенциалом; б) любое иллокутивное значение РА может быть выражено только двумя способами: либо “прямо”, либо “косвенно”. В действительности это не так. Многие современные лингвисты, изучающие РА разной коммуникативной направленности с точки зрения их прагматической функции [38; 27; 167], приходят к выводу о том, что особенностью иллокутивного аспекта высказывания вообще является тот факт, что это значение может не присутствовать (т.е. не быть выражено) в семантической структуре конкретного употребленного высказывания как самостоятельное целостное значение.

Второй пункт оспаривается французским лингвистом Реканати, который считает, что существуют такие ситуации общения и такие РА, в которых говорящий не имеет возможности выразить целевую установку “прямо” в силу того, что ни одна грамматическая форма предложения функционально не специализируется на выражении иллокутивной информации в них. Наглядным примером могут послужить РА угрозы, оскорбления и некоторые другие. Фр. Реканати признает возможность “прямого” выражения иллокутивного значения,

не употребляя грамматических форм предложения, уже содержащих в своем значении схему речевой целеустановки. В его схеме, отражающей способы выражения речевой целеустановки, принципиальным новшеством является различие эксплицированных и неэксплицированных формальным элементом способов выражения этого значения в кадре “прямые”. В одном случае говорящий употребляет в высказывании грамматическую форму, содержащую показатель речевой целеустановки, во втором это значение выводится адресатом из контекста и ситуации [285, с.27].

Таким образом, проблема определения прямых РА, связанная с выявлением языковых средств, регулярно соотносимых с тем или иным типом РА, рассматривается как проблема “конвенциональности” - закреплённости употребления той или иной языковой формы за определенным прагматическим значением, ибо показатели иллокутивной функции высказывания, выделенные Дж. Серлем (порядок слов, пунктуация, ударение, интонация, наклонение глагола, контекст) и служащие для определения типа РА не являются удовлетворительным критерием для разграничения прямых и косвенных форм передачи прагматического значения. На данном этапе предпринимаются попытки выделения отдельных языковых маркеров иллокутивной силы, сигнализирующих о типе РА [201; 174]. В первую очередь здесь следует упомянуть языковые средства с дейктической функцией, в частности, обращения, частицы, модальные слова, наречия, междометия, т.е. все то, что принято называть контекстными координатами, предназначенными для дополнительного выражения интенции говорящего и дающими возможность более точно понять иллокутивную силу конкретного типа побудительного РА.

Решить вопросы классификации способов выражения речевой целеустановки побудительных высказываний, оперируя лишь тремя кардинальными коммуникативными типами предложений, нельзя. Очевидна необходимость детализации и уточнения функциональной спецификации предикативных моделей повествовательных и вопросительных предложений с точки зрения их лексико-грамматического состава (а также с точки зрения того, какими правилами, знаниями руководствуется адресат при интерпретации соответствующего высказывания как побудительного).

В настоящей работе за основу принимается точка зрения, согласно которой выделение прямых и косвенных РА есть выделение прямых и косвенных способов выражения определенной речевой целеустановки. В связи с этим, прямыми РА любой интенции мы будем считать такие, в которых: а) на поверхностном уровне представлены все компоненты семантической модели; б) все (или почти все) компоненты выражены эксплицитно; в) имплицитно выраженные компоненты не требуют привлечения контекста для понимания смысла. Другими словами, прямой речевой акт представляет собой самодостаточное высказывание, смысл которого может вычлениваться из одной реплики говорящего, вне ситуации общения. Наше понимание прямых РА в полной мере соответствует определению основоположников ТРА, которые трактуют их как случаи, “когда говорящий имеет в виду ровно и буквально то, что он говорит” [193-195; 85].

1.4. К вопросу о косвенных речевых актах

В рамках столь популярной и достаточно критикуемой в последнее время ТРА более тщательному анализу начинают подвергаться косвенные смыслы речевых актов. Дело в том, что любое высказывание обладает, как правило, несколькими значениями. Собственное значение высказывания (то, которое складывается из значений его компонентов) не всегда совпадает с его прагматическим значением (тем, которое определяется ситуацией общения). Широко известный пример французского лингвиста П.Ларрейя наглядно демонстрирует это. Мать, обращаясь с фразой *Телевизор не работает* к детям, имеет в виду нечто иное, чем то, когда она говорит это мужу. В первом случае высказывание понимается как: *Вы не будете смотреть телевизор, садитесь за уроки*, во втором - *Телевизор надо починить* [269, с. 22]. Таким образом, в зависимости от ситуации общения одно и то же высказывание может выполнять различные функции и тем самым, иметь несколько прагматических значений. Так, обычная констатация факта *Он придет завтра* в реальных условиях коммуникации становится либо обещанием, либо предостережением, либо угрозой.

Многие лингвисты указывают на тот факт, что очень часто в речи прагматическое значение полностью “вытесняет прямое значение высказывания” [68, с.15], и, стало быть, само становится собственным или первичным значением. Например, конструкции: Не могли бы Вы, Не знаете ли Вы приобрели новые значения и воспринимаются как смягченная просьба и информативный вопрос. Буквальные ответы на эти вопросы, подразумевающие физическую способность выполнить действие в первом случае (*Могу, Не могу*) и достаточную степень

осведомленности во втором (*Знаю, Не знаю*) возможны, но чаще всего воспринимаются как речевая ирония или являются свидетельством непонимания смысла высказывания. Памятуя о том, что язык - явление социальное, не существующее вне общества, необходимо подчеркнуть важность овладения не только языковой, но и “коммуникативной” (Почепцов Г.Г.) или “прагматической” (Арутюнова Н.Д.) компетенцией при изучении иностранного языка. Ономастологический подход к изучению различных прагматических значений одного и того же высказывания играет большую роль, ибо “знать язык - это знать систему данного языка и уметь ею пользоваться” [176, с.50]. Этим объясняется повышенный в последнее время интерес к изучению и анализу косвенных речевых актов, а также важность понимания и правильного интерпретирования имплицитных смыслов высказываний.

Проблема косвенных речевых актов (далее: КРА), впервые поставленная Дж.Серлем, заключается в выяснении того, каким образом говорящий может выражать с помощью некоторого высказывания не только то, что оно непосредственно означает, но и нечто иное и, что немаловажно, каким образом становится возможным понимание косвенного смысла слушающим. Например, в случае предложения типа: *Можете ли Вы передать соль?* трудно представить ситуацию, в которой это высказывание не было бы просьбой. Однако, несмотря на то, что формула *Можете ли Вы...* автоматически воспринимается как просьба, случается, что подобные вопросы выступают в своей первичной функции, а именно приобретают статус информативного вопроса. Так, например, врач, справляясь о состоянии руки своего пациента, может спросить: *Можете ли Вы поднять руку?* [278, с.38].

В научной литературе, посвященной косвенным высказываниям

[193-195; 126; 85; 7-13; 109; 136; 188 и др.], имеется большое количество работ, авторы которых выделяют КРА по двум признакам: а) в зависимости от соответствия лексико-грамматического значения предложения реальному смыслу высказывания; б) по способу передачи иллокутивного намерения говорящего. Исходя из этого, КРА определяются как речевые действия с имплицитно выраженной иллокутивной силой. Необходимо отметить, что при переносном употреблении предложения исходное, “прямое” значение РА не устраняется. Оба значения сосуществуют, причем переносное наслаивается на прямое.² Первичное значение при его соотнесении с контекстом и ситуацией речи [174, с. 44; 25, с.13; 166, с.140] является посылкой для операций логического вывода, опирающегося на “фоновые знания говорящих, условия общения” [68, с.15]. Так, вопросительное высказывание: *Et si j'appelle la police? А если я вызову полицию?* [ЕАР, с. 48] при соответствующем контексте - хозяин дома обращается к незванному гостю с требованием перестать стучать в дверь - становится КРА угрозы. Немаловажную роль играют традиции и привычки носителей языка, которые формируют национальную специфичность и только этому языку присущие способы выражения косвенных смыслов высказываний.

Отечественные и зарубежные лингвисты по-разному освещают проблему КРА. Своеобразный взгляд на природу косвенности мы находим, например, у Д.Лича. Он считает, что все иллокуции

² Что отрицал Дж. Серль, вернее он не рассматривал такие РА в качестве косвенных, полагая, что КРА - это “случаи, когда один иллокутивный акт осуществляется опосредованно, путем осуществления другого” [194, с. 196] и, следовательно, не может обладать двумя иллокутивными силами одновременно.

являются косвенными, т.е. их значение всегда выводится из имплицатур. Различие состоит лишь в степени косвенности. Наиболее “прямые” иллокуции представлены теми высказываниями, в которых отсутствует противоречие между иллокуцией и принципами речевого общения и поэтому прагматическое значение выявляется быстро. Косвенные иллокуции отличаются от прямых бóльшим количеством “ступеней”, которые преодолевает человеческий интеллект, чтобы прийти до “конечной цели” – установления прагматического значения.

Г.П. Грайс решает проблему прямых и косвенных РА в терминах конвенциональных и неконвенциональных имплицатур. Высказывание соотносится с предложенными автором принципами речевого общения, основным из которых является принцип Кооперации. Соблюдение этого принципа соответствует конвенциональной имплицатуре (прямые РА), а его нарушение порождает неконвенциональные имплицатуры – “говоря, что Р, говорящий имплицировал, что Q”. Вывод значения при неконвенциональной имплицатуре должен быть логическим, а не интуитивным [85, с. 227].

В отечественной лингвистике существует комплексный подход в исследовании КРА, который предусматривает анализ языковых явлений в связи с ситуацией общения, с речевой деятельностью партнеров по коммуникации. КРА рассматриваются с позиции прагматической трансформации [104], в соответствии с которой значение транспонированных предложений предстает как результат действия многочисленных и разнообразных параметров речевого общения лингвистического и экстралингвистического порядка. Так, Г.Г. Почепцов рассматривает КРА как случай транспонирования формы для передачи другого содержания. Прагматическое

транспонирование предложений происходит тогда, когда предложение, по своим формальным признакам являющееся единицей одного прагматического типа, приобретает в речи иллокутивную силу другого прагматического типа. Например, вопросительное предложение используется для передачи значения побуждения [182, с. 8].

Исследуя вопросительные предложения, Р.Конрад приходит к сходному выводу, считая косвенными такие вопросительные высказывания, в которых одновременно выражаются значения вопроса и просьбы, и называет их гибридными РА [126, с. 346].

Интересная трактовка прямых и косвенных РА принадлежит Ж.-К. Анскомбру. Три типа иллокутивных актов, выделяемых автором в рамках “включенной прагматики” [241], реализуются в языке посредством различных структур (ассертивная, интеррогативная, императивная). Первый тип (прямые иллокутивные акты) выражается в виде императивных или перформативных структур, например: *Fermez la porte! Je vous prie de fermer la porte. Закройте дверь! Я прошу вас закрыть дверь*). Косвенные эксплицитные высказывания содержат внешние показатели (маркеры), свидетельствующие о необходимости их косвенного осмысления. Маркером иллокутивной деривации [240, с. 13] могут быть как отдельные слова (например, модальные глаголы *pouvoir, vouloir*), так и целые синтагмы типа *je forme des vœux pour...* и др. Примером косвенных иллокутивных актов с маркированной деривацией является вопрос: *Veux-tu (pouvez-vous) fermer la fenêtre? Не мог бы ты (вы) закрыть окно?* И, наконец, третий тип РА - это косвенные иллокутивные акты с аллюзивной деривацией, особенностью которых является то, что они не имеют внешних показателей иллокутивной силы. Для их расшифровки

требуется привлечение механизма логического вывода, разработанного Дж. Серлем [194, с.199]. Например, при употреблении высказывания *Il y a un courant d'air! Здесь сквозняк!* в значении *Fermez la fenêtre! Закройте дверь!* делается ставка на сообразительность партнера по коммуникации. Приведем возможные на наш взгляд этапы рассуждения адресата: а) свежий ветер, создающий сквозняк, проникает через раскрытое окно; б) я способен закрыть окно и тем самым прекратить доступ холодного воздуха; в) говорящий знает о моей способности выполнить это действие, а также то, что я ничего не имею против; г) следовательно, я воспринимаю высказывание *Il y a un courant d'air* как попытку говорящего побудить меня к этому действию.

Каким же образом происходит процесс расшифровки истинного смысла высказывания? Многие лингвисты [81; 124; 267 и др.] пытаются дать ответ на этот вопрос. Упомянув выше о механизме логического вывода Дж. Серля, как одной из версий ответа на этот вопрос, мы считаем целесообразным привести ниже еще несколько точек зрения по этому поводу.

По мнению В. Кинча процесс расшифровки косвенного смысла высказывания проходит несколько этапов. Сначала в высказывании выделяются отдельные пропозиции, которые позволяют воссоздать его целостную структуру. На следующем этапе понимания слушающий сопоставляет основной смысл с предполагаемыми целями и мотивами говорящего. Только после этого выводится реальный скрытый смысл высказывания, в определении которого решающую роль играет коммуникативный контекст [267, с. 151].

В работе “Постулаты речевого общения” Дж. Гордон и Д. Лакофф объясняют механизм декодирования реального смысла РА

тем, что конкретное высказывание связывается с другими поверхностными структурами, для которых это значение является обычным и которые более точно выражают то же самое коммуникативное значение [9, с. 276].

Наиболее интересным нам представляется объяснение М. Крессуэла. Он связывает выведение истинного значения с тем, что сначала слушающий понимает “прямое” значение высказывания, выявив его глубинную структуру, а затем, обнаружив несоответствие этого значения контексту РА, продумывает ближайшие возможные пропозиции, которые могли бы стать переносным значением при данном буквальном [251, с. 130].

Таким образом, КРА выражаются языковыми формами, иллюкативная сила которых не является частью их семантики, а выводится логико-инференциальным путем (от англ. inferential - полученный или который может быть получен с помощью вывода из прямого значения высказывания с учетом речевой ситуации произнесения) [201] и в соответствии с принципом Кооперации. Там, где перевешивает прагматическое содержание необходимо не только понимание значения полученного сообщения, но и его интерпретация, которая обеспечивается знанием механизмов употребления языка. Речевое общение всегда опирается на стратегию диалога, на общие законы мышления [68, с.15]. Знание этих отношений снижает риск быть непонятым. В качестве иллюстрации позволим себе привести еще один пример из работы Дж. Серля, где на типичном примере явления косвенности (indirection) в диалоге:

Студент 1: “Давай пойдем в кино вечером”

Студент 2: “Я должен готовиться к экзамену”

автор показывает, что простое утверждение /2/ становится

отклонением предложения пойти в кино, “однако отнюдь не в силу своего непосредственного значения”. Так, если бы Студент 2 сказал в нормальной ситуации: “Я должен зашнуровать ботинки” или “Я должен есть воздушную кукурузу”, то ни одно из этих высказываний не означало бы отклонение предложения пойти в кино [194, с. 198]. Только фраза “Я должен готовиться к экзамену” выражает отказ, что следует из знаний экстралингвистической действительности собеседниками: говорящим известно, что подготовка к экзаменам требует большого количества времени и т.д. [68, с.16].

Известный в лингвистике тезис о том, что *всякое отклонение от привычного уже содержит в себе некоторую долю дополнительной информации* (310, с. 412) чаще всего подтверждается на примере КРА. При использовании косвенных высказываний эффект дополнительной информации создается путем нарушения принципа Кооперации, а именно - максимы релевантности (Не отклоняйся от темы!). В связи с этим положением принято считать, что степень релевантности определяет степень косвенности высказывания. Чем больше высказывание соответствует теме и цели РА, тем менее оно двусмысленно (косвенно) и наоборот.

Менасивные и авертивные высказывания, которые подвергаются более пристальному анализу в данной работе, чаще всего оказываются в фокусе косвенного выражения в силу причин лингвистического и экстралингвистического характера. К причинам лингвистического характера относятся, во-первых, невозможность перформативного оформления менасива. Во-вторых, наличие в языке

устойчивых речевых формулировок угрозы (*formules de menace*)³, так называемых фразеорефлексов [73, с. 47]. Они связаны с поведением человека, часто используются в речи и тем самым отражают этнокультурный аспект языка. Например, во французском языке: “*Je te montrerai de quel bois je me chauffe*”; “*Je vous écraserai comme un ver*”. (Буквально: *Я тебе покажу, какими дровами я отапливаюсь; Я вас раздавлю как червяка*). Сравни в русском языке: *Я тебе покажу, где раки зимуют; Я вас сотру в порошок*.

Идея деления всех лингвистических знаков на “готовые” и “новые”, выдвинутая в общем виде еще О.Есперсеном [102, с.17], получила дальнейшее развитие и глубокое научное обоснование в ряде работ отечественных и зарубежных лингвистов. О.Есперсен подчеркивал необходимость делать различие между формами и единицами типа формул и свободными выражениями. По замечанию ученого, “ряд единиц языка... имеет характер формул” [102, с.16], иначе говоря, в них никто ничего не может изменить. Неважно, каков состав формулы, а важно, чтобы она воспринималась как единое, нечленимое и неразделимое целое. Л.П.Якубинский также отмечал наличие “шаблонных речевых взаимодействий” и обращал внимание на то, как тесно связаны они с повседневными бытовыми ситуациями. По мнению ученого, образуются целые шаблонные фразы как отражение определенных шаблонов быта. Эти фразы в силу их “постоянного употребления в одной и той же бытовой обстановке становятся как бы окаменелыми, превращаясь в своего рода сложные синтаксические шаблоны; членение фразы в значительной мере стирается, и говорящий почти не разлагает ее на элементы” [236, с. 49].

³ См. Приложение стр. 283

Среди причин экстралингвистического характера нужно отметить:

1) Стремление говорящего сохранить некую долю такта в высказывании, содержащем угрозу и предупреждение, чего требуют известные принципы Вежливости и Кооперации в общении, хотя “...угрожать кому-либо, поносить или проклинать кого-либо вежливо - явно противоречит одно другому [271, с.107].

2) Лаконичность КРА, что связано с общим стремлением языка к экономии. Например: *Vous n'êtes pas sage: pas de fric! Ne budete послушным, не получите денег!* Однако, Н.А. Панина замечает по этому поводу, что “язык вырабатывает свои модели в согласии со своим “тактом”, ориентируясь на “комфортность” выражения, но отнюдь не в соответствии с тенденцией экономии” [176 с. 49].

3) Повышенная экспрессивность речи при косвенном выражении говорящим своего намерения.

4) Реализация говорящим некоторых своих стратегий, как то:

а) желание говорящего скрыть свою заинтересованность в осуществлении действия адресатом и одновременно предотвратить его возможное неподчинение;

б) стремление говорящего уйти от ответственности за авторство побуждения к действию;

в) желание говорящего не навязывать себя, отсылая собеседника к выбору “удобной” для него интерпретации, но с другой стороны - это средство, подвергающее риску быть плохо понятым.

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что человеческое общение очень многогранно и порой не может довольствоваться упрощенными языковыми формами, позволяющими выражать лишь элементарные семантические отношения, вытекающие

из конкретных ситуаций. Необходимость в более тонком моделировании коммуникативного процесса вытекает из “стремления к возможно более точной субъективной подаче объективного материала” [156, с. 56], так как отдельные индивиды по-разному оценивают одну и ту же действительность. В этой связи легко объясняется тенденция к косвенному выражению намерений, которая оправдывается тем, что говорящий пытается выразить в высказывании свое видение мира, пытается выразить при помощи языковых средств некоторые черты своей личности и свое отношение к личности адресата, рассчитывая на достаточно глубокое понимание со стороны собеседника.

1.5.Способы формирования косвенных смыслов высказываний

Говоря о косвенных смыслах высказываний, нельзя оставить без внимания способы формирования КРА. В этой части нашей работы мы считаем необходимым подробнее остановиться на основных способах их образования.

Дж. Серль подробно разобрал роль грамматических конструкций и модальных глаголов в формировании косвенных высказываний. Более широко этот вопрос рассматривается в статье В.Г.Гака, который выделяет три основных способа: а) отступление от правил речевого общения, сформулированных Г.П.Грайсом; б) семантические транспозиции; в) переносное употребление некоторых грамматических категорий и разрядов слов [72, с.84].

Сформулированные Г.П. Грайсом правила языкового общения подразумеваются автором как условия успешности РА и включают в

себя правила количества, качества, релевантности, способа действия.

Отступление от правила количества (максима полноты информации по Грайсу) часто создает дополнительные коннотации. Недостающие или излишние с точки зрения семантики компоненты могут косвенно выражать различные эмоции и чувства говорящего.

Отступление от максимы качества (говори правду!) подразумевает имплицитные способы выражения намерения говорящего. Это правило близко правилу релевантности (не отклоняйся от темы!). Иногда буквальный смысл высказывания оказывается неуместным в конкретной ситуации, но тем самым передает оттенки личностного восприятия ситуации коммуникантом, его манеру внутреннего осмысления событий. Например, в рассказе А.Аверченко “Здание на песке”: муж Митя ждет прибавления семейства и не раз задает один и тот же вопрос своему другу. Митя: *Он будет крупным ребенком. Такой большущий, толстый, розовый мальчуган... А? Как ты думаешь... что мы из него сделаем?* Муж Митя так надоел мне этими вопросами, что я хочу предложить вслух; - *Котлеты под морковным соусом.* Но говорю: - *Инженера.*⁴ Хотя и произнесенная, но подразумеваемая фраза косвенно указывает на то, что собеседник устал от однообразных вопросов.

Максима способа действия или манеры подразумевает ясность, краткость и последовательность изложения. Отступление от этого принципа часто используется в рекламе. Например, перед прокатом фильма “Le Grand Bleu” во Франции использовался метод “антирекламы” как способ привлечения максимального количества

⁴ См.: Аверченко А. Избранные рассказы. - М.: Сов. Россия, 1985. - С. 33.

публики: “*N’y allez pas! Ça dure plus que 3 heures!*” «*Не ходите на него! Это длится больше 3 часов!*»

Семантические транспозиции представляют собой, прежде всего, использование одного вида РА в значении другого, например вопроса в качестве побуждения: *Не скажете ли Вы, который час?* отрицательного высказывания в значении утвердительного и наоборот (принцип обратной корреляции в условных менасивных конструкциях). Одним из видов семантической транспозиции является употребление высказывания общего значения, вместо частного в конкретных условиях. Для угрозы в качестве примера можно привести высказывания, менасивное значение которых не относится к конкретному субъекту или к конкретным обстоятельствам, например: *Я так этого не оставляю! Жить надоело? Ну, заяц, погоди!* Эти фразы отличаются повышенной экспрессивностью и большей категоричностью, так как действия говорящим не конкретизированы: *Брюнет подвинься, а то блондином станешь! Шкуру с тебя спущу! Узнаешь, как искры из глаз сыпятся! Сделаю тебе бледный вид и форму чемодана, двойное дно, зубы рядом!*⁵ Высказывания подобного рода, представляющие собой “фразеологизированные реплики” (по В.Г. Гаку), относятся к языковым универсалиям. Межъязыковые различия здесь проявляются только в форме реплик или в их лексическом наполнении. Ср. во французском: *Je vous apprendrai à vivre! Vous aurez affaire à moi! Vous me trouverez sur votre passage! Je vais t'en faire voir de toutes les couleurs! Tu vas entendre parler du pays! Je te ferai voir trente-six chandelles!* (буквально: *Я научу вас жить! Будете*

⁵ См.: Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. - М.: ПАИМС, 1994. - 192 с.

иметь дело со мной! Встретите меня на своем пути! Я покажу тебе это во всех цветах радуги! Ты еще услышишь об этой местности! Ты увидишь у меня тридцать шесть свечей!) и другие.

Далее В.Г. Гак выделяет переносное употребление некоторых грамматических категорий и разрядов слов как еще один способ формирования косвенных смыслов высказываний. Он заключается в том, что некоторые грамматические типы предложений (вопросительные, отрицательные) или некоторые модальные глаголы употребляются в несобственном значении. Такое употребление грамматических форм является индикатором косвенного высказывания и отражает национальную специфику речевого поведения коммуникантов, так как “во многих случаях одна и та же иллокутивная сила реализуется в разных языках с помощью различных средств, даже при одинаковом лексическом наполнении фразы” [72, с.87]. Например, для передачи побудительного значения во французском языке могут использоваться повествовательные и вопросительные предложения. Интересно также несобственное использование модальных глаголов *vouloir* - хотеть, *pouvoir* - мочь. Положительная вопросительная форма этих глаголов во французских косвенных высказываниях употребляется для выражения побуждения. При этом соблюдается известная доля вежливости. Довольно часто встречается употребление глагола *vouloir* после условного *si* в директивных РА, выражающих различные оттенки волеизъявления (от совета до приказа).

1.6. Современные тенденции в изучении речевых актов, речевых жанров, стратегий и тактик

Благодаря стремительному развитию современной теории коммуникации, которая изучает разнообразные фрагменты действительности, связанные с взаимодействием субъектов в обществе и основанные на коммуникативной человеческой деятельности, учитывающей вербальные и невербальные факторы межличностного взаимодействия, возникают различные точки зрения и подходы в изучении вопросов вычленения и характеристики типов высказывания, их функционирования в речевой деятельности, выделения минимальной значимой единицы дискурса. В связи с этим наряду с теорией речевых актов появляются такие теории коммуникации, как теория речевых жанров и теория речевых стратегий и тактик. В данной работе нам кажется логичным дать характеристику новым направлениям прагмалингвистики.

Язык в его прагматической функции в ТРА рассматривается как средство воздействия на поведение и сознание людей в процессе общения [121-124 и др.].

Т. ван Дейк считает, что «речевой акт является актом или действием, тогда и только тогда, когда налицо сознательный индивидуум, который намерено производя некоторое физическое действие, имеет целью произвести в окружающем его мире некоторое изменение (или предотвратить таковое) [92, с.290].

ТРА выделением иллокутивного акта в каждом речевом поступке доказывает, что задачи общения выходят за рамки простого информирования собеседника относительно какого-либо события или явления и включают также намерение говорящего определенным

образом воздействовать и управлять поведением слушающего. Последние намерения сводятся к функциональным регулирующим целям, которые, по мнению Г.Г. Матвеевой, имеют прямое, не прямое и скрытое воздействие [154, с. 10].

В современной лингвистике коммуникативный процесс рассматривается, с одной стороны, как взаимонаправленный процесс взаимодействия коммуникантов – Теория речевых жанров и Теория речевых стратегий и тактик, благодаря чему уделяется внимание не только речевой деятельности говорящего, но и в равной мере коммуникативной деятельности слушающего, поскольку в психолингвистической реальности они предполагают друг друга.

Вопросами изучения Теории речевых жанров (ТРЖ) занимаются многие современные российские исследователи. [19; 94; 119; 120; 231; 87; 83; 107; 99 и др.]

ТРЖ М.М. Бахтина, в основу которой положен коммуникативно-деятельностный подход к изучению речевых жанров, предполагает, что «каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы называем речевыми жанрами [19, с.237]. По его словам, всякое высказывание обладает тремя характеристиками: 1) тематическое содержание («предметно-смысловая исчерпанность»), 2) языковой стиль (стилевое решение) и 3) композиционное построение (речевая воля говорящего). Таким образом, «языковые, или функциональные стили есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения, в каждой из которых бытуют и применяются свои жанры» [19, с. 241-259]. Речевые жанры как способы представления событий действительности функционально привязаны к различным видам деятельности человека. Главным

отличием концепции М.М. Бахтина от ТРА является трактовка речевого общения и его единиц с позиции социологического осознания действительности, тогда как в ТРА процесс коммуникации исследуется с психологических позиций.

Т.В. Шмелева вслед за М.М. Бахтиным в «анкете речевого жанра» выделяет шесть содержательных и один формальный признак речевого жанра [231, с.24-35]:

- коммуникативная цель: вводит понятие миров действительности, определяющих содержание диктума. Каждому из миров соответствуют свои типы жанров – сообщение, согласие, порицание, распоряжение и т.д.;
- образ автора: определяется такими параметрами, как полномочия, информированность, заинтересованность;
- образ адресата непосредственного участника диалога;
- предметно-смысловая завершенность высказывания;
- фактор прошлого: события общения, предшествующие данному речевому жанру;
- фактор будущего: раскрывает связь текста с последующим дискурсом;
- лексическое наполнение речевого жанра.

Анализируя компоненты речевого жанра Т.В. Шмелева дает детальную характеристику внутренней структуры речевого жанра с учетом детальности и многогранности речевого общения. В своем исследовании [231, с. 20] автор дает определение понятий теории речевых актов и теории речевых жанров: «ТРА обращена к сфере действий, тогда как учение о речевом жанре – к сфере текстов, высказываний как результатов действий». Таким образом, ТРА рассматривает наиболее конкретный минимальный отрезок

действительности – речевой акт, т.е. действие, структура которого определяется его прагматической функцией. Это действие всегда рассматривается в контексте ситуации.

Последователи ТРЖ придерживаются мнения о том, что только текст может считаться единицей коммуникации. Он создается для вербального и невербального сопровождения некоторого события. Он сложнее РА структурно и семантически и, как правило, включает несколько последовательных речевых действий. По мнению А. Вежбицкой изучение речевого жанра должно проходить в рамках теории элементарных смысловых единиц, то есть в моделировании жанра при помощи последовательности простых предложений, объясняющих мотивы, намерения и другие ментальные акты говорящего, которые и определяют тип высказывания, рассматривая РА как «пересечение чисто грамматического понятия – «предложения» - с нерешительно и непоследовательно популяризуемым понятием вербальной интеракции людей – носителей языка» [52, с.101]. А. Вежбицка утверждает, что для адекватного отражения коммуникативного процесса недостаточно лишь грамматического описания элементарных речевых актов. Она предлагает начать с перенесения акцента с понятия «речевой акт» на бахтинское понятие «речевой жанр» и анализировать его, опираясь на элементарные иллокутивные компоненты, соответствующие простым ментальным актам говорящего. После выделения коммуникативной цели речевого жанра, необходимо разложить все жанры на составляющие их мотивы, эмоции, пропозиции и т.д. и тем самым создать классификацию [52, с.109].

Речевой жанр, следовательно, отражает коммуникативный процесс как событие действительности. Такое событие имеет в своей

основе некоторый сценарий, состоящий из одной или нескольких сменяющих друг друга картин мира.

Общими принципами ТРА и ТРЖ являются изучение этих единиц в контексте экстралингвистических факторов: говорящий – слушающий, коммуникативное содержание высказывания, условия и обстоятельства производства РА и речевого жанра, цель общения (интенции говорящего), ситуация и сфера деятельности общения и др. Для ТРА основным является произнесение высказывания в определенных условиях, РА трактуется как действие [193], и поэтому основное внимание исследователей обращено на перформативные глаголы, реализацию иллокутивного намерения говорящего, тогда как параметры речевого жанра значительно шире: исследования в рамках ТРЖ посвящены изучению устойчивых форм речи и особенностей речевого поведения [228], описанию речевых действий в соответствии с типом действительности [112], выделению стилистического аспекта как элемента жанрового единства высказывания [19]. Общей чертой РА и речевого жанра является также и динамический аспект: изучение этих компонентов в процессе построения текста, динамике диалога.

Н.М. Кожина отмечает, что социолингвистический взгляд на проблему изучения речевого жанра заставляет ученого акцентировать диалогическую природу коммуникации, тогда как при характеристике РА основой изучения является воздействие говорящего для адресата. В связи с этим встает вопрос о разграничении РА от речевого жанра и речевой стратегии и тактики, обращение к которым связано с проблемой изучения вопросов планирования и контроля речевой деятельности для определения, как и какими средствами цели говорящего могут быть достигнуты.

Понятия речевой стратегии и тактики рассматриваются в

работах многих ученых, которые занимаются проблемами интерактивного процесса речевой деятельности [93; 188; 111; 107].

Концепции речевого воздействия А.Н. Баранова и Р. Блакара объясняют процесс речевого воздействия как осуществление власти, влияние на восприятие мира и способ его структурирования: «повседневное использование языка, наша непринужденная беседа предполагает осуществление господства...» [32, с.134].

Существует мнение, что речевые стратегии определяют общий характер речевого поведения, необходимого для достижения определенной цели, по мнению Т. ван Дейка, они определяют, как и какими средствами, такие цели могут быть достигнуты [93, с. 277].

И.Н. Борисова рассматривает коммуникативную стратегию как результат организации речевого поведения говорящего в соответствии с прагматической целеустановкой, а также как «общее намерение, ... сверхзадача речи, диктуемая практической целью продуцента» [45, с.22].

О.С. Иссерс считает, что термины речевая тактика и речевая стратегия обозначают речевое воздействие как один из аспектов когнитивной деятельности индивида. Анализ речевого воздействия обычно проводится с позиции одного из коммуникантов – субъектов речевого воздействия, а в качестве объекта воздействия выступает партнер по коммуникации. Так, речевые стратегии и тактики имеют однонаправленный характер – партнер по речевому общению является пассивным объектом, воспринимающим воздействие со стороны говорящего [107, с. 21-24].

Стратегия речевого поведения охватывает всю сферу построения процесса коммуникации, когда ставится целью достижение определенных долговременных результатов. В самом общем смысле

речевая стратегия включает в себя планирование речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Иными словами, речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий (тактик), направленных на достижение определенной коммуникативной цели.

Рассматривая коммуникацию как акт взаимодействия участников общения, В.В. Красных понимает коммуникативный акт как «функционально цельный фрагмент коммуникации, ядром которого является текст (монолог, диалог или полилог)» [130, с. 43]. В каждом коммуникативном акте он выделяет две структурные составляющие: ситуацию и дискурс. Ситуация рассматривается им как фрагмент объективно существующей реальности. Дискурс предстает как вербализованная речемыслительная деятельность, представляющая собой совокупность процесса и результата и включающая в себя несколько компонентов: экстралингвистический аспект – ситуацию, условия общения и его участников; семантический аспект или контекст – имплицитно/эксплицитно выраженные смыслы, которые реально отражаются в дискурсе; когнитивный аспект – пресуппозиция; собственно лингвистический аспект (речь) – продукт непосредственного речепроизводства.

В процессе речевого общения речевые действия коммуникантов (коммуникативные акты) оказываются включенными также в процесс их социального взаимодействия, в ходе которого они решают, прежде всего, коммуникативные задачи, тогда как речевой акт направлен на достижение говорящим цели в соответствии с принятыми в данном обществе правилами речевого поведения. В связи с этим речевой акт характеризует акт взаимодействия коммуникантов с акцентом на

действие, а коммуникативный акт предполагает акцент на взаимодействие.

На основании указанных выше определений мы считаем, что термины речевая стратегия и тактика, понимаемые как совокупность целенаправленных речевых действий когнитивного общения, посредством которых контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего, и термин речевой жанр – речевой отрезок, отражающий одно из множества речевых событий и поступков в континууме жизненных ситуаций человека, обозначают более крупную единицу, чем термин речевой акт.

На основании изложенных выше характеристик речевой деятельности, а также особенностей функционирования различных речевых единиц в процессе коммуникации мы предлагаем следующее определение речевого акта в рамках понятий ТРА.

Под **речевым актом** мы будем понимать *тип целенаправленного речевого действия (высказывания) или совокупность речевых действий, совершаемых одним говорящим с учетом другого в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в определенном обществе.*

ВЫВОДЫ

1. Лингвистическая прагматика – раздел лингвистики, изучающий использование языка в коммуникативном процессе. Прагматическая функция языка – наличие цели воздействовать на собеседника посредством сообщения данной информации – считается одной из главных функций языка. В связи с этим прагмалингвистику можно определить как лингвистику непосредственной регуляции человеческого поведения. Основной задачей прагмалингвистики становится изучение языка в его прагматической функции.
2. Основу ТРА составили идеи Дж. Остина. Он впервые привлек внимание к тому, что произнесение высказывания может представлять собой не только сообщение информации, но и совершение действий, таких как приказ, совет, поздравление и т.д. Центральным понятием ТРА является РА, который воспринимается как трехуровневое образование, сочетающее в себе локуцию, иллокуцию и перлокуцию.
3. Функции РА называются иллокутивными силами. К показателям иллокутивной силы традиционно относят перформативные глаголы. Высказывания с перформативным глаголом не просто описывают действие, а равносильны осуществлению самого действия.
4. Анализ классификаций РА позволяет сделать вывод, что каждый исследователь берет за основу разные критерии разграничения одного вида иллокутивной силы от другого. Чаще всего иллокутивная сила выражается двумя способами: прямым и косвенным. Прямые способы выражения соответствуют семантической модели РА, а косвенные способы представляют

собой то или иное отклонение от нее. Правильная интерпретация иллокутивной силы обеспечивает правильное понимание или иными словами успешность употребления высказывания.

5. При решении вопроса о прямых и косвенных РА мы склонны считать, что РА следует рассматривать как диалектическое единство формы и содержания, между которыми нет однозначного соответствия, т.е. как двустороннюю сущность, между сторонами которой существуют отношения асимметрии. Если признавать принципиальную возможность множественности способа выражения иллокутивной цели РА, то понятия “прямые” и “косвенные” речевые акты будут характеризовать способы оформления РА, а не сам речевой акт.
6. В работах исследователей коммуникативного направления наряду с ТРА рассматриваются актуальные проблемы Теории речевых жанров и Теории речевых стратегий и тактик: их идентификация, типология, выделение конституирующих признаков, речевое воплощение, функционирование и трансформация в различных коммуникативных сферах и т.д.
7. В теориях речевых актов, речевых жанров, речевых стратегий и тактик исходные позиции и определение изучаемой единицы как единицы речевого общения являются общими. Отсюда общим у них является и принцип изучения этой единицы – всегда в контексте экстралингвистических факторов: говорящий, слушающий, условия и обстоятельства производства коммуникативной единицы, цель и ситуация общения и другие факторы.
8. В ТРА речевой акт как деятельность рассматривается в качестве мотивированной психически регулируемой и целенаправленной

активности говорящего. ТРЖ и Теория речевых стратегий и тактик изучают речевое поведение как важнейший способ реализации речевой деятельности, опосредующей разнообразные виды социального взаимодействия между коммуникантами. В отличие от ТРА, в теориях речевой деятельности начальным этапом порождения речи является цель, замысел, тогда как порождение РА направлено на воздействие адресата посредством произнесения иллокутивного акта.

ГЛАВА 2. ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ АКТОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕЖЕЛАТЕЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Речевой акт угрозы в трудах отечественных и зарубежных исследователей

Как было отмечено ранее, вопросам классификации РА посвящена значительная по объему литература. Тем не менее, высказывания различной коммуникативной направленности еще слабо изучены в разных языках. Более детальному анализу были подвергнуты иллокутивные акты, выраженные с помощью перформативного глагола, где употребленный глагол прямо называет РА (например, *Я сообщаю, что...*; *Я признаю, что...* и т.д.). Иначе дело обстоит с высказываниями, которые вообще не имеют перформативного выражения (например, глаголы *льстить*, *угрожать*). Такие РА не получили еще своего исчерпывающего освещения, на что указывает и Е.С.Петелина: “...не изучена природа данных иллокутивных актов, нет также их классификации, не установлена специфика их употребления в языке...” [177]. Поэтому, особое внимание при анализе подобных РА должно быть направлено на изучение лексических, грамматических, лексико-грамматических и просодических средств выражения. Немаловажную роль играет также синтаксическое оформление высказывания.

Объектом исследования в этой работе стали РА угрозы и предупреждения. Семантические и прагматические особенности данного типа высказываний позволили нам объединить их и определить как РА со значением предупреждения нежелательного

действия.

Рассмотрение особенностей РА со значением предупреждения нежелательного действия начнем с речевого акта угрозы (РАУ).

Речевой акт угрозы неоднозначно трактуется в трудах отечественных и зарубежных лингвистов. В классической интерпретации [171; 196; 305] РАУ относят к разряду комиссивных РА (“заявления о намерении” по Остину), когда говорящий принимает на себя обязательства относительно выполнения некоторого будущего действия. Это условие характеризует комиссивы и позволяет отнести РАУ к ним, несмотря на кардинально противоположные комиссивам подготовительные условия (в случае обещания слушающий предпочитает совершение действия говорящим, в случае же угрозы слушающему наносится ущерб в результате выполнения действия говорящим).

С другой стороны, РАУ включают в число директивов (Сейдок), что тоже имеет под собой ряд убедительных оснований, так как угроза изначально представляет собой требование. “Содержание и цели директивов (приказов, команд, распоряжений, советов, просьб и т.д.) заключаются в выражении говорящим своего стремления вызвать необходимое действие со стороны собеседника” [290].

Тот факт, что РАУ относят либо к комиссивам, либо к директивам объясняется, по-видимому, его сложной двойственной природой. Однако, в объективе анализа в этом случае оказывается лишь одна сторона менасивного высказывания. Более подробное исследование данного РА позволяет сделать вывод о том, что в семантике угрозы есть и требование, с одной стороны, и обещание негативных последствий с другой.

М. Хенчер пытается разрешить это противоречие, выдвигая

гипотезу о существовании сложных РА. В его классификации РАУ следует отнести к группе смешанных комиссивно-директивных РА, а именно к той части данной группы РА, в которых комиссивное действие выполняется после реализации директивного, а необходимым и достаточным условием для осуществления действия директива является выражение говорящим своего намерения [262].

Тем не менее, в лингвистической литературе угроза чаще представлена в качестве требования: “угроза усиливает требование (Aufforderung) через возбуждение страха (Erregung von Furcht) перед грозящим злом в случае неповиновения” [276, с.365]. Б. Бартшат считает, что угроза является одним из видов директивных побуждений (eine regulative Aufforderung), т.е. угроза управляет процессом поведения слушающего на определенном этапе, а именно, когда предстоит невыполнение действия с его стороны. В этой ситуации, считает автор, целью угрозы является изменение плана действий слушающего [247].

А.Вежбицка рассматривает РАУ как сообщение о нежелательных для адресата будущих событиях с целью оказать влияние на его поведение, т.е. вызвать или предотвратить какое-либо его действие. Отсюда следует, что главным компонентом угрозы (по А.Вежбицкой) является “желание заставить кого-либо сделать (или, скорее, не сделать) нечто”, а к условиям осуществления РАУ предлагается отнести следующие положения:

“предполагая, - что ты не хочешь сделать то, что я хочу,
- и, желая побудить тебя к этому,
- и, желая предотвратить твое возможное неподчинение, я говорю: *Если ты двинешься, я выстрелю*”.

Автор считает, что отсутствие в данном высказывании

эксплицитного выражения типа: *Я угрожаю тебе...* несущественно с точки зрения его семантической структуры. “Если можно показать, что выражение этого вида составляет имплицитную, но интегральную часть высказывания (главным образом, основываясь на показаниях интонации), то оно должно быть включено в семантическое представление этого высказывания” [51, с.251].

Надо отметить, что попытка однозначной трактовки РАУ наблюдалась в исследованиях и наших отечественных лингвистов [11; 61; 231; 221; 48 и др.].

Н.Д.Арутюнова, взяв за основу определение угрозы, предложенное А.Вежицкой (“сообщение о нежелательных для адресата будущих событиях с целью оказать влияние на его поведение, т.е. вызвать или предотвратить какое-либо его действие” 1987), видит логико-семантическую структуру РАУ в употреблении серии предложений, содержащих императив и форму будущего времени глагола, указывающего на возможные последствия неподчинения побуждению [11, с.127].

В своей книге “Функциональная семантика оценки” Е.М.Вольф рассматривает угрозу как экспрессив, а именно эмоциональную реакцию говорящего на нанесенный ему ущерб (т.е. рассматривается лишь вторая часть сложного комплекса угрозы). Е.М.Вольф считает, что обычно угроза выражается утверждением будущего действия или действия предполагаемого в будущем, отрицательного для адресата, которое может быть исполнено или не исполнено. Таким образом, РАУ рассматривается как разновидность обещания [61, с.4].

По мнению Д.Н.Шмелева говорящий, выражая угрозу, “показывает свою готовность помешать какому-либо действию или же решимость наказать собеседника, если тот осмелится его совершить”

(ср. “Он погрозил нагайкой: *Пошуми-ка!*”) [1985, с.69].

Необходимо упомянуть также диссертационную работу Т.Н.Шелингер [230], которая рассматривает РАУ как речевой акт, находящийся на периферии функционально-семантического поля директива (наряду с советом и предупреждением). Метод поля, по мнению автора, является более подходящим при анализе высказываний, не имеющих в своем оформлении перформативного глагола, так как резкие границы между подобными РА не существуют. Т.Н.Шелингер выделяет следующие прагматические составляющие угрозы:

- 1) Слушающий не заинтересован в осуществлении действия;
- 2) Говорящий знает о незаинтересованности слушающего;
- 3) Говорящий способен осуществить действие, названное в угрозе;
- 4) Говорящий заинтересован в определенном поведении слушающего;
- 5) Говорящий намерен совершить действие, названное в угрозе.

В классификации Г.Г.Почепцова РА угрозы занимает особое положение и называется “менасив”. Автор отмечает, что менасивные высказывания имеют много общего с промиссивными (проспективность действия, ряд особенностей ролевой структуры), но “условия реализации менасивов противоположны тем, которые характерны для промиссивов: адресат не заинтересован в осуществлении того, о чем идет речь в предложении”. Автор подчеркивает далее, что “искренность” говорящего в высказываниях, содержащих угрозу, обязательна, так как угроза не состоится, если говорящий не будет рассматривать то, чем он угрожает как “крайне нежелательное для адресата”.

Указывая на отнесенность предмета речи к будущему, Г.Г. Почепцов подчеркивает, однако, что “автор менасивного

предложения не выступает как гарант реальности будущего события”, а может угрожать и событием, совершение которого от него не зависит (*Он тебе задаст* - пример автора) и, следовательно, для менасивов нет ограничений в наборах ролевых структур предложения” [181, с. 20-21].

Н.В. Готлиб в своем диссертационном исследовании опирается на положение о том, что “угрозы являются попыткой воздействия, направленной на то, чтобы изменить контекст, в котором их предполагаемый адресат принимает решение” [277, с.127], и в результате определяет РАУ как двухкомпонентную структуру, первая часть которой представляет собой побуждение (требование), а вторая является гипотетической ситуацией. Данная гипотетическая ситуация предлагается в качестве альтернативы к первому компоненту. Первый и второй коипоненты связаны отношением дизъюнкции “или - или” (или отношениями условия в форме логической импликации “если...то”). Ведущим компонентом, считает Н.В.Готлиб, является требование. Если оно отсутствует, то высказывание, “хотя оно и сохраняет черты, присущие второму компоненту - обещание негативных последствий для адресата, вряд ли можно рассматривать как угрозу”. По мнению автора, это скорее эмоциональная реакция на нанесенный ранее ущерб и может трактоваться как экспрессив (точка зрения Е.М.Вольф). Далее в своем исследовании автор анализирует различные типы ситуации угрозы. Она делает вывод, что ведущую роль в формировании ситуации угрозы играет параметр “социальная цель”, которая рассматривается ею как “цель - мотив” и предопределяет тип социальной ситуации [84].

Мы, в свою очередь, считаем, что ни один из компонентов сложной менасивной конструкции не преобладает. В случае отсутствия какого-либо компонента двучастной структуры можно

говорить о косвенном выражении менасива.

2.2. Взгляд на речевой акт предупреждения

Рассмотрим некоторые точки зрения на РА предупреждения. В рассуждениях основоположника ТРА Дж. Остина слово “предупреждение”, отмечает Э.Бенвенист, играет двойственную роль и понимается в двух различных смыслах [28, с. 309]. По Остину, любой сигнал (в том числе и языковой: плакат, вывеска) выполняет так называемую функцию “предупреждения”. Действительно, вывеска *Злая собака* или предупредительный сигнал автомобиля могут быть интерпретированы как предупреждение, но это, указывает Э.Бенвенист, нечто совершенно иное по сравнению с эксплицитным высказыванием *Я Вас предупреждаю, что...*. Вывески, таблички, плакаты представляют собой простые сигналы, а выводы, которые мы из них сделаем относительно нашего дальнейшего поведения зависят только от нас. То есть в случае сигнала функцию предупреждения выполняем мы сами, в отличие от перформативной формулы *Я Вас предупреждаю...*, произносимой лицом, наделенным властью.

Согласно Дж. Серлю, предостережение (оно же предупреждение) есть “доведение до сведения С, что событие Е не соответствует интересам С” [293, с. 67]. А.Вежбицка согласна с Серлем в том, что предупреждение это не только попытка “заставить тебя избежать чего-либо”, но и сообщение о некотором будущем событии, которое мы считаем неизбежным с тем, чтобы дать возможность адресату подготовиться к нему. Сама А.Вежбицка на конкретных примерах разбирает прагматические составляющие речевых актов различной коммуникативной направленности. Речевой

акт предупреждения, осуществляемый в высказывании: *Я предупреждаю тебя, что если ты двинешься, я выстрелю* предполагает наличие следующих компонентов:

- предположение, что ты не хочешь, чтобы я стрелял в тебя (или, что это будет для тебя плохо);
- желание сделать так, чтобы ты знал это заранее (и не делал того, чего ты потом не захотел бы делать) [51, с. 251].

Чаще всего РА предупреждения (далее: РАП) рассматривается в связи с обсуждением проблемы волеизъявления и сравнивается с высказываниями, выражающими: приказ, совет, просьбу, запрет, так как все эти структуры восходят к одному общему типу побуждения, для которого основным компонентом является склонить слушающего к какому-нибудь действию (бездействию).

Некоторые авторы [167; 27] относят РАП наряду с советом, наставлением, рекомендацией, уговариванием к суггестивному типу побуждения, отмеченному благожелательностью говорящего. Суггестивы, действительно представляют собой такой тип побудительных высказываний, в которых приоритетную позицию занимает говорящий, считающий себя вправе каузировать действия адресата на основе своего житейского опыта или знания положения дел в определенной ситуации. Реализация ожидаемого действия зависит от слушающего, который является ответственным за принятие решения.

Другие авторы, например, Дорошенко А., предлагают выделить предупреждения в отдельный тип директивных РА, так как они являются косвенным побуждением, указывающим на существующую опасность или на возможные неблагоприятные последствия для адресата [98].

В исследованиях, посвященных побудительным высказываниям, можно встретить также противопоставление различных разновидностей побуждения и РА преимущественно “индивидуального” или “личного” воздействия (угроза, предупреждение, рекомендация, предложение, совет, мольба), в которых право принятия решения об осуществлении каузируемого действия не ограничивается подчинением какой-либо норме, правилу, порядку [38].

Т.Н.Шелингер в работе “Нетрадиционно выделяемые коммуникативные единицы современного английского языка” располагает РАП (вместе с угрозой и советом) на периферии поля директива. Подчеркивая особую роль предупреждения - информировать собеседника о грозящей ему опасности, предотвратить неприятные для него последствия, автор выделяет следующий набор прагматических составляющих предупреждения:

- незаинтересованность говорящего в совершении действия;
- польза для слушающего в том, чтобы избежать опасность;
- знание говорящего о грозящей слушающему опасности;
- факультативность выполнения действия для слушающего. [230]

Е.М.Вольф считает, что в каждом высказывании в качестве одного из его семантических элементов присутствует оценка самим говорящим событий, о которых идет речь. Предупреждение предполагает знак “-” для адресата (субъекта “пользы”). Выражения предупреждения, где действие может быть и неконтролируемым, но со знаком “-” для адресата, близки к запретам. Естественно, что для действий неконтролируемых предупреждения, как правило, выражаются отрицательными императивами: *Не упади! Не споткнись!.* Некоторые авторы [221] предлагают предложения такого

типа называть превентивными предложениями. В последнее время подобные высказывания находятся в фокусе пристального изучения [48; 40].

Превентивные предложения сходны, с одной стороны, с прохибитивными (запретительные, отрицательно-императивные предложения), а с другой - отличаются от них. Принято считать, что в прохибитивных предложениях выражается запрет, тогда как в превентивных предложениях выражается предупреждение.

Как и в запретах, в предупреждениях выражается адресованное слушающему волеизъявление говорящего относительно неисполнения действия, а отличия заключаются в том, что волеизъявление предстает как пожелание того, чтобы исполнитель контролировал ситуацию и не выполнил бы называемое действие, которое, по мнению говорящего, в случае его осуществления нанесет ущерб либо исполнителю, либо говорящему, либо какому-нибудь другому лицу [221, с. 213].

Многие авторы, посвящающие свои исследования директивным РА [167; 188; 27; 11; 247; 286; 290] и, в частности, анализу прагматических составляющих предупреждения, выделяют одни и те же (иногда по-разному сформулированные) компоненты, которые сводятся к двум основным моментам:

- общая положительная бенефактивность (“польза”) для адресата (при отрицательной оценке говорящим будущих событий);
- необязательность исполнения действия адресатом.

2.3. Назначение и смысл речевого акта предостережения

В ходе исследования наше внимание привлёк тот факт, что многие лингвисты не делают разницы между РА предупреждения

(имеется ввиду предупреждение нежелательного действия со стороны адресата) и РА предостережения. Исследователи рассматривают их как нечто единое, противопоставляя РА угрозы. С одной стороны это правомерно, так как в семантике названных речевых актов содержится много общего (говорящий не представляет собой санкционную силу, имеется положительная бенефактивность для адресата); с другой стороны, нам кажется не совсем точным считать их абсолютными синонимами.

Обратимся к дефинициям данных понятий в словарях русского языка [309; 311; 313]. Действительно, определение понятия “предостережение” дается через понятие “предупреждение” и наоборот. В словарях указанных авторов “предостережение” трактуется как действие, обозначаемое глаголом “остеречь”, а именно, предупреждение заранее о необходимости остеречься; указание на могущий быть вред, на угрозу.

Французский язык, со своей стороны, располагает двумя глаголами, выражающими понятие “предупреждать”: *avertir* и *prévenir*. Имена, соответствующие этим глаголам (*avertissement*, *prévention*) по данным французских толковых словарей [321; 319; 316], определяются как “призыв к бдительности и осторожности, иногда сопровождаемый угрозой”. С другой стороны, имеется перифраза *mettre en garde*, которая, как нам кажется, больше соответствует понятию “предостерегать” и соответственно выражение: *mise en garde* - понятию “предостережение”.

Мы уже отмечали, что А.Вежбицка разделяет точку зрения Серля о том, что “предостережение не обязательно является попыткой заставить тебя избежать чего-либо” [292, с.67]. В ряде случаев, отмечает она, мы предостерегаем людей по поводу того, что считаем

неизбежным, желая таким образом, самое большее сообщить им о некотором будущем событии и дать им возможность подготовиться к нему. Например, *-Il y a du verglas aujourd' hui. Tiens bon la rampe! - Сегодня гололед. Смотри, не упади!*

Действительно, в случае РА предупреждения и предостережения говорящий желает добра адресату, а отношения между коммуникантами представляют скорее отношения сотрудничества, нежели вражды. Однако, необходимо заметить, что при общей положительной бенефактивности для адресата в случае предупреждения говорящий относится к “санкционной силе”, по меньшей мере, недоброжелательно (а, скорее, негативно), так как предпринимает попытку заставить слушающего “не делать того, чего бы он не захотел потом делать” [51]. Например, *“Si tu continues à désobéir à ton père, j'ai peur qu'il va te passer une purge”*. *Если ты не будешь слушаться отца, я боюсь, что он задаст тебе взбучку.* [GUB]. В случае же РА предостережения мы склонны предположить, что говорящий воспринимает “санкционную силу” более менее нейтрально. Она может отсутствовать вовсе, так как неприятные последствия могут быть естественного происхождения: болезнь и т.д. Например: *La grippe sera mauvaise cet hiver! Tenez bon la rampe, grand-mère! Грипп будет свирепствовать этой зимой. Поберегитесь, бабушка!* [CAN]. Это, говоря словами Дж. Серля, “...доведение до сведения “С”, что событие “Е” не соответствует интересам “С”.

У этого же автора мы находим вывод о том, что глагол “предупреждать” обладает синтаксисом директивов и репрезентативов. Так, предупреждение: *Отстань от моей жены!* являет собой побуждение к действию; а высказывание: *Бык вот-вот бросится!* представляет собой констатацию факта и призыв к

предосторожности (примеры Дж. Серля).

Во французском языке имеются готовые языковые формулы, неизменяемые стереотипы, которые выступают как краткие реплики-реакции предостережения (*attention, doucement, gare*) и, в которых субъект не только доводит до сведения собеседника некую информацию, но тем самым призывает его к предосторожности. Например: *-Comme vous voulez. Mais, attention, c'est à vous de vivre! – Как хотите, но будьте осторожны, жить-то вам! [LAL]; -Doucement! Bouge pas, toi! C'est dangereux! -Тихо! Не двигайся! Это опасно! [CAN].* А.Г.Кюгерян называет такие реплики-реакции, выражающие разные оттенки волеизъявления, побудительными стереотипными коммуникативами (ПСК). По его мнению, в основе побуждения, выражаемого, например, ПСК “*attention*” лежит не только суждение-сообщение: “наличествует опасность”, но еще убеждение в том, что она представляет собой определенную угрозу, и следует предостеречь от нее [134]. Наряду с застывшими формулами, выражающими предостережение, есть языковые средства, которые могут модифицироваться в речи и, принимая форму того или иного лица и числа, тем не менее, оставаться маркерами РА предостережения (реже - предупреждения) (ср. глаголы: *se méfier, prendre garde*, которые являются глаголами, передающими предосторожность). Например:

- *Prenez garde à la peinture! -Осторожно, окрашено! [SAF]*
- *Prends garde de ne pas casser la tête! - Постарайся не стукнуться головой! [SAF]*
- *Méfiez-vous des voleurs! - Остерегайтесь воров! [LAL]*
- *Vous risquez d'être trompé! - Вы рискуете быть обманутым! [CA N]*
- *Méfie-toi d'Anatole, c'est un drôle de loulou! - Берегись Анатоля, это подозрительный тун! [SLC]*

- *Tiens-toi sur tes gardes!* - *Будь начеку!* [ЕСА]
- *Attention aux pickpockets!* - *Берегись карманников!* [ЕАР].

Изложив выше наше понимание РА предостережения, мы, все-таки, считаем возможным не придерживаться резкого разграничения между РА предупреждения и предостережения, и в практической части нашей работы использовать их в качестве синонимов, так как семантика названных РА содержит, как нам кажется, больше общих компонентов, чем различных. Остается добавить, что для нас больший интерес представляют различия между РА угрозы и предупреждения.

2.4. К вопросу о различии между речевыми актами угрозы и предупреждения

В целом РА угрозы (РАУ) и предупреждения (РАП) относятся к РА побуждения. Однако Б.Бартшат считает, что побуждение представляет собой нечто вроде позитивного полюса по отношению к предупреждению. Само же предупреждение должно описываться на фоне его отличий от угрозы. Задача заключается в том, чтобы показать, какие специфические особенности получает предупреждение и может ли оно рассматриваться в качестве требования [247, с. 80].

Ребайн относит предупреждение к директивным требованиям, затрагивающим определенную ступень (фазу) исполнения некоего действия и способствующим модификации процесса поведения адресата [286, с. 325]. При этом слушающему не каузируется мгновенное исполнение действия, но он должен пересмотреть план своего поведения. Это нечто вроде рекомендации на будущее. В этом смысле предупреждение близко к совету. Говорящий знает, что имеется инстанция, которая, расценивая поведение индивида как

негативное, выработала определенный план проведения санкционных действий (штрафы, возмездия и др.). Сам же говорящий, не представляющий лично санкционную силу, выступает по отношению к собеседнику в роли доброжелателя и относится нейтрально или даже отрицательно к возможным негативным последствиям, грозящим адресату.

Как известно, любое высказывание исходит от “я”, адресовано к “ты” и сообщает нечто о “нем”. Обращенность речевого акта как важнейшее его свойство обуславливает коррелятивность “я” и “ты” [200]. Конкретный адресат, подразумеваемый при угрозе (названный прямо или косвенно), может отсутствовать при РА предупреждения. Например, *L'eau n'est pas potable. Вода непригодна для питья*. Когда же адресат не установлен, эффект выполнения действия ожидать напрасно. При предостережении возможны формы обращения типа междометий: *-Eh!, quelqu'un, ohé! Эй! Человек!* Например: *Eh! Fais attention quand même! –Эй! Будь повнимательнее!*

Различие между РАУ и РАП представляет собой и различие в “степени заинтересованности адресанта в выполнении ожидаемого действия и в признаке необязательности исполнения действия” [167]. Так, при угрозе адресант желает незамедлительного исполнения действия, причем необязательность этого исполнения исключается: требование должно быть выполнено; при РА предупреждения учитывается тот факт, что это всегда посылка в будущее, а решение об обязательности исполнения или неисполнения действия принимает сам адресат по оценке своего положения.

В противовес предупреждению, при РАУ говорящий не ссылается на законодательную силу, а сам выступает в роли санкционной силы. Отношение между РАУ и РАП заключается, таким

образом, в том, что предупреждение может стать угрозой, если говорящий сам готов применить санкционную силу.

Существует тезис о том, что РАУ отличается от РАП разной позицией интересов слушающего и говорящего. Это различие было предложено Сейдоком. РА предупреждения имеет положительную бенефактивность для адресата, т.е. в намерения говорящего не входит применение насилия по отношению к слушающему: *“Tais-toi! Parle de cette façon et ton grand-père te dressera en un rien de temps!” –Замолчи! Будешь так разговаривать, получишь от деда в два счета!* [EAP]. Предполагаемая польза и ее направленность прогнозируются говорящим и влияют на характер волеизъявления и на выбор соответствующих языковых средств. Признак бенефактивности предполагает, соответственно, появление новой ситуации в пользу: а) говорящего при РАУ; б) в пользу адресата речи при РАП.

По мнению Сейдока эти два типа РА относятся к классу требования, но различаются с грамматической точки зрения. В английском языке, считает Сейдок, угроза обычно выражается в форме положительного императива, а предупреждение - в форме отрицательного [290]. В этом смысле предупреждение близко к запрещению. Сравним два примера:

РАУ - *“Vous allez quitter cette ville tout de suite... Nous avons votre femme et nous la tuerons, sinon...”* - *Вы сейчас же покинете город...Ваша жена у нас, и в противном случае, мы её убьём* [ADA].

РАП - *“N'oublie pas, ça fait grossir - dit-il en lui indiquant la quantité de frites dans son assiette...”* – *Не забывай, от этого полнеют, сказал он, указывая ей на количество жареной картошки в её тарелке.* [VBA].

В языке существуют разные средства, с помощью которых

реализуется коммуникативная цель РА. “ В зависимости от характера индексов иллокутивной силы можно говорить о двух формах выражения РА: эксплицитном, в котором иллокутивное намерение выражено отдельным языковым элементом, и имплицитном, когда иллокутивная сила имплицитно содержится в семантической структуре языковой формы” [27, с.25]. Под прямым эксплицитным способом выражения РА подразумевается использование перформативного глагола в его “классическом употреблении”, т.е. в форме настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения с местоимением I-го лица единственного числа (в роли подлежащего). Эти так называемые “эксплицитные перформативы” [171, с.67], или “перформативные префиксы” [272, с.224], однозначно и вполне конкретно определяют характер коммуникативного намерения говорящего. В зависимости от семантики перформативного глагола речевое действие говорящего определяется слушающим как приказ, просьба, совет, запрещение и т.д. Так, РАП эксплицитен по своей сути и во французском языке может передаваться перформативными глаголами: *avertir, prévenir*. Например: *-Je vous préviens: vous ferez mieux de ne pas y aller! – Я вас предупреждаю, вам лучше туда не ходить!* [SJP]. Однако, имеется ряд РА, которые не могут быть выражены с помощью эксплицитных перформативов (РА инструкции, подстрекательства, оскорбления, угрозы и др.). Эксплицитное выражение иллокутивной силы данных РА возможно лишь при описании, а не при производстве данных РА: *“Il me menaçait, si je parlais, de tuer Jean... Il me menaçait de nouveau, si je ne lui obéissais pas immédiatement, de faire une nouvelle victime...” Он угрожал мне, что, если я проговорюсь, он убьет Жана... Он снова угрожал мне новой жертвой, если я ему мгновенно не подчинюсь* [SSH].

Итак, в качестве иллокутивных индикаторов РА, не имеющих перформативного выражения (угроза, хвастовство, гордость, оценка, порицание, похвала, критика), выступают просодика и типовая синтаксическая схема [188]. Однако, синтаксическая форма предложения - повелительная, повествовательная, вопросительная - задает лишь иллокутивный потенциал высказывания, снабжая слушающего “ключом”, позволяющим раскрыть общее иллокутивное намерение говорящего. Г.В.Колшанский замечает по этому поводу, что “определенное место в описании подобных РА занимают и паралингвистические средства, т.е. факторы, непосредственно сопровождающие речь. Сюда следует отнести и выразительные телодвижения, жесты, мимику, которые тоже участвуют в коммуникации, в передаче информации и передаются вербальными средствами (ремарки автора)” [121, с.16].

В процессе нашего исследования было замечено, что добавление квазикомментария типа: *Это было предупреждение, Я Вас предупреждаю...* и т.п. к высказыванию, содержащему угрозу, не меняет прагматический тип менасивного высказывания, если в намерения говорящего входит применение санкций, влекущих негативные последствия для адресата. Например: *-Je vous préviens: si, même malgré votre beau discours, vous me mêlez à une affaire louche, je vous arracherai les yeux. –Я вас предупреждаю: если, не смотря на вашу прекрасную речь, вы втянете меня в темное дело, я вам выцарапаю глаза.* [AAF].

В заключение подчеркнем некоторые существенные положения параграфа.

В современной лингвистике РАУ и РАП относят к РА побуждения. Несмотря на то, что названные речевые акты являются

сложными образованиями и одинаково состоят из ситуаций побуждения и обещания негативных последствий, в структуре данных РА имеются некоторые различия. В плане содержания это выражается в следующем:

1) Побуждение к действию в РАУ осуществляется через обещание негативных последствий, а в РА предупреждения имеет место констатация негативных последствий.

2) В РАУ выражается отрицательная бенефактивность для адресата, а осуществление негативных последствий входит в намерение говорящего. РАП, напротив, маркирован положительной бенефактивностью для адресата, где применение насилия по отношению к слушающему не входит в намерения говорящего, так как он лично не представляет ту “санкционную силу”, которая приводит в исполнение обещание негативных последствий.

3) При угрозе присутствует высокая степень заинтересованности говорящего в мгновенном исполнении действия, тогда как при РА предупреждения отмечается необлигаторность выполнения требования для адресата. Это всего лишь попытка заставить слушающего пересмотреть в будущем свое поведение.

Различия в плане содержания РАУ и РАП влекут за собой и различия в плане выражения, а именно возможность эксплицитно-перформативного оформления речевого акта предупреждения и невозможность такого оформления для РАУ.

2.5. К определению места РАУ и РАП в смысловой классификации побудительных высказываний

Попытки упорядочить и классифицировать побудительные высказывания предпринимались неоднократно [22; 27; 29; 38; 86; 127; 147; 148; 167; 187].

В каждом конкретном РА значение волеизъявления обычно согласованно оценивается говорящим (адресантом) и слушающим (адресатом) либо как приказ, либо как требование, просьба, совет и т.д., которые в ТРА характеризуются как разновидности побудительных речевых актов (директивов или экзерситивов) [164].

Количество вариантов побудительности колеблется от двух: “инъюнктивы” - “реквестивы” [182, с.5-10] до двадцати и более [235, с.10]. В литературе, посвященной побудительным высказываниям, предлагается целый список подтипов императивных предложений. Например, повеление (побуждение в собственном смысле, команда, приказ, военный приказ); официальное указание, инструкции (кулинарные рецепты, указания на этикетках, распоряжения по поводу поведения); запрещение, побуждение (со значением подбадривания и поощрения); предложение и рекомендация, совет, просьба, пожелание, предупреждение, угроза, порицание (упрек, обвинение); проклятие, разрешение, отказ. С самого начала этого списка становится ясным, что не все вышеперечисленные подтипы повеления соответствуют общему типу побуждения, как таковому. Поэтому необходимо найти общие семантические компоненты перечисленных “оттенков волеизъявления” (термин В.С.Храковского), которые позволяют относить их к директивам, а также выявить специфические составляющие их значений, благодаря которым можно

отличить один вид побуждения от другого.

В большинстве работ последнего времени принимается за основу наиболее распространенное тройственное разграничение значений побудительных высказываний, при этом выделяемые варианты получают у разных авторов различные наименования. Так, первая группа обозначается термином “инъюнктивы” [182, с.5; 147, с.5; 187, с.7; 86, с.11]. Вторая группа получила название: “оптативные побуждения” [147], “апеллятивные побуждения” [86]. В том случае, если учитывается и третья группа, то она называется, соответственно, “рекомендательные побуждения” [187] или “суггестивные побуждения” [167, с.8].

Рассмотрим одну из тройственных смысловых классификаций вариантов побудительных высказываний, предлагаемую в работе Е.И.Беляевой “Грамматика и прагматика побуждения. Английский язык” [27]. Автор выделяет три прагматических разновидности директивов: а) прескриптивы (инъюнктивы); б) суггестивы; в) реквестивы в соответствии с признаками облигаторности выполнения действия, приоритетности положения говорящего и бенефактивности действия для говорящего. Остановимся на краткой характеристике каждой из них.

Прескриптивы (команда, приказ, требование, распоряжение, запрещение, предписание) объединяются общей семей: “Я требую обязательного исполнения действия” и характеризуются облигаторностью выполнения действия для адресата, приоритетностью позиции говорящего. Адресат находится в неприоритетной позиции и не обладает правом решать вопрос о выполнении (невыполнении) действия, более того, невыполнение действия наказуемо, “влечет санкции”.

Суггестивы (рекомендация, предостережение, предупреждение, разрешение, инструкция, увещевание) объединяются семантическим элементом: “Я считаю целесообразным исполнение предлагаемого действия” и представляют собой такой тип директивов, в которых приоритетную позицию занимает говорящий, считающий себя вправе (на основании своего житейского опыта или знания положения дел в определенной ситуации) каузировать действия адресата. Адресат сам принимает решение о выполнении или невыполнении действия.

Реквестивы (включают РА от просьбы до мольбы) являются попыткой говорящего заставить слушающего совершить некое действие и представляют собой смягченный тип побуждения. Приоритетная позиция адресата исключает обigatorность выполнения действия.

Перечисленные варианты побуждения охватывают все основные смысловые разновидности побудительных высказываний, но при этом следует учитывать, что в реальных речевых реализациях, конечно же, границы между ними текучи: просьба или даже мольба могут перейти в угрозу, а совет - в просьбу или требование.

Таким образом, директивные РА представлены широкой гаммой различных оттенков побуждения: от категоричного приказа до совета и мольбы. Семантическая общность подобных высказываний проявляется в том, что “лицо каузирует действие (состояние) другого лица”. Семантическая структура такого типа имеет сложный характер: “лицо (каузатор) каузирует действие” и “другое лицо должно совершить ответный акт по отношению к каузатору”. Общая побудительная модальность, присущая всем трем видам директивов, выступает в приказах как *обязательность*, в совете как *возможность* и в просьбе как *желательность* выполнения указанного действия с

точки зрения говорящего.

РА угрозы как таковой не входит ни в один из перечисленных видов директивов. Требование, выраженное в РА угрозы, представляет собой вид прескриптива, основанный на прагматической пресуппозиции нежелания адресата выполнить каузируемое действие. В одних случаях, отмечает Е.И.Беляева, это нежелание обусловлено психологическим состоянием адресата, в других - непризнанием приоритетности положения говорящего. Говорящий может присваивать приоритет, действуя с “позиции силы”. Вторая часть семантической структуры угрозы лежит в поле комиссива.

РАП, в основе которого лежит желание заставить избежать опасность, представляет собой вид суггестива, основанный на прагматической пресуппозиции желания адресата не действовать вопреки своим интересам после извещения об опасности [27].

Таким образом, РАУ и РАП различаются в плане содержания (облигаторность выполнения действия, бенефактивность действия для говорящего) и, следовательно, не могут относиться к одному подтипу поля директивов. Более того, РАУ в плане выражения реализуется в виде двучастных структур, так как является сложным директивно-комиссивным РА. Что касается РА предупреждения, то его семантическая структура также может реализовываться в виде сложных предложений. В этом случае РАП можно отнести к директивно-ассертивным РА. Этим объясняются попытки некоторых лингвистов установить отношения подобия между РАУ и РАП. Например, Ребайн считает, что угроза может становиться предупреждением и наоборот в зависимости от того, представляет собой говорящий санкционную силу или нет. Если говорящий сам готов выполнить определенные санкции в отношении

неподчинившегося адресата, то речь идет об угрозе [286, с.333]. Сейдок предлагает объединить вместе оба типа речевого поведения в один подтип требования на основании сходства критериев, кроме одного - разной позиции интересов слушающего и говорящего. В случае предупреждения отмечается положительная бенефактивность действия для слушающего, чего нельзя отметить в случае угрозы.

Наша попытка объединить РАУ и РАП и рассматривать их в качестве гипонимов по отношению к более широкой группе высказываний с иллокутивным значением предупреждения нежелательного действия опирается на наличие общей черты у названных РА в плане выражения, а именно: РАУ всегда, а РАП иногда реализуются в сложном предложении, что, безусловно, объясняется их сложной семантической структурой.

Определив РА угрозы и предупреждения как сложные РА, директивные в своей основе, мы считаем необходимым кратко остановиться на основных моментах, характеризующих категорию побудительности.

2.6. Категория побудительности. Общая характеристика

Побудительная (директивная) функция языка обладает большой значимостью для процесса общения, для регулирования отношений между людьми. В последние годы проведен ряд интересных исследований директивов в рамках прагмалингвистической теории [78; 98; 25; 27; 226; 134; 38; 109 и др.].

Побудительные высказывания традиционно трактуются как “адресованное Слушающему волеизъявление Говорящего относительно выполнения действия” [221, с.187]. Побуждение связано

со сложной областью человеческих отношений. Этим определяется широкий диапазон семантических градаций значения “побуждение к действию”. Ф.Брюно отмечает, что, пожалуй, только при выражении волеизъявления яснее всего проявляется диспропорция между средствами, которыми располагает язык, и разнообразием аспектов волеизъявления: одни являются приказами, другие - просьбами, третьи - пожеланиями [350, с.557].

Содержание любого побудительного высказывания может быть представлено в виде предикатного ядра модуса побуждения и его актантов, обладающих определенными ролевыми характеристиками. Наиболее последовательно эти признаки рассматриваются в работе А.О.Любимова, который включает в набор инвариантных семантических признаков побудительного высказывания “реляционность” (в речевых актах угрозы и предупреждения число актантов ситуации равно трем: кто-то побуждает кого-то сделать что-то), “побудительность” и “локутивность” [147, с.7].

Первый актант характеризуется признаками: лицо, говорящий (локутивность), агенс каузации, т.е. источник речевого воздействия. Второй актант - лицо, слушающий и объект каузации, т.е. лицо, подвергаемое речевому воздействию и таким образом побуждаемое к какому-либо действию. Важно то, что “второй актант совмещает в себе и значение пациенс как объекта речевого воздействия и агенс как потенциального исполнителя побуждаемого действия. Третий актант определяется автором как “целевой” актант, т.е. то, к чему говорящий побуждает адресата. Далее Любимов А.О. указывает, что в большинстве побудительных высказываний эксплицитно бывает выражен только целевой актант, а все остальные актанты и предикатное ядро семантической структуры опускаются. Если речь

идет об императивной структуре французского предложения, то в ней бывает выражен и второй актанта, однако только в качестве агенса побуждаемого действия. Например, в РА предупреждения: *Prenez garde! Sois prudent! - Остерегайтесь! Будь осторожен!* [147, с.8].

В целом, представляется оправданным выделение наиболее общих семантических признаков класса побудительных высказываний на основании актантно-ролевой структуры соответствующих глаголов побудительной речи, учитывая при этом, что характеристики выделяемых абстрактных актантов, т.е. “действующих лиц” побудительной речевой ситуации, должны уточняться и дополняться в ходе анализа грамматических средств репрезентации категории побудительности в языке, а также в ходе прагматического анализа разновидностей побудительных РА, проявляющихся на более конкретном уровне их реализации.

Идентификация побудительных высказываний в грамматике связывается со значением формы побудительного наклонения (во французском языке: императив противопоставляют обычно условному, изъявительному и сослагательному наклонениям). Эта форма также считается первичной формой выражения функции побуждения к действию, и, “предположительно, одной из самых древних форм осуществления коммуникации” [198, с.152].

Императивная модель характеризует побудительные высказывания как РА, осуществляемые говорящим при непосредственном общении по следующим признакам:

- 1) конкретная референтность имен лиц и объектов, входящих в высказывание;
- 2) морфологическая выраженность адресата (окончанием глагола) в качестве агенса побуждаемого действия;

- 3) непосредственное выражение целевого актанта (цель побуждения);
- 4) презентно-футуральная перспектива видовременного признака;
- 5) логическая модальность осуществления действия как “возможного”, “необходимого”.

В лексической системе целевая установка побудительного высказывания представлена более дифференцированно: в глагольных лексемах выражены актантно-ролевая структура речевой ситуации побуждения и тип межличностного взаимодействия коммуникантов, свойственный той или иной разновидности побудительной речевой ситуации. Во всех высказываниях побудительного типа число актантов ситуации равно трем: кто-то побуждает (приказывает, просит, запрещает, советует и т.д.) кого-то сделать что-то.

Директивный РА представляет собой коммуникативную ситуацию, в которой, как и в любой коммуникативной модели, наличествует говорящий, слушающий и высказывание. С другой стороны, директив является отражением побудительной ситуации, т.е. основная его задача заключается в предписании (прескрипции) определенного поведения. Для адекватного анализа директивов необходимо учитывать не только участников акта речи, но и участников прескрипции: источник побуждения или «прескриптор» (термин Л.А.Бирюлина) [30, с.17] и исполнителя, которые рассматриваются как вторичные коммуникативные роли. Говоря о первичных и вторичных коммуникативных ролях участников РА, мы затрагиваем прагматический аспект побудительных высказываний, включающий целый ряд факторов экстралингвистического порядка, а именно: распределение социальных ролей между коммуникантами;

характер межличностных отношений, который определяется в зависимости от степени социально-психологической дистанции между ними; отношение коммуникантов к потенциальному действию (где действие может быть охарактеризовано по параметрам бенефактивности и желательности).

Функционально-прагматическая категория побудительности, объединяющая разноплановые средства выражения директивной коммуникативной интенции говорящего, как и всякая другая категория, имеет план содержания и выражения. В предыдущем параграфе мы приводили взгляды отдельных лингвистов относительно структуры плана содержания и перечислили прагматические признаки, отражающие существенные стороны ситуации побуждения: 1) приоритетность/неприоритетность позиции говорящего; 2) облигаторность/необлигаторность выполнения каузируемого действия для адресата; 3) положительная/отрицательная бенефактивность каузируемого действия для одного из коммуникантов. Определенные комбинации этих признаков составляют типовые прагматические контексты, в соответствии с которыми выделяются типы директивных РА: прескриптивы, суггестивы, реквестивы. В каждом прагматическом типе директивных РА выделяются свои подтипы, исходя из мотивов побуждения, содержания каузируемого действия, сферы общения и т.д.

План выражения побудительных РА включает многочисленные и разнообразные формы, различающиеся: а) по модальной семантике; б) по способу передачи иллокутивного намерения говорящего; в) по степени эксплицитности представления компонентов директивной ситуации.

Среди средств выражения иллокутивной силы РА выделяют

неконвенциональные и конвенциональные. Последние имеют две разновидности: языковые конвенции - такие языковые формы, иллокутивная сила которых соответствует их языковой, системно закреплённой семантике; и речевые конвенции - такие средства, иллокутивная сила которых не является прямым следствием их языковой семантики, а закреплена за ними конвенцией употребления, в результате чего эти формы являются стандартными речевыми способами выражения определённой иллокутивной силы [280]. Неконвенциональные средства представляют собой такие языковые формы, иллокутивная сила которых целиком определяется коммуникативной ситуацией.

В языке существуют разные типы средств, с помощью которых может быть реализована коммуникативная цель РА. В естественном стремлении к эффективному общению (т.е. желая осуществить задуманное иллокутивное воздействие на слушателя) говорящий выбирает оптимальные для данной обстановки средства достижения иллокутивной цели.

В ходе обзора работ, посвящённых систематизации языковых средств выражения побуждения, мы приходим к выводу, что специфика иллокутивного значения побудительного высказывания, в отличие от модальности, состоит в том, что этот аспект его содержания в условиях прямого непосредственного общения может быть выражен специальными языковыми средствами, репрезентирующими побудительную функцию в языке, но может присутствовать только в семантической структуре лексико-грамматической формы употребленного предложения как самостоятельный, целостный элемент его значения, либо не присутствовать вообще.

Что касается РАУ и РАП, то специфические средства выражения побуждения в данных РА нам позволит выявить анализ языкового материала, к которому мы и приступаем в следующем разделе.

2.7. Языковое оформление менасива как прямого речевого акта

2.7.1. Семантическая структура менасивных конструкций

Всякое высказывание, как и всякое явление, имеет два плана: план выражения и план содержания, а значит, характеризуется наличием синтаксической и семантической структур. У разных типов высказываний синтаксические и семантические структуры различны [51, с.251].

В.Г. Гак отмечает, что семантическую структуру предложения часто определяют как смысл предложения или - *что говорится*. Под синтаксической структурой подразумевается, прежде всего, способ передачи смысла - *как это говорится*. Существует и так называемый коммуникативный аспект высказывания, который дает ответ на вопрос: *зачем мы это говорим* [72, с.78]. Предлагаемое исследование затрагивает большей частью синтаксический уровень высказывания, так как способы и средства выражения РА не только различны в каждом конкретном языке, но и отражают национальную специфику этого языка.

Прежде чем приступить к разбору семантической модели менасивных высказываний, обратимся к дефинициям, которые даны в словарях.

Словари синонимов французского языка дают возможность

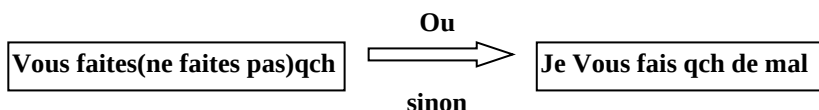
выделить следующие глаголы со значением “угрожать”: *menacer, braver, attaquer, effrayer, intimider, compromettre, avertir, provoquer* [315; 320].

Данные глаголы имеют общее значение: *«remplir de peur en manifestant sa colère et en imposant sa force et son autorité»* (наполнить страхом, проявляя свой гнев и навязывая свою силу и власть) и могут быть отнесены к одной группе глаголов, выражающих угрозу и предупреждение. Большинство французских словарей раскрывают содержание понятия “угроза” через комбинацию двух сем: проявление своего гнева и недовольства по отношению к кому-либо; попытка заставить кого-либо что-либо сделать через возбуждение страха перед грозящим злом. Еще одна сема остается в имплицации. Она является логическим продолжением второй и указывает на условный характер угрозы. Данная сема находит свое выражение только в словаре *Dictionnaire du français vivant par Bordas L.* [316] и звучит, как: *если кто-то не выполняет то, что от него требуют*. Условный характер угрозы здесь следует понимать как наличие ситуации условия “если...то”, “или-или”, т.е. сторона, которой угрожают, способна еще предпринять какие-то меры или действия. “Большинство угроз между двумя сторонами имеют условный характер. Угрозы обычно не зависят от какого-либо условия только в том случае, когда они являются ответной реакцией на уже причиненный вред” [277, с.127].

Итак, в семантике менасива присутствуют два компонента. С одной стороны, это требование, предъявляемое говорящим слушающему и, с другой - обещание негативных последствий в случае невыполнения этого требования. Исследователи в области социальной психологии, изучающие угрозу как социальный феномен, считают требование необходимым компонентом ситуации угрозы, что

подтверждает и мнение лингвистов на этот счет. “Если рассматривать угрозу как попытку оказать воздействие на кого-либо, то угрозы неотделимы от требований. Требования соотносятся с угрозами как возможности, которые требуют действия или не-действия, чтобы предотвратить выполнение угрозы. Согласиться на эти требования, значит нейтрализовать опасность того, что угроза будет выполнена” [277, с.127]. Воспользуемся терминами из теории текста и назовем требование прото́зисом (вводящая часть), а негативные последствия - апо́дозисом (заключительная часть).

Учитывая вышеизложенное, семантическую модель РА угрозы можно представить в виде следующей схемы:

Вы (не) делаете что-либо или (иначе) Я вам делаю плохо

Угроза, действительно, представляет собой особый тип побуждения к действию или бездействию, в котором заинтересован говорящий. Источником побуждения является говорящий, а исполнителем - адресат; действие совершается (или не совершается) в интересах говорящих и тех, от лица кого он выступает, хотя решение о его исполнении принимает адресат и, следовательно, задачей говорящего является заставить слушающего действовать в его интересах. Однако, в отличие от речевых актов просьбы, совета, которые тоже относятся к РА побуждения, но в которых отмечается необязательность выполнения предъявляемого требования, РАУ предполагает обязательность выполнения выдвигаемого требования,

которая завуалирована и в глубинной структуре менасива представлена на уровне формального выбора для слушающего: или-или. Говорящий, ставя этот жесткий выбор и надеясь в крайних случаях на инстинкт самосохранения собеседника, пытается заставить слушающего выполнить его требование и тем самым оказывает на него давление. Например: *Voilà, Gréta, le marché est simple. Ou tu m'indiques l'endroit où Pablo était séquestré, ou bien je referme cette porte sur vous deux et ne reviens que dans un quart d'heure. Et cela sera trop tard pour toi!* – *Вот так, Грета, ситуация простая. Или ты показываешь мне место, где Пабло был взят в плен, или я закрываю вас обоих, и вернусь только через четверть часа. А это будет слишком поздно для тебя!* [ADA].

В данном примере действия слушающего ограничены предлагаемой ему альтернативой: *ou tu m'indiques l'endroit; ou je referme cette porte* (или ты показываешь мне место, или я закрываю вас обоих). Из всего сказанного следует, что РАУ отражает речевое поведение в конфликтных ситуациях, когда непосредственные цели отдельных лиц не совпадают и интересы их сталкиваются [84].

Анализ языковых средств выражения прагматического значения угрозы проводится на основе предложенной семантической модели. На поверхностном уровне данная модель реализуется с помощью следующих вариантов синтаксических структур: 1) сложносочиненным предложением с союзами: **ou (ou bien), sinon, autrement, sans cela (ça, quoi), car**; 2) сложноподчиненным предложением с союзом: **si**; 3) сложносочиненным предложением с союзом **et**. Эти структуры мы будем рассматривать в нашей работе в качестве прямых способов выражения угрозы, так как они наиболее соответствуют исходной семантической модели. Сложносочиненные

предложения с союзами: **ou, sinon, autrement, sans cela, car** представляют собой конструкции, в которых протазис и аподозис выражены эксплицитным способом. Сложноподчиненные предложения с союзом **si** и сложносочиненные с соединительным союзом **et** мы также относим к прямым способам выражения угрозы (несмотря на имплицитное выражение протазиса), так как такие предложения легко сводятся к исходной семантической модели с помощью одноступенчатой трансформации.

2.7.2. Сложносочиненные предложения с союзами *ou, sinon, autrement, sans cela (ça, quoi), car*

Структура №1 представляет собой сложносочиненное предложение, первая часть которого является побудительным предложением с глаголом-сказуемым в форме императива. Вторая часть - это простое предложение с глаголом-сказуемым в форме будущего времени изъявительного наклонения или настоящего времени в значении будущего. Первая и вторая части соединяются союзом **ou**. Например:

- (1) - *Rendez-moi mon chapeau ou je dépose une plainte au ministère des Beaux-Arts, menace La Cloduke.* – *Отдайте мне мою шляпу или я направляю жалобу в министерство изобразительных искусств, угрожающе заявляет Ля Клодюк.* [SPO, с.163]
- (2) - *Foutez le camp ou on va vous faire passer un sale quart d'heure!* – *Проваливайте или вы проведете ужасные 15 минут!* [AMN, с. 314]
- (3) - *Pour la dernière fois arrêtez ou je vous lâche du plomb dans*

la viande! hurle Mazur. – В последний раз говорю «хватит» или я всажу пулю в вашу тушу! прорычал Мазур [SAM, с.182]

Императив, служащий основой побудительных высказываний, может заменяться на конъюнктив (Subjonctif présent), который позволяет выразить побуждение третьему лицу (оптатив):

(4) - ***Qu'il fasse cela ou il meurt tout de suite!*** – Пусть сделает это или сейчас же умрет! [ЕСА, с.112]

Помимо глагольных форм в императиве и конъюнктиве побудительную функцию берут на себя некоторые временные формы индикатива, для которых значение побуждения является не основным, парадигматическим, а приобретенным в результате транспозиции. Под транспозицией имеется в виду переносное употребление грамматической формы в контекстуально обусловленном значении, расходящемся с ее собственным значением [42, с.51]. Например:

(5) - ***Tu as une minute pour te décider. Ou tu collabores avec nous, ou tu vas directement à Léfortovo et je veillerai à ce que le procureur de l'Etat réclame la peine maximum pour toi.*** – У тебя есть минута, чтобы принять решение. Либо ты сотрудничаешь с нами, либо отправляешься прямо в Лефортово, и я прослежу за тем, чтобы прокурор назначил тебе максимальное наказание. [VMM, с.236]

(6) - ***Tu vas finir avec tes grossièretés, ou tu te prends une gifle! menaça Ida, hors d'elle.*** – Ты прекращаешь грубить или получишь пощечину! пригрозила Ида вне себя. [VBA, с.109]

Глагол может отсутствовать вовсе, что не мешает говорящему выразить свое требование:

(7) - ***Pas un geste... ou je tire!*** – Ни одного движения ...или я

стреляю! [SSH, с.131]

Структура № 1 может быть представлена также сложносочиненными предложениями с союзами **sinon, autrement, sans cela (ça, quoi), car**. Например:

(8) - **Soyez coopérative, Annie White, sinon j'alerte la police de Nairobi et je vous fais arrêter!** – Давайте сотрудничать Анни Уайт, иначе я вызываю полицию Найроби и беру вас под арест! [AVA, с.405]

(9) - **Bouge pas, toi; autrement je te brûle!** – Не двигайся, иначе я тебя сожгу! [FOA, с.135]

(10) - **Désormais pas un mot, pas un geste, pas un cris jusqu'à ce que je sois dehors, sans cela je te tue.** – С этого момента ни слова, ни жеста, ни крика, пока я не выйду на улицу, иначе я тебя убью. [SAF, с.138]

(11) - **Allez! Décampe, Aldo, et en voiture! T'avise surtout pas de venir tourner autour de Catérina, sans ça je t'estropie pour le reste de tes jours, compris?** – Давай, проваливай, Альдо, иди в машину! И не пытайся больше подходить к Катерине, иначе я искалечу тебя на всю оставшуюся жизнь, ясно? [EAP, с.25]

(12) - **Et réplique pas assassin de ta mère, sans quoi je t'arrache les yeux!** – И не возражай, убийца собственной матери, иначе я выцарапаю тебе глаза! [EAP, с.145]

(13) - **N'essaie pas de crier, car je te casserai la gueule avant que ta bouche soit ouverte.** – Не пытайся кричать, так как я перережу тебе горло еще до того, как твой рот откроется. [SJP, с.328]

Необходимо отметить, что части сложносочиненного комплекса

могут быть дистантно разделены и выступать в качестве двух самостоятельных предложений. Чаще всего это встречается с союзом **sinon**:

(14) - *Nous vous donnons dix jours pour retrouver les diamants.*

Personne ne quittera Naples avec nos diamants. Sinon, poursuit-il, sinon votre fils aîné mourra et vous aurez encore huit jours de sursis avant que nous ne frappions de nouveau.

– Мы даем вам десять дней на поиск бриллиантов. Никто не покинет Неаполь с нашими бриллиантами. В противном случае, продолжил он, ваш старший сын умрет и у вас будет еще неделя отсрочки, прежде чем мы снова покараем вас. [EAP, с.89]

Более того, нередко случаи постпозиции этого союза, что придает речи элемент дополнительной экспрессивности:

(15) - *Vous allez quitter cette ville tout de suite... Nous avons votre*

femme et nous la tuerons, sinon. – *Вы сейчас же покинете город. Ваша жена у нас, и мы убьем её, если что.* [ALD, с.197]

Следует отметить, что все приведенные примеры, иллюстрирующие структуру №1, наиболее близки к семантической модели угрозы. Побуждение в данной структуре является прямым, т.е. в предложении выражается именно то, что требуется говорящему. Альтернативность передается союзами: **ou, sinon, autrement, sans cela (ça, quoi), car.**

2.7.3. Сложноподчиненные предложения с союзом **si**

Структура № 2, служащая для выражения менасива,

представляет собой сложноподчиненные предложения с союзом **si**.
Например:

(16) - ***Si tu parles, je raconte à Monique où tu es allée hier au soir!***

– Если ты проболтаешься, я расскажу Монике, куда ты ходила вчера вечером! [SPE, с.847]

(17) - ***Tout cela est vrai, répéta Malco, maintenant la fourchette appuyée contre la main de Saïd. Si vous essayez de bouger je vous cloue la main à cette table.*** – Все это правда, повторил Малко, прижав вилку к руке Саида. Если вы попытаетесь двинуться, я пригвозжу вас за руку к этому столу. [VMM, с.107]

Самый приблизительный подсчет при анализе практического материала обнаружил высокую употребительность имплицативно-менасивных конструкций с “если”, что позволяет их рассматривать в качестве основного, ядерного способа выражения РАУ. Используя логические символы, попробуем проанализировать связи между двумя компонентами семантической структуры РАУ, выраженного условной конструкцией с “если”.

В качестве общего значения для причинных и условных конструкций предлагается принять так называемую каузальную импликацию $P \perp Q$, которая предполагает, что Р “порождает” Q, то есть:

а) события Р и Q связаны между собой;

б) Р имеет место раньше или одновременно с Q.

В условных конструкциях и условие (Р), выражаемое в придаточном предложении, и следствие (Q), выражаемое в главной части, рассматриваются говорящим по отношению к окружающему миру не как действительные, а как возможные или невозможные. В самом деле, в условных конструкциях истинность протазиса не

поддается определению. Из примера: *Если ты двинешься, я выстрелю!* неясно, двинешься ты или нет. Знание о будущем возможно лишь в тех случаях, когда речь идет о запланированных событиях, или о событиях, повторяющихся с известной закономерностью. Действительно, условная конструкция будет ложной лишь в единственном случае, когда из истинной посылки (Р) следует ложное следствие (Q), но в истинности посылки (как показывает пример) мы не можем быть уверены, поэтому для успешной реализации РАУ в виде условной конструкции соотношение истина - ложь не является существенным. Гораздо более выраженную роль играет рассмотрение говорящим формулы “если Р, то Q” как реально выполнимой возможности, или, наоборот, возможности нереальной и невыполнимой.

Одним из условий успешности РАУ является потенциальная возможность и наличие у говорящего намерения реализации Q. Реальная угроза обычно отмечена перспективностью (направленностью в будущее) благодаря глагольным формам будущего времени или других времен в значении будущего, а также выражениям, имеющим футуральное значение: *demain, dans 2 heures* etc (*завтра, через два часа* и т.п.). Например:

(18) - *Si tu continues, tu es mort dans 5 minutes!* – *Если ты продолжишь, ты умрешь через 5 минут!* [SJP, с.342]

Локализация Р и Q в будущем (Р в настоящем после *si* и Q в будущем во французском языке) в наибольшей степени благоприятствует осуществлению реальной, т.е. выполнимой возможности. Это объясняется тем, что будущее время по своей природе является наиболее потенциальным временным планом и тем самым наилучшим образом приспособлено для выражения значения

реального условия.

Прошедшее время в протазисе, в отличие от будущего, не выражает реального условия. Мы не можем угрожать, пытаюсь предотвратить какое-либо действие со стороны слушающего, не зная, имело место это действие в прошлом или нет.

Ср.: Если ты не уйдешь, я выстрелю!

* Если ты не ушел, я выстрелю!

Вместе с тем необходимо отметить, что во французском языке имеются условные конструкции с союзом **si**, выражающие нереальное действие в прошлом: (**Si + plus-que-parfait**), [**conditionnel passé**] и в будущем: (**Si + imparfait**), [**conditionnel présent**]. Например:

(19) - *Laisse-le tomber, p'pa! C'est un vieux schnock! S'il avait continué j'y aurais donné des coups de pied! – Оставь его, отец! Это старый придурок! Если бы он продолжил, я бы дал ему пинка под зад!* (ЕЕО, с.62)

В данном примере угроза граничит с предупреждением. Говорящий реализует РА предупреждения нежелательного действия со стороны адресата (в цитируемом примере это третье лицо) в случае повторения аналогичной ситуации. Реализация РА с таким смысловым оттенком становится возможной при использовании сложных времен: **plus-que-parfait** в протазисе и **conditionnel passé** в аподозисе. Следующий пример, реализующий конструкцию (**Si+imparfait**), [**conditionnel présent**] показывает, что говорящий допускает возможность совершения адресатом нежелательного для говорящего действия в будущем (**imparfait**), но пытается ее ликвидировать, обещая негативные последствия (**conditionnel présent**):

(20) - *Mais sachez que si vous lui en souffliez mot, je viendrais tout exprès en Angleterre pour vous tuer. – Но, знайте, что если*

вы ему хоть что-то шепнете, я специально приеду в Англию, чтобы вас прикончить. [QAB, с.189].

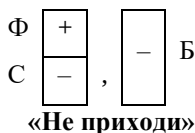
Таким образом, в данном РА наблюдается реализация предупреждения нежелательного действия.

Однако, вернемся к анализу логической импликации “если Р, то Q”. В приведенной нами фразе: “Если ты не уйдешь, я выстрелю!” первая часть высказывания представляет собой имплицитно выраженное требование “уйди”. По мнению некоторых авторов [253; 261] имплицитная форма высказывания используется для выражения того, что по каким-либо причинам не может быть выражено эксплицитно. Требование в приведенном примере, с точки зрения логики, может быть выражено только имплицитно, так как эксплицитному выражению подлежит вторая часть высказывания - обещание негативных последствий. Здесь необходимо пояснить, что глубинная структура менасивных высказываний предполагает наличие ситуации “если... то”, а это значит, что части сложного условного предложения с угрозой противопоставлены друг другу. Откуда следует, что экспликация аподозиса в сложных менасивных конструкциях с союзом “если” требует импликации протазиса.

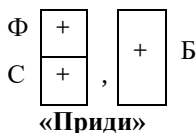
Структура № 2, служащая для выражения угрозы и представляющая собой двучастную конструкцию с союзом “если”, включает в себя ситуацию невыполнения требования и ситуацию обещания негативных последствий. Само требование находится в импликации. Данная конструкция отличается существенной особенностью по сравнению с обычным условным придаточным предложением. Этой особенностью является обратная реверсивная корреляция между значением и формой высказывания [84]. Рассмотрим это на примере. Возьмем абстрактное предложение с

союзом **si** (*Если ты придешь, я тебе дам денег*), в котором говорящий является действующим лицом и рассмотрим все возможные варианты употребления данной фразы (их может быть четыре):

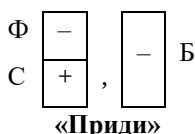
1) Si tu viens, je ne te donnerai
pas d'argent

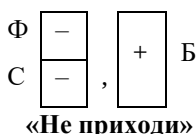
3) Si tu viens, je te donnerai
de l'argent

2) Si tu ne viens pas, je ne te
donnerai pas d'argent

4) Si tu ne viens pas, je te
donnerai de l'argent

где

--

 ,

--

 - части сложноподчиненного предложения

Ф - форма придаточного предложения с “если”

С - содержание придаточного предложения с “если”

Б - бенефактивность (польза для адресата) в главном предложении

(+) - положительное значение

(-) - отрицательное значение

Итак, первый и второй варианты представляют собой угрозу или предупреждение нежелательного действия, так как форма и содержание условия, выдвигаемого говорящим, не совпадают. Так, в первом примере глагол (tu viens) употреблен в положительной форме, а цель, преследуемая говорящим (содержание высказывания), прямо

противоположная (“не приходи”). Семантика второй части сложного предложения, выражающая отрицательную бенефактивность для адресата, помогает распознать истинную цель высказывания, несмотря на расхождение формы и содержания требования. Напротив, в третьем и четвертом вариантах форма и содержание требования совпадают, что представляет собой стимуляцию к действию. Так, в третьем примере цель говорящего (“приди”) находит свое выражение в положительном употреблении глагольной формы (*tu viens*). Другими словами, в простом условном предложении предотвращение действий адресата не входит в намерения говорящего, а при угрозе это предотвращение является непосредственной целью, что и определяет общую отрицательную бенефактивность для адресата.

Таким образом, реверсивная корреляция в условных менасивных конструкциях проявляется в том, что утвердительное значение передается с помощью отрицательной формы и наоборот, и восстанавливается с помощью одноступенчатой трансформации. Например:

(21) - *On m'a fait après mon mariage l'habituel chantage: Si vous n'êtes pas sage, on fera pan-pan-cul-cul au petit mari.* – После моей женитьбы на меня был направлен обычный шантаж: Если вы не будете благоразумны, то мы «начикаем по попке» муженька. [SLC, с.135]

⇒ - *Soyez sage, ou on fera pan-pan-cul-cul au petit mari.*

(22) - *Si vous essayez de crier, je vous étrangle. Est-ce d'accord? –* Если вы попытаетесь кричать, я вас придушу. Ясно? [ADA, с.132]

⇒ - *N'essayez pas de crier, sinon je vous étrangle. Est-ce d'accord?*

(23) - *Si vous ne descendez pas à 23 heures, nous serons obligés de monter vous chercher. Même brutalement!* -Если вы не спуститесь к 23 часам, мы будем вынуждены вывести вас сами. Даже насильно! [AAF, с.177]

⇒ - Descendez à 23 heures, **autrement** nous serons obligés de monter vous chercher. Même brutalement!

В рассмотренных примерах требование выражается глагольной формой индикатива; планируемое действие говорящего - формой будущего времени; отрицательная бенефактивность - лексическими единицами (ср.: *donner des coups de pied, tuer, tirer, étrangler, casser la gueule* etc.: пинать, убивать, стрелять, душить, набить морду и др); конкретная референтная соотнесенность передается через индексальные выражения “je”, “te”, “vous”.

Местоположение придаточного с союзом **si** и главного предложений строго не фиксировано: придаточное может стоять перед главным, после него или предложения могут употребляться изолированно как самостоятельные, что подтверждается примерами:

(24) - *J'ai passé de si mauvais moments! Et...*

- *Et vous en passerez de plus mauvais encore si vous répétez à Daphné ce que Mr. Burr a dit d'elle dans mon journal, ajoutai-je d'un air farouche.*

—Я пережил такие ужасные моменты! И...

— И переживете еще хуже, если передадите Дафнии то, что г-н Бюрр сказал о ней в моей газете, закончил я, выходя из себя. [QAB, с.189]

(25) - *Je vais l'abattre, ton fils. J'ai l'arme dans ma poche. Tu vois? Il sort et remet un automatique dans sa poche. -S'il fait encore un pas. — Я прибую его, твоего сына. У меня в кармане*

оружие. Видишь? Он достает из кармана пистолет. - Если он сделает еще один шаг. [ААН, с.381]

Изолированное употребление главного и придаточного предложений позволяет говорящему в более интенсивной форме выразить угрозу. Об этом также свидетельствуют авторские ремарки, описывающие его невербальное поведение в коммуникативно-прагматической ситуации угрозы: *d'un air farouche, sortir un automatique de la poche* и т.п.

2.7.4. Сложносочиненные предложения с альтернативностью, передаваемой при помощи союза et

Структура № 3 представлена сложносочиненными предложениями, в которых значение альтернативности передается при помощи союза **et**. Например:

(26) - *Ose prétendre que t'as jamais été marié, monstre, et par le Criste, je te plante ce couteau dans le coeur! – Только попробуй скажи, что ты никогда не был женат, чудовище, и клянусь богом, я всажу тебе этот нож в сердце!* [ECA, с.182]

(27) - *Continuez sur ce ton et je vous envoie en prison! – Продолжайте в таком тоне, и я отправлю вас за решетку!* [ECA, с.176]

Такие конструкции также отмечены реверсивной корреляцией и могут быть приведены к исходной модели с помощью двухступенчатой трансформации:

(28) - *Tu bouges et je te les casse, tes bras! – Ты двинешься и я ломаю тебе руки!* [AVN, с.312]

⇒ - **Si** tu bouges, je te les casserai, tes bras!

⇒ - Ne bouge pas **ou** je te les casse, tes bras!

(29) - **Continue à m'enquiquiner et je t'étale!** – *Продолжай меня доставать, и я тебя собою с ног!* [SPH, с.138]

⇒ - **Si** tu continues à m'enquiquiner, je t'étalera.

⇒ - Ne continue pas à m'enquiquiner, **sinon** je t'étale.

В данных конструкциях видимая автономность первой части погашается семантикой второй части. Говорящий не выполняет условие искренности, т.е., каузируя слушающему, что Р, тут же опровергает это. Однако такие высказывания не относятся к коммуникативным неудачам, а представляют скорее тщательно продуманные удачи. Говорящий умело создает высказывание, стараясь обеспечить неудачу (несовершенство) понимания этого высказывания слушающим [171, с.38].

Антипоощрение к действию присутствует и в сложносочиненных предложениях с группой союз - наречие: **mais alors**. Например:

(30) - **Tu peux faire ça, mais alors je te tuerai sur place!** – *Ты можешь это сделать, но тогда я прибью тебя на месте!*
[EAP, с.58]

Трехступенчатая трансформация помогает свести данное высказывание к исходной семантической модели:

⇒ - Fais ça **et** je te tue sur place!

⇒ - **Si** tu fais ça, je te tuerai sur place!

⇒ - Ne fais pas ça **ou** je te tuerai sur place!

Употребительность структуры № 3 в значении угрозы объясняется тем, что в аподозисе также как и в структуре № 2

одновременно реализуются три семы: сема побуждения, сема условия, а также сема “личной заинтересованности говорящего”. В.В. Лазарь называет такое употребление императива “условным императивом” [136, с.10].

В заключение раздела хотелось бы остановиться на основных моментах, характеризующих угрозу:

- РАУ считается успешным, если формула “если Р, то Q” представляет собой реально выполнимую возможность;

- менасивные конструкции отмечены перспективностью. Другими словами, угроза всегда направлена в будущее. Именно будущее время выражает реальность условия;

- специфика РАУ состоит в том, что по форме это сложное предложение, в котором есть требование и обещание негативных последствий в случае невыполнения этого требования;

- если угроза выражена сложноподчиненным предложением с условием или сложносочиненным предложением с союзом *et*, то части таких высказываний семантически противопоставлены. Семантика главного предложения в составе сложноподчиненного и второй части сложносочиненного комплекса с союзом всегда отрицательна, т.е. имеет знак “плохо” для адресата;

- угроза всегда связана с первым лицом и выражением говорящим своего гнева и отрицательных эмоций по отношению к слушающему. В этом случае примеры типа: *Если ты не придешь, он тебе задаст*, где предосудительное действие не связывается непосредственно с говорящим, уместнее рассматривать в качестве РА предупреждения.

2.8. Языковое оформление авертива как прямого речевого акта

2.8.1. Семантическая структура авертивных конструкций

Лингвисты, занимающиеся исследованием категории побуждения, отмечают, что РАП является одним из видов этой категории. Сущность РА предупреждения состоит в попытках со стороны говорящего добиться, чтобы слушающий нечто совершил (не совершил). В отличие от директивов в целом их можно охарактеризовать как “...весьма скромные попытки, как в случае, когда я приглашаю Вас сделать нечто или предлагаю Вам это ненавязчивым образом” [195, с.182]. Таким образом, в РА предупреждения выражается желание говорящего удержать слушающего от выполнения некоторого действия, которое, по его мнению, может принести адресату определенный вред. С другой стороны, указывая на негативный результат и нежелательные для адресата последствия, говорящий может реализовать в данном РА попытку склонить слушающего к выполнению некоторого действия, другими словами, он может предотвратить нежелательное бездействие со стороны адресата.

Мы считаем уместным (в этом параграфе и далее) называть РАП **авертивом** (от французского глагола *avertir*) по аналогии с термином “менасив”, обозначающим РАУ, а также в связи с тем, что термин В.С.Храковского “превентивные предложения” оказывается на наш взгляд узким, так как обозначает предложения только определенного типа. Например: Не проговорись! Не разбей стекло! Не обмани меня! [221]. Мы, в свою очередь, понимаем РАП несколько шире. Речевой акт предупреждения - это не только попытка говорящего повлиять на поведение слушающего, а в ряде случаев просто доведение до

сведения адресата, что некое событие должно случиться.

Авертивные высказывания, в отличие от менасивных, могут оформляться с помощью перформатива. Семантический компонент “я Вас предупреждаю” содержится в глубинной структуре таких РА и может быть выражен на поверхностном уровне. Предупреждать можно о неминуемом событии: “Я Вас предупреждаю, что”, а также о событии, которое можно предотвратить: “Я Вас предупреждаю, что если Р, то Q”. Подразумевается при этом, что данная логическая импликация окажется ложной при невозможности Р.

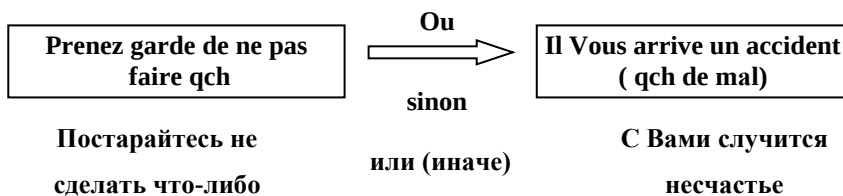
Семантика авертива во французском языке выражается с помощью глаголов: *avertir*, *prévenir*, *intimider*, которые по определению французских толковых словарей имеют общее значение: *informer qn de qch afin qu'il y prenne garde, que son attention soit appelée sur elle*. Итак, понятие “предупреждение” включает следующие семы:

- призыв к осторожности;
- заблаговременное извещение о чем-либо (чаще всего о предстоящей опасности, но необязательно);
- желание предотвратить опасность через совет уклониться от чего-либо.

Первый этап анализа авертива предполагает выявление условий успешности осуществления данного речевого акта, а именно условия пропозиционального содержания, подготовительных и существенных условий.

Особенность пропозиционального содержания авертива заключается в том, что пропозиция данного РА содержит предикацию в отношении к субъекту пропозиции. РАП также как и РАУ имеет однозначную референцию и указывает на слушающего. Субъектом предикации данной пропозиции всегда является слушающий.

Подготовительные условия охватывают положительное отношение говорящего к слушающему, его нежелание видеть ущерб, отрицательную оценку говорящим будущих событий, основанную на субъективном мнении. Учитывая все вышесказанное, семантическую модель РА предупреждения можно представить следующим образом:

Внешнее сходство семантических моделей менасива и авертива подразумевает, однако, и существенные различия между ними: а) возможность перформативного оформления протазиса в авертиве; б) констатация негативных последствий в аподозисе (а не обещание).

Таким образом, РАП представляет собой особый вид побуждения, при котором говорящий делает попытку побудить адресата не совершать некоторого действия в силу его неблагоприятности для последнего. Такое побуждение может иметь место при любой ролевой структуре коммуникативной ситуации, ибо мотивом побуждения является стремление говорящего предотвратить опасную или явно невыгодную для адресата ситуацию. Решение о пересмотре своего поведения принимает сам адресат. Необязательность выполнения каузируемого действия ставит для говорящего дополнительную задачу склонить слушающего к пересмотру своего поведения и добивается этого говорящий при помощи констатации негативных последствий. Между говорящим и слушающим устанавливается некое “сотрудничество” [286, с.325].

Прямые способы выражения прагматического значения любого РА характеризуются синтаксическими структурами, близкими к исходной семантической модели. В ходе анализа авертивных высказываний были выявлены следующие варианты синтаксических структур, передающие значение предупреждения и наиболее близкие к предложенной нами семантической модели: сложносочиненные предложения с союзами: **ou, sinon, autrement, et, car**, а также сложноподчиненные предложения с союзами: **si, parce que**. На первый взгляд это те же самые конструкции, которые формируют менасивные высказывания. Однако, как мы уже упоминали, различие между авертивом и менасивом обусловлено различием в семантике аподозиса. Обратимся к примерам.

2.8.2. Сложносочиненные предложения с союзами и их эквивалентами **ou, sinon, autrement, car**

Структура № 1 представлена сложносочиненными предложениями, части которых соединены союзами: **ou, sinon, autrement, car** и сложноподчиненными предложениями с союзом **parce que**. В протазисе в виде призыва к осторожности или совета как поступить выражается требование говорящего. С точки зрения грамматики протазис представляет собой побудительное предложение с глагольной группой *prendre garde*, стоящей в императиве, и инфинитивом значимого глагола. Аподозис содержит информацию о негативных последствиях для адресата и представляет собой простое повествовательное предложение с глаголом в будущем времени изъявительного наклонения. Например:

(31) - *Prends garde de te perdre ou il te tuera!* – Постарайся

исчезнуть или он убьет тебя! [AMN, с.289]

(32) - ***Prenez garde de ne pas oublier cette condition, sinon vous pouvez vous attirer des ennuis très graves.*** – Постарайтесь не забыть это условие, иначе вы можете притянуть к себе очень серьезные неприятности. [AIS, с.185]

(33) - ***Prenez garde de ne pas être suivi en quittant votre domicile, autrement vous risquez d'être arrêté.*** – Остерегайтесь слежки, когда вы выходите из дома, иначе вас могут арестовать. [SAP, с.370]

(34) - ***Attention! N'y allez pas, car: il est le Diable et va vous transformer en animal.*** – Берегитесь! Не ходите туда: он настоящий дьявол и превратит вас в животное. [AMN, с.366]

(35) - ***Prenez garde, Mik! Ne mettez pas le nez dehors avant un certain temps parce qu'ils vous cherchent partout.*** – Поберегитесь Мик! Не высовывайте носа из дома еще некоторое время, потому что они ищут вас повсюду. [SAD, с.104]

Следует заметить, что две последние конструкции, содержащие союзы **car** и **parce que**, имеют варианты бессоюзного употребления. Это могут быть два самостоятельных предложения:

(36) - ***Mademoiselle, méfiez-vous! Votre protecteur m'a chargé d'avoir l'oeil sur vos affaires personnelles.*** – Берегитесь, мадемуазель! Ваш покровитель дал мне задание следить за вашими личными делами. [GEF, с.57]

или два соположенных предложения, образующие бессоюзное предложение:

(37) - ***Méfie-toi des souvenirs, ils masquent souvent la vérité!***-

Бойся воспоминаний, часто за ними скрывается правда!

[PDO, с.54]

(38) - *Gardez-vous, major ... entre lui et vous, c'est désormais une lutte à mort.*- *Поберегитесь, майор... с этого момента между ним и вами борьба на смерть.* [SMM, с.410]

Первое из этих предложений призывает адресата к осторожности (при помощи оборотов, выражающих значение предосторожности: *Prenez garde! Méfiez-vous! Attention! Gare! Tenez-vous sur vos gardes! Tenez bon la rampe! Soyez prudent! Doucement!* и др.)⁶, а второе объясняет необходимость этой предосторожности.

Анализ способов оформления менасивных и авертивных РА позволил нам сделать вывод о том, что, несмотря на наличие во французском языке перформативных глаголов: *prévenir, avertir*, речевой акт предупреждения не всегда выражается перформативно. В этом случае показательными являются вышеприведенные примеры. Более того, выражения типа: “Я предупреждаю тебя...” чаще выражают менасивную семантику. Эти выражения, по мнению Р.М. Богдановой придают особую экспрессивность высказываниям, в которых говорящий, интерпретируя собственное побуждение, присваивает себе “чужое” речевое амплуа, например, угрожающий субъект часто заимствует роль советующего, предупреждающего, достигая таким образом эффекта сарказма, иронии. Предупреждающий субъект, в свою очередь, может выступить в роли советующего или просящего. В качестве иллюстрации воспользуемся примерами из работы Р.М. Богдановой [38, с.17]:

⁶ См. Приложение с.283

- J'ai un bon conseil à te donner: déguerpis immédiatement et qu'on ne te revoie plus ici - У меня для тебя хороший совет: немедленно проваливай, и чтобы тебя больше здесь не было видно

- Méfiez-vous de ce beau parleur; c'est un bon conseil d'ami.
– Берегитесь этого краснбая; это хороший дружеский совет.

В связи с изложенным выше в нашу семантическую модель авертива не вводятся перформативные глаголы *prévenir*, *avertir* в их классическом употреблении (т.е. в форме настоящего времени действительного залога, изъявительного наклонения в сочетании с местоименным подлежащим первого лица единственного числа), эти так называемые “эксплицитные перформативы” [171, с.67] или “перформативные префиксы” [272, с.224] не всегда однозначно определяют характер иллокутивного намерения говорящего и, следовательно, не могут являться универсальным иллокутивным индикатором какого-либо высказывания. Аргументом в защиту правомерности изложенного является мнение Т.Балмера. Он считает, что тип РА зависит от его пропозиционального содержания. Так, если даже иллокутивная часть не содержит перформативного глагола побудительной семантики, но в пропозиции выражается побуждение к определенному действию, то все выражение прочитывается как директив [245].

2.8.3. Сложноподчиненные предложения с союзом *si*

Авертивная структура № 2 представлена сложноподчиненными предложениями с альтернативностью, передаваемой при помощи союза **si**. Например:

(39) - **Si tu ne changes pas tes savonnettes, tu risques fort de te**

faire coller une contravention. – Если ты не заменишь лысую резину, ты сильно рискуешь нарваться на штраф. [SLC, с.72]

(40) - ***Si tu continues a désobéir à ton père, il va te passer une purge.*** – Если ты не будешь слушаться отца, он задаст тебе взбучку. [GUB, с.32]

Двучастная конструкция с союзом **si**, служащая для выражения предупреждения, включает в себя ситуацию несоблюдения требования (выраженного в виде призыва к предосторожности) и ситуацию констатации негативных последствий. Требование находится в импликации; негативные последствия выражены эксплицитно. Таким образом, мы снова отмечаем случай реверсивной корреляции между значением и формой высказывания. Утвердительное значение требования передается с помощью отрицательной формы и восстанавливается с помощью одноступенчатой трансформации, например:

(41) - ***Si tu passes l'heure, tu auras une amende. Les flics ne rigolent pas.*** – Если ты пропустишь назначенное время, у тебя будет штраф. Полицейские не шутят. [ECA, с.117]

⇒ - Prends garde de ne pas passer l'heure **ou** tu auras une amende.

(42) - ***Mais que faites-vous là? Vous allez prendre le mal de la mort si vous vous promenez dehors par cette température.*** – А что вы здесь делаете? Вы заболете и умрете, если будете прогуливаться по улице в такую погоду. [AMN, с.239]

⇒ - Prenez garde de ne pas vous promener dehors par cette température, **sinon** vous allez prendre le mal de la mort.

В рассмотренных примерах призыв к предосторожности выражается в условных придаточных предложениях глагольными

формами, стоящими в индикативе; ожидаемые негативные последствия - формами будущего времени; положительная бенефактивность каузируемого действия для адресата подчеркивается отсутствием конкретной референтной соотнесенности ожидаемых негативных последствий с первым лицом, т.е. с говорящим. “Санкционной силой в этом случае выступает либо третье лицо (*les flics, le père*), либо сам адресат (*tu, vous*). Этот момент становится смысловоразличительным при определении типа РА и еще раз подтверждает мысль Ребайна и Сейдока о взаимопереходе менасивных и авертивных конструкций [286; 290].

2.8.4. Сложносочиненные предложения с союзом *et*

Третья структура, реализующая семантическую модель авертива, представлена (как и в случае менасива) сложносочиненными предложениями с союзом **et**:

(43) - *Les vieux, j'les aime pas! Ils grognent tout l'temps!*

- *Tais-toi! Parle de cette façon et ton grand-père te dressera en un rien de temps!* – *Старики, я их терпеть не могу! Они то и дело ворчат!* – *Молчи! Будешь так говорить, и твой дед тебя проучит в два счета!* [ЕЕО, с.16]

Будучи еще одним вариантом поверхностного оформления исходной семантической модели РА предупреждения, данная структура представляет собой более сложную модификацию этой модели (по сравнению со структурами № 1 и № 2). Первый компонент представлен в виде побудительного предложения, однако, императивная утвердительная форма в данном случае передает отрицательное значение (т.е. равна прохибитиву - не делай!). Исходная

модель выводится при помощи двухступенчатой трансформации, первой ступенью которой будет условное предложение, отмеченное реверсивной корреляцией:

⇒ - Si tu parles de cette façon, ton grand-père te dressera en un rien de temps!

⇒ - Prends garde de ne pas parler de cette façon ou ton grand-père te dressera en un rien de temps!

Реверсивная корреляция между значением и формой выражения предупреждения вызывает семантическую противопоставленность протазиса и аподозиса в структуре высказывания, что, в свою очередь, создает причинно-следственные отношения частей сложного высказывания, соединенных союзом *et*. Первая ступень трансформации в исходную семантическую модель и передает эти отношения, где протазис: *si tu parles de cette façon* является причиной следствия: *ton grand-père te dressera en un rien de temps*, выраженного в аподозисе.

Однозначная интерпретация данных высказываний как РА предупреждения без привлечения контекста, с опорой только на языковую данность позволяет рассматривать их в качестве прямых способов реализации авертивной семантики.

Среди перечисленных структур ядерной (по признаку частотности употребления) является структура №1. С нашей точки зрения это объясняется тем, что в ней успешнее всего реализуется интенция субъекта, его политика “сотрудничества” с объектом коммуникации [286, с. 325], так как побуждение к действию выражено эксплицитным способом.

В заключение хотелось бы подчеркнуть существенные положения параграфа:

- семантическая структура авертива включает в себя два компонента: а) волеизъявление говорящего, которое предстает как пожелание того, чтобы исполнитель контролировал ситуацию и не выполнил бы называемое действие; б) констатация ущерба, претерпеваемого в случае осуществления действия или несоблюдения мер предосторожности;

- с точки зрения синтаксической структуры РАП представляет собой двучастную конструкцию, части которой соединены посредством союзов: **ou, sinon, autrement, car, parce que, si, et**;

- если негативные последствия представляют собой определенные санкции, то, в случае авертива исполнителем “приговора” по отношению к адресату выступает не говорящий, а другое лицо. Иначе говоря, семантика второй части, несущая знак “плохо” для адресата, не связана с интенцией говорящего;

- общая положительная бенефактивность авертивного высказывания для адресата, а также некатегоричность волеизъявления говорящего в виде пожелания и, как следствие, необлигаторность его выполнения обуславливают наиболее частое использование структуры № 1 (сложносочиненные предложения с союзами: **ou, sinon, autrement, car**) в качестве РА предупреждения.

2.9. Языковые средства выражения менасивов и авертивов как косвенных речевых актов во французском языке

Прежде чем подвергнуть анализу косвенные способы выражения угрозы и предупреждения во французском языке, попытаемся дать свое определение КРА. Итак, основываясь на вышеизложенных мнениях разных лингвистов относительно косвенных высказываний, мы можем сформулировать наше понимание КРА следующим образом: КРА - это речевые действия, иллокутивная цель которых не находит прямого отражения в языковой структуре определенного высказывания. Мы уже отмечали, что при анализе менасивных РА перед нами встал вопрос, могут ли названные высказывания реализовываться в прямых РА или они изначально относятся к КРА, так как не имеют перформативного употребления (например, А.А. Романов высказывания, не обладающие перформативной “формулой”, автоматически относит к косвенным). Согласно нашей точке зрения любой РА может быть выражен прямо и косвенно. Главным критерием для разграничения прямых и косвенных РА служит степень экспликации выражения иллокутивной функции РА.

В предыдущих параграфах рассматривались прямые способы выражения угрозы и предупреждения, где прямые РА трактовались как высказывания, в поверхностной структуре которых эксплицитно присутствуют все компоненты семантической модели РА, либо частичная импликация некоторых из них не требует привлечения контекста для выявления истинного смысла.

В данной части работы предполагается анализ высказываний, в поверхностной структуре которых представлены либо не все

необходимые компоненты семантической модели, либо данные компоненты выражены непрямым способом и их восстановление требует привлечения механизма инференции (логического вывода).

Используя дихотомический принцип, попытаемся изобразить наше понимание прямых и косвенных способов выражения менасивной и авертивной иллокуций. Ядром любого РА является его семантическая модель, которая либо остается неизменной, либо претерпевает в процессе коммуникации различные видоизменения. Видоизменение семантической модели подразделяется нами на полное (транспозиция модели другого типа РА в сферу менасивной и авертивной семантики) и частичное, которое, в свою очередь, представлено качественными и количественными трансформациями. Качественная трансформация семантических моделей РАУ и РАП предполагает два способа их видоизменения: имплицативный и неимплицативный. При неимплицативном способе отмечается реверсивный порядок компонентов семантических моделей менасива и авертива. Постпозиция протазиса добавляет категоричности угрозе (***Je te déforme ma Difor (= la voiture) sur le museau si tu t'obstines à jouer les ingrats.*** -Я помну свою машину о твою физиономию, если ты упорно будешь продолжать играть в неблагодарность) и усиливает значение положительной бенефактивности для адресата в случае предупреждения: ***Il y a du verglas aujourd'hui, tiens bon la rampe!*** Сегодня скользко, смотри, не упади!

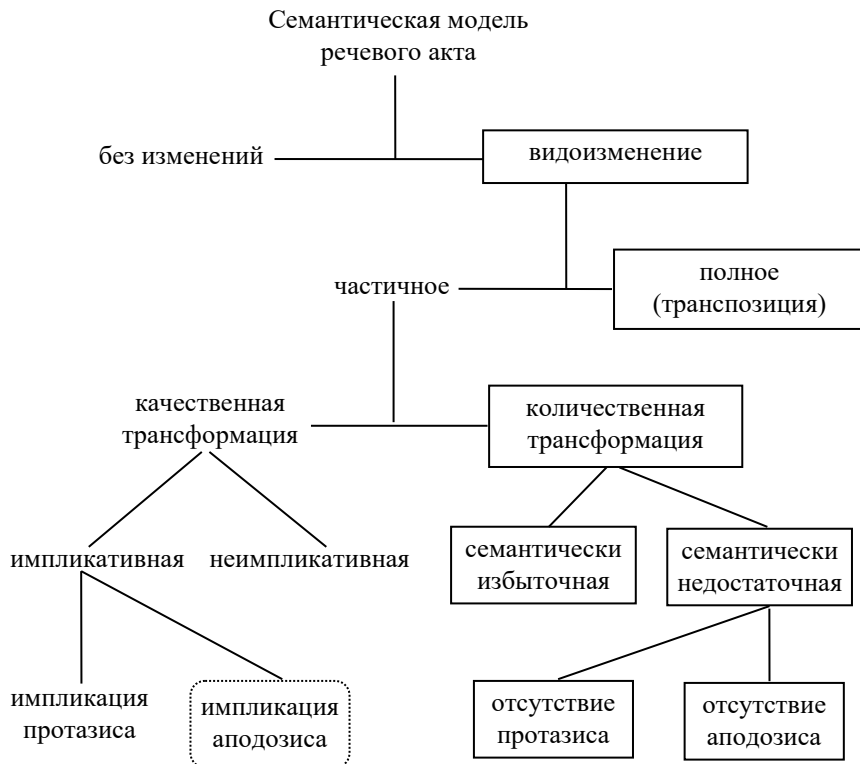
Имплицативный способ качественной трансформации свидетельствует о том, что один из элементов семантической модели (протазис или аподозис) находится в имплицации, т.е. выражен непрямым способом. Выше мы подробно останавливались на случаях имплицации требования в двучастных конструкциях с союзом si.

Количественные видоизменения модели предполагают два момента с точки зрения семантики: семантическую избыточность РА или его семантическую недостаточность. Семантическая избыточность при реализации менасивной и авертивной моделей в РА проявляется в том, что при наличии в высказывании обоих компонентов модели наблюдается еще и перформативное оформление РА.

При перформативном оформлении РА появляются дополнительные косвенные коннотации, выражающие доброжелательное отношение говорящего к собеседнику, его нежелание видеть возможный ущерб для адресата и т.п. Перформативное оформление РАУ при помощи глагола *menacer* невозможно, ввиду принадлежности последнего к квазиперформативам. Однако, РАУ может сопровождаться любым другим глаголом говорения в его перформативном употреблении. Тем самым говорящий маскирует (под предлогом совета, предупреждения и даже просьбы) свои истинные цели, расценивая свое поведение как антисоциальное.

Семантическая недостаточность при количественной трансформации модели проявляется в отсутствии протазиса, либо аподозиса. Роль недостающего звена в семантической модели принадлежит контексту.

Все вышесказанное можно представить в виде следующей схемы:

В соответствии с определением прямых и косвенных РА, принятым в данной работе, правая часть схемы (выделенная) представляет собой косвенные способы выражения менасивной и авертивной семантики, соответственно, левая - прямые. Пограничным случаем являются высказывания с импликацией аподозиса (на схеме выделена пунктиром). Дело в том, что при имплицитном выражении негативных последствий для адресата стирается основная грань между РАУ и РАП и тем самым еще раз подтверждается мысль Ребайна и Сейдока о наличии сходства между менасивными и авертивными

конструкциями. Например, когда негативные последствия не связаны непосредственно с говорящим, невозможно определить без контекста, что перед нами: косвенный РА угрозы с импликацией агенса действия или прямой РА предупреждения. Например:

(44) - *Si tu continues comme ça, tout le monde va clabauder au sujet de ta pochardise. Et puis il ajouta: - Sois sans crainte, je serai le premier qui le dira!* - Если будешь продолжать в том же духе, все будут злословить по поводу твоего пьянства. И затем он добавил: - Не переживай, я буду первым, кто об этом скажет! [SMF,с.132]

В данном отрывке о менасивной направленности первого высказывания мы можем судить только благодаря второй реплике говорящего, в которой ясно выражается его причастность к исполнению негативных последствий.

2.10. Косвенные РА угрозы и предупреждения во французском языке

Сложная семантическая модель менасивных и авертивных высказываний вызывает разнообразие способов их выражения. Подразумевая под КРА угрозы и предупреждения то или иное видоизменение семантической модели, начнем с обращения к ее качественной трансформации, а именно с анализа вариантов оформления аподозиса, так как чаще всего обещание негативных последствий (угроза) или их констатация (предупреждение) происходит косвенным путем.

2.10.1. Качественная трансформация семантической модели.

Импликация аподозиса

Следует отметить, что выражение негативных последствий, являясь РА обещания, предполагает наличие трех компонентов: говорящего (исполнителя действия), обязательство, принимаемое на себя говорящим относительно некоего будущего действия (выраженное временными формами индикатива) и слушающего (адресата). Эти три компонента могут быть представлены с той или иной степенью имплицитности, что, по мнению Д.Н. Лича, выражается в различных степенях косвенности [271]. Отечественные лингвисты [84] рассматривают три степени косвенности, а именно: импликацию говорящего, либо косвенное выражение самого действия, либо ненормативную номинацию адресата. Во французском языке это можно проиллюстрировать следующими примерами:

а) Агенса находится в импликации. В случае угрозы - это угрожающее лицо:

(45) - *Arrête, crevure, encore un pas et tu seras par terre!* – Стой, подонок, еще шаг и ты будешь на земле! [LAL, с.246]

При прямом способе представления на поверхностном уровне актуализируются агент действия и пациент (говорящий и слушающий), при косвенном РА имплицитруется агент, т.е. нет прямого указания на того, кто приведет угрозу в исполнение. Активизируется пациент (пример 45) или агент имплицитруется орудием:

(46) - *Si tu bouges, le revolver va tirer!* – Если ты двинешься, револьвер выстрелит! [SAF, с.109]

Это употребление приводит к тому, что предосудительное действие не связывается с говорящим. Правильно соотнести позицию говорящего и прескриптора (исполнителя) действия нам помогает

микро- и макроконтекст. В приведенном примере (45) первая часть высказывания с употребленной в ней лексической единицей “crevure” однозначно указывает на негативное отношение говорящего к собеседнику, а значит и его намерение лично нанести слушающему ущерб. Вместе с тем стоит заметить, что не всегда микроконтекст (лексическое наполнение высказывания, референтная соотнесенность говорящего и слушающего, видовременные отношения внутри одной фразы) играет решающую роль. Показательным является следующий пример:

(47) - *Fais pas l'imbécile, vieux con! Tu te montes la tête sans raison et tu te risques de tout fichier en l'air pour du vent! - Je m'en fous. - Imbécile! - Не делай глупостей, старый дурак! Ты волнуешься понапрасну и рискуешь все попусту потерять! – Мне наплевать! – Придурок!* [ЕАР, с.39]

Употребление эмоционально-оценочной лексики (*vieux con, imbécile*) в данном высказывании не меняет его авертивную семантику, а является выражением негативной реакции говорящего на неразумное, с его точки зрения, поведение адресата. С другой стороны, РАУ часто сопровождается мнимым ласковым обращением к адресату:

(48) - *Il alla retirer le cure-dent de la prise et revient à la chaise: - Mon cher, je vais vous enfoncer ce petit objet dans l'oreille. Il est vraisemblable qu'il vous crèvera le tympan. (Sans trembler, il commença l'opération). Tiarko sursauta: - Je vais parler, soupira-t-il. – Он достал зубочистку и вернулся на свое место: - Дорогой, я сейчас засуну эту маленькую штучку вам в ухо. Понятно, что она проткнет вам барабанную перепонку. (Не раздумывая, он принялся за дело). Тиарко подскочил: - Я все скажу, вздохнул он.* [SAD, с.98]

Импликация агенса действия в случае РАП представляет собой импликацию прескриптора (исполнителя действия). В приведенном выше примере (46) РА угрозы легко может стать РА предупреждения, если из ситуации следует, что выстрелить пытается не говорящий, а, к примеру, третье лицо. Таким образом, роль индикатора типа речевого акта играет макроконтекст (более широкий смысловой отрезок текста, включающий описание ситуации, взаимоотношение персонажей и т.п.). Например:

(49) *Ida a eu juste le temps pour me lancer un avertissement: - Pas un mouvement! Surtout, ne tournez pas la tête! Sinon..., (que j'ai senti la pression de l'acier me percer la chair): - Tu croyais t'en tirer comme ça!- Ида едва успела предупредить меня: - Не двигайтесь! И не крутите головой! Иначе..., (я почувствовал, как сталь впиалась мне в кожу): - Ты рассчитывала отделаться таким образом!* [VMM, с.223]

б) вторая степень косвенности предполагает, кроме имплицитного представления агенса действия, косвенное описание самого действия. Например, в случае РАУ:

(50) - *J'ai trente ans de moins - et vous allez voir ce que vous allez voir!* – Я на тридцать лет моложе - и вы увидите то, что увидите! [ADO, с.138]

(51) - *Si tu continues à nous enquiquiner comme ça, on trouvera bien une manière de se débarrasser de toi.* – Если ты будешь нас доставать таким образом, мы найдем способ избавиться от тебя. [SAS, с.214]

или в случае РАП:

(52) - *Je te préviens: si je t'aime, prends garde à toi!* – Я предупреждаю тебя: если я в тебя влюблюсь,

берегись![AQC, с.145]

- (53) - *Si vous vous opposez à lui, c'est vous qui en souffrirez, annonça-t-il.* – Если вы будете ему сопротивляться, то вы же и пострадаете, заявил он. [CMA, с.247]

Косвенному описанию может подвергаться не только само действие, но и его результат, при описании которого часто используется жаргонная лексика:

- (54) - *Cette langue, ma petite? Ho! elle est vilaine; si vous continuez comme ça, mon enfant, vous allez claboter un de ces jours.* – Что за язык, малыша? Он ужасен; если вы продолжите в том же духе, дитя моё, то недолго и помереть [ABQ, с.422]

- (55) - *Cesse de scier ce bois, tu continueras demain. Si tu ne t'arrêtes pas, tu vas avoir le dos et les reins en capilotade et tu ne pourras rien faire pendant plusieurs jours.* – Заканчивай пилить дрова, ты продолжишь завтра. Если не перестанешь, твоя спина будет разбита, и ты долгое время ничего не сможешь делать. [GEF, с.115]

в) третья степень косвенности связана с ненормативной номинацией слушающего и предполагает восстановление референтной соотнесенности. В этих случаях требующий идентификации объект представлен местоимением третьего лица, а не второго, например:

- (56) - *Souvenez-vous qu'il a été dit: "Malheur à ceux par qui le scandale arrive!"* – Помните, как было сказано: «Горе тем, кто развяжет скандал!» [EAP, с.174]

- (57) - *Quand je parle, tout le monde m'écoute. Ceux que ça n'intéresse pas n'ont qu'à sortir. Les voix se turent.* – Когда я говорю, меня все слушают. Тем, кому это неинтересно,

остается лишь выйти. Голоса смолкли. [GUB, с.58]

В последнем примере, употребляя “сеux”, говорящий обращается к тем, кто не слушает его. Слушающие потенциально могут относиться к группе “tout le monde”. Второй признак “seux que ça n'intéresse pas”, приписываемый неконкретному объекту, с одной стороны, относится к объектам, заданным формулой “tout le monde”, а с другой стороны является указанием на плохо внимающих слушателей, поскольку данный признак им присущ. Описанный в ситуации инцидент связан с невнимательным отношением слушающего к выступающему. Совмещение двух признаков дает возможность идентифицировать действительного референта - слушающего. В данном случае степень косвенности, а вместе с тем и степень вежливости, возрастает в значительной мере, так как слушающий может отказаться “вычислять” референта, т.е. сделать вид, что не понимает значение высказывания, или, что оно относится не к нему.

Предупреждение угрожающего характера получает свое выражение в высказываниях с обращением к коллективному адресату, выраженному при помощи относительного местоимения **qui**: а) при выраженном агенте действия:

(58) - A qui me dira ça, je foutrai sur la gueule, et de bon coeur! –

Тому, кто мне это скажет, я набью морду, от души! [GUB, с.46]

б) при невыраженном агенте действия в так называемых негласных законах, правилах:

(59) A cette époque-là, la Loi de la Frontière était appliquée dans toute sa rigueur et elle disait: “Qui vole ou tue le cheval d'autrui sera pendu”. – В то время Пограничный Закон применялся со всей строгостью и гласил: «Тот, кто

украдет или убьет чужую лошадь, будет повешен». [SJP, с.295]

Следует отметить, что по мере увеличения степени косвенности в высказывании присутствует все меньшее число чисто языковых показателей передаваемого прагматического значения и возрастает роль фоновых знаний и контекста.

2.10.2. Количественная трансформация семантической модели

Количественная трансформация семантической модели, являясь наряду с качественной вторым основным видом КРА угрозы и предупреждения, превращает высказывание в семантически избыточный РА, либо в семантически недостаточный.

О семантической избыточности РА говорят в том случае, когда его иллокутивная цель выражается при помощи большего (нежели это требуется) количества показателей иллокутивной силы. Так, перформативное оформление РАП, содержащего все элементы семантической модели, является избыточным, так как сама структура и лексическое наполнение данного высказывания однозначно интерпретируют его как авертив. Например:

(60) - Je te préviens: méfie-toi d'Anatole, c'est un drôle de loulou!

- Берегись Анатоля, это подозрительный тун! [SLC, с.362]

Перформативное употребление глагола “предупреждать”: Je te préviens оказывается в данном случае ненужным с точки зрения семантики, но косвенно выражает эмоциональное состояние говорящего, его желание оказать влияние на дальнейшее поведение адресата.

В некоторых случаях РАУ оформляется с помощью перформативного глагола другого РА, хотя условия коммуникативного контекста не допускают сомнения в том, что это угроза:

(61) - *Je te conseille de ne plus m'injurier, sinon ça va être ta fête et tu vas recevoir une raclée.* – Я советую тебе больше меня не оскорблять, иначе смотри у меня, получишь! [SMF, с.84]

Семантическая избыточность высказывания может быть “контекстуальной или ситуационной. В первом случае повторяется уже сказанное раньше, семантически ненужное; оно служит для аргументации или выражения эмоций. Во втором случае данный языковой элемент оказывается избыточным в определенной ситуации, приобретает в силу этого переносное значение и часто выступает как средство выражения не только информации, но и эмоциональной реакции на слова собеседника и на факты” [72, с.85].

В качестве примера ситуационной избыточности высказывания можно привести речевые реплики, выражающие предосторожность: *Attention les yeux! Ça glisse, Alice! (Берегите глаза! Очень скользко!)*, которые косвенно передают призыв к особой бдительности, так как изначально употреблялись в ситуациях, требующих повышенного внимания.

С другой стороны, надпись на окрашенной скамейке: *Attention à la peinture! (Осторожно, окрашено!)* без аподозиса не является недостаточной с точки зрения чистой семантики, так как обстоятельства, в которых осуществляется это предостережение предполагают всем известные негативные последствия: *Si vous ne voulez pas vous salir (Если вы не хотите запачкаться).*

Отсутствие какого-либо компонента в семантической модели РАУ или РАП свидетельствует о семантической недостаточности этих

РА. Чаще всего в случае угрозы опускается протазис, а аподозис (собственно угроза или угроза “непрескриптивной семантики” - термин Ю.М.Малиновича) может оформляться в виде простых и сложных предложений. Простые предложения в таком случае представляют собой эмоциональную реакцию говорящего на нанесенный ранее ущерб, а с точки зрения синтаксиса представлены повествовательными, побудительными и вопросительными конструкциями:

(62) - ***Voux aurez de nos nouvelles! hurla Busch qui referma la porte à la volée.***

—Вы еще о нас услышите! прорычал Буш, захлопнув с силой дверь [ZLA, с.173]

(63) - ***Je vous flanquerais une trempe un de ces jours!*** - Я вам устрою выволочку на днях! [SPH, с.115]

(64) - ***C'était rigolo d'entendre ce gosse de 12 ans dire à son adversaire: - Numérote tes abattis, je vais te foutre une raclée.***
— Было смешно слышать, как двенадцатилетний мальчик отчитывает своего ровесника: - Руки и ноги целы? (после драки), я тебе устрою нагоняй. [LAL, с.151]

(65) - ***Gicle, pauvre pomme, et n'oublie jamais la leçon du beau Mac!*** — Уматывай, простофиля, и не забудь урок красавчика Мака! [SAS, с.278]

(66) - ***Vous croyez que vous ne seriez pas puni pour ce sacrilège?***
-demanda-t-il avec un air menaçant. — Вы считаете, что не будете наказаны за это кощунство?- спросил он с угрожающим видом. [ALD, с.164]

(67) - ***Voulez-vous que je mette à la poste cette lettre où M-lle de Sinclèves vous dénonce au procureur de la République?***

- *Хотите, чтобы я отправил по почте письмо, в котором мадемуазель Сенклев доносит о вас прокурору Республики?*
[LAL, с.72]

Когда требование не выражено вербально, оно следует из ситуации и предполагает, скорее, прекращение действия, выполняемого слушающим. Например:

(68) - *Tu veux qu'on te chasse? - Non, dit-il en cessant de bavarder.* – Ты хочешь, чтобы тебя выгнали? – Нет, сказал он, прекращая болтать. [SMM, с.237]

Только следующая за менасивом фраза (en cessant de bavarder) показывает, что требовалось говорящему от слушающего.

Отсутствие аподозиса в РАУ представляет собой случаи так называемой незаконченной угрозы: - *Si vous mentez..., Si tu fais encore un pas...* Однако, незаконченная угроза может быть выражена синтаксически законченным предложением:

(69) - *Oh toi, si tu ne te tais pas! - dit-il en balançant son arme dans la main.* - Эй ты, если ты не заткнешься! – сказал он, покачивая револьвером в руке. [AMN, с.417]

О негативных последствиях таких РА позволяет догадываться контекст.

Эмоциональная реакция может выражаться и в сложных предложениях с союзным словом **quand**, выступая в качестве отсроченного мщения. Например:

(70) - *Nom de Dieu! Quand je pourrai me lever, je jure que je vous étranglerai, sale corbeau!* - Боже! Когда я смогу встать, я клянусь, что я вас удавлю, грязный анонимщик! [ECA, с.89]

Аналогичное значение отсроченного мщения встречается и в простых предложениях, включающих лексическую единицу **un jour**:

(71) *Toute la soirée il était resté sur les nerfs. “Un jour ils auront leur compte, ils entendront parler de moi” répéta-t-il. – Весь вечер он был на нервах. «Когда-нибудь они получат по заслугам, они еще услышат обо мне», - повторил он. [AAF, с.47]*

Иногда обещание негативных последствий может быть результатом выражения внутреннего эмоционального состояния говорящего, как например чувство злости по отношению к сверстникам, испытываемое главной героиней романа R.Queneau “Zazie dans le métro”:

(72) - *Alors? Pourquoi que tu veux être, institutrice? - Pour faire chier les mêmes, répondit Zazie. Ceux qu'auront mon âge dans 10 ans, dans 20 ans, dans 50 ans, dans 100 ans (..) toujours des gosses à emmerder. Quand je serai institutrice, je leur ferai lécher le parquet, manger l'éponge du tableau noir. Je leur enfoncerai des compas dans le derrière...*

– Ну? Почему же ты хочешь стать учительницей?

– Чтобы мучить детей, ответила Зази. Те, кому будет столько же лет, сколько сейчас мне, через 10 лет, через 20 лет, через 50 лет, через 100 лет (...) останутся все такими же мерзкими детьми. Когда я буду учительницей, я заставлю их вылизывать паркет, есть меловую тряпку. Я им засуну циркули в зад... [QZM, с.30]

Что касается РАП, то семантическая недостаточность этих высказываний проявляется чаще всего в синтаксической невыраженности аподозиса. В этом случае авертив представляет призыв к осторожности или пожелание действовать определенным образом, с целью избежать негативных последствий. Например:

(73) - ***Fais attention au fossé!*** - *Осторожно, канава!* [VBA, с.242]

(74) - ***Méfiez-vous! Vous feriez mieux de ne pas y aller!*** – *Берегитесь! Будет лучше, если вы туда не пойдете!* [SPE, с.578]

Призыв к осторожности может оформляться в виде простых (побудительных) предложений, которые при частом употреблении в речи принимают форму речевых клише: *Tiens-toi sur tes gardes! Attention à l'omelette! Tenez bon la rampe!* (Будь на чеку! Смотри, не разбей! Держись! Не упади!) и т.п.

Однако, анализ языкового материала показал, что нередко случаи употребления таких высказываний авертивной семантики, в которых призыв к осторожности синтаксически не выражен, но имплицитно содержится в описываемых косвенным образом негативных последствиях:

(75) - ***Ils tâchent de te convaincre qu'ils te protégeront. Je ne le crois pas. Ça n'est pas le genre d'hommes à qui on peut dire tout.*** – *Они пытаются убедить тебя, что будут защищать тебя. Я этому не верю. Это не те люди, которым можно говорить все.* [EAP, с.149]

Импликация: *Fais attention de ne pas leur faire entièrement confiance!* (Осторожно, не верь им на сто процентов!)

Устойчивую интерпретацию в качестве побуждений - предупреждений имеют высказывания, отрицательно квалифицирующие последствия существующего в момент речи положения дел, и в частности, состояния адресата: - *Tu vas prendre froid, Anémone!* (=habille-toi). Ср.: “Простудишься!”, “Упадешь!”. В этих случаях отрицательная оценочность гипотетической ситуации

косвенно квалифицирует существующее положение дел в момент речи, призывая изменить его с целью избежать негативные последствия, указанные в высказывании.

Иногда роль недостающего протазиса играет перформативное употребление глаголов *prévenir, avertir*:

(76) - ***Je vous prévienst, fit Lang, qu'ils ne vous laisseront pas tranquille.*** – Я вас предупреждаю, сказал Ланг, что они не оставят вас в покое. [SAP, с.340]

(77) - ***Je vous avertis, il a l'ampoule sur lui, c'est maintenant chose certaine.*** - Я вас предупреждаю, ампула у него, сегодня это достоверно известно. [SAM, с.225]

Интересным, на наш взгляд, с точки зрения семантики является употребление РАП с целью известить слушающего заранее о некотором событии, которое будет иметь место с тем, чтобы предупредить нежелательную реакцию адресата в неподходящий момент:

(78) - ***Elle me prévient: - Je vais te tromper, Florange, avec Romain, tu ne dois pas être jaloux.*** Она меня предупреждает: - Я тебе изменю, Флоранж, с Ромэном, ты не должен ревновать. [PDO, с.156]

2.10.3. Транспозиция семантических моделей других речевых актов в сферу меназивной и авертивной семантики

К косвенно-имплицитным способам выражения иллюкутивной силы РА относятся и семантические транспозиции, в самом общем виде, переносное употребление контекстно-трансформированных языковых единиц. Использование принципа семантической

транспозиции как косвенного способа передачи смысла высказывания, свидетельствует об определенном отношении говорящего к когнитивным способностям собеседника, к его способности сделать надлежащий вывод из сообщаемого, т.е. правильно понять и воспринять высказывание.

С точки зрения содержания КРА угрозы и предупреждения, образованные путем семантической транспозиции другого РА в сферу менасивной и авертивной семантики, представляют собой предложения, по своим формальным признакам являющиеся единицей одного прагматического типа, а в речевой ситуации приобретающие иллокутивную силу предложений другого типа. Так, по мнению Н.Д.Арутюновой КРА в поле побудительности представляют собой использование языковых средств, предназначенных для выражения одной разновидности побуждения в функции побуждения какого-либо другого типа [10].

В исследовательской части нашей работы мы пришли к выводу, что практически любой РА, выражающий побудительную интенцию говорящего, может в определенном контексте стать угрозой, если к нему присоединяется РА обещания негативных последствий. Действительно, специфика менасива в том и состоит, что это сложное высказывание, относящееся к директивно-комиссивному типу РА [262]. Итак, директивная часть сложного менасивного комплекса может представлять собой:

а) **запрет**: - *Je vous interdis d'appeler mon père Sam, autrement je ne garantis pas votre sécurité.* – Я запрещаю вам называть моего отца Сэм, в противном случае я не гарантирую вашу безопасность.

б) **разрешение**: (ложная стимуляция действия):

- *Répète ça et je te tue!* – Повтори это и я тебя убью!

в) **совет:** - ***Je te conseille de ne plus m'injurier, sinon ça va être ta fête et tu vas recevoir une raclée.*** - Я тебе советую больше меня не оскорблять, иначе ты получишь взбучку.

г) **приказ:** - ***Les mains levées et pas de tentatives à la con, sinon je vous fais plein de grands trous dans les poumons!*** - Руки вверх и без дурацких выходок, иначе я изрешечу ваши легкие!

д) **предупреждение:** - ***Je te previens: le prochain coup que tu laisses tomber les copains pour aller tirer ta crampe, c'est moi qui te fais ton affaire!*** - Я тебя предупреждаю: в следующий раз, когда ты бросишь товарищей ради своего удовольствия, твоими делами займусь я!

е) **просьбу:** - ***Vous êtes prié de ne pas bouger. En cas de désobéissance je tire!*** – Пожалуйста, не двигайтесь. В случае неповиновения я стреляю!

Большое значение в определении коммуникативной направленности данных РА играет общая отрицательная бенефактивность второй части высказывания. Сравни: “tuer” - убивать, “tirer” - стрелять, “ne pas garantir la sécurité” – не гарантировать безопасность, “recevoir une raclée” – потерпеть поражение, “faire des trous dans les poumons” - продырявить легкие и т.д.

Все вышесказанное в равной мере относится и к РА предупреждения. Призыв к предосторожности может выражаться в форме:

а) **запрета:** - ***Ne le faites pas; vous ne vous rendez pas compte du degré de mécontentement, de la colère de ces hommes.*** - Не делайте этого; вы не отдаете себе отчет об уровне недовольства и ярости этих людей.

б) **совета:** - ***A votre place je ne partirais pas seul, car personne ne***

peut être sûr de rien. – На вашем месте я не поехал бы один, потому что никто не может быть ни в чем уверен.

с) просьбы: - *Je vous prie de me croire sur parole et prendre garde parce qu'ils sont dangereux. – Я прошу вас поверить мне на слово и побережся, потому что они опасны.*

Негативные последствия, выражаемые в комиссивном РА (угроза) или в ассертивном (предупреждение) тоже могут выражаться другими видами РА, используемыми в значении обещания или констатации. По мнению в.И. Михалевича, в качестве РАУ часто используются ретрогрессивные высказывания, описывающие события через обращение к памяти человека и выполняющие рекомендательную или побудительную функцию. Он иллюстрирует это следующими примерами:

РАУ: - *Ne haussez pas les épaules, Leroy, rappelez-vous ce qu'était l'atmosphère de la ville pendant les jours du "Coutances" avec les batailles entre les dockers et les C.R.S. – Не пожимайте плечами, Леруа, вспомните, какая царила атмосфера в городе во время эпохи «Кутанс» с постоянными баталиями между докерами и республиканскими отрядами безопасности.* [Stil]

РАП: *Souviens-toi qu'il n'est plus possible de canoter sur le lac des Aubicrs, car l'entreprise est maintenant trop dangereuse. – Не забывай, что больше не представляется возможным кататься на лодке по озеру, потому что деятельность предприятия сегодня очень опасна.* [Fournier]

Прагматическая направленность побудительных ретрогрессивных высказываний зависит от отношений между коммуникантами. Неравенство в бытовом плане, основанное на авторитете, знаниях, опыте одного из участников акта коммуникации,

определяет рекомендательную функцию высказываний.

Менасивная семантика, может выражаться в так называемых клятвенных речениях:

(79) - *Je jure que vous me payerez tout ça.. Oh! Je vous retrouverai, prenez garde!- Я клянусь, что вы мне заплатите за это... О! Я вас найду, берегитесь!* [ZLA, с.382]

Высказывания, входящие в контекст жизни, интонационно маркированы. На это обратил внимание М.М. Бахтин: “Такие речевые явления как приказания, требования, заповеди, запрещения, обещания (обетования), угрозы, хвала и т.п. составляют очень важную часть внеконтекстной действительности. Все они связаны с резко выраженной интонацией, способной переходить (переноситься) на любые слова и выражения, не имеющие прямого значения приказания, угрозы т.п.” [19, с.366]. В устной речи, благодаря интонации, не составляет никакого труда разграничить самые тонкие оттенки побуждения. Письменная речь лишена такого мощного фактора, как интонация. Она замещается либо авторскими ремарками, указывающими на модальный аспект высказывания, либо тип РА выявляется из непосредственного контекста. Показательными являются следующие примеры, где контекст уточняет характер обычного РА констатации:

(80) - *Moi, j'attends-dit-elle. Et il croyait comprendre qu'elle menaçait d'attendre aussi longtemps qu'il serait nécessaire pour y (dans son sac) enterrer à leur tour ses actions à lui, quand la maison croulerait...* – *Я-то подожду, сказала она. И ему показалось, что она угрожала ждать столь же долго, сколько потребуется, чтобы с их стороны похоронить (в его сумке) уже его акции, когда компания разорится...*

[ZLA, с.424]

(81) - *Je n'oublie jamais le bien qu'on me fait, ni, à plus forte raison, le mal... (Sa reconnaissance avait un arrière-goût de menace, elle était amère et acide comme l'odeur de la poudre à canon).* - Я никогда не забываю добро, которое мне сделали, ни, тем более, зло... (Его признательность имела привкус угрозы. Она была горькой и кислой как запах пушечного пороха). [LAL, с.213]

С точки зрения формы косвенное выражение менасивов и авертивов предполагает использование предложений других коммуникативных типов, нежели этого требует семантика данных РА. Дело в том, что традиционная классификация предложений по коммуникативной установке на повествовательные, вопросительные и побудительные не учитывает прагматического значения, приобретаемого высказыванием в зависимости от социальных отношений, связывающих говорящего и слушающего, а также в зависимости от реальной ситуации, в которой происходит РА. Под воздействием иллокутивных факторов, повествовательные, вопросительные и побудительные предложения могут менять свою коммуникативную направленность [126, с. 355; 194, с. 195]. Так, менасивная и авертивная семантика может выражаться не только побудительными и повествовательными предложениями, как например:

(82) - *Bref, vous êtes cuit, monsieur Courtois.* – Одним словом, вы разорены, господин Куртуа. [САН, с.72]

или:

(83) - *Sachez donc que ce n'est rien encore, tout ça!* – Знайте, что это еще не все! [ZLA, с.429]

но и вопросительными конструкциями, например:

(84) **РАУ:** - *Et toi, on t'a jamais dit que toucher à un Macômer, c'était signer son arrêt de mort?* - А тебе, что никогда не говорили, что задеть кого-то из Макомеров, это подписать свой смертный приговор? [ЕСА, с.87]

(85) **РАП:** - *Attention, mon petit gars, tu veux qu'on te mette ta petite gueule au carré?* – Осторожно, мальчонка, ты хочешь, чтобы тебе набили морду? [ЕЕО, с.58]

Д. Конрад отмечает, что “...употребление вопросительного предложения в значении просьбы, требования, угрозы, предупреждения и т.п. - феномен, известный лингвистам достаточно давно” [126, с. 349].

В ТРА вопрос определяется как речевое действие, направленное на получение говорящим неизвестной ему информации. В КРА угрозы и предупреждения вопросительные предложения реализуют свою вторичную функцию, а именно используются в качестве побудительных предложений. Так, например, вопросительное высказывание: *-Et si j'appelle la police?* -А если я вызову полицию? при соответствующем контексте: хозяин дома обращается к незванному гостю с требованием перестать стучать в дверь, становится косвенным РА угрозы. Такое замещение коммуникативной цели отвечает тому, что Гордон и Лакофф называют смягчением коммуникативного намерения, так как РА обещания негативных последствий выражен в некатегоричной форме. Приведем еще один пример:

(86) - *Vous osez insulter sa fiancée? Vous voulez qu'il vous traîne en prison, espèce de con?* – Вы не боитесь оскорблять его невесту? Вы хотите, чтобы он вас посадил в тюрьму, придурок? [ЕСА, с.14]

В данном РА говорящий, используя вопрос, пытается предупредить слушающего о грозящей ему опасности (la prison) в случае несоблюдения предосторожности (=Prenez garde de ne pas insulter sa fiancée).

Негативные последствия тоже могут быть выражены в форме вопроса:

(87) - *Alors, Rigo, tu me laisses sortir ou s'il faut que je te descende?* – Итак, Риго, ты дашь мне выйти или мне тебя прикончить? [EAP, с.250]

(88) - *Vaudrait mieux coopérer avec eux ou s'il te faut qu'ils aient recours à la manière forte?* – С ними лучше сотрудничать, или ты хочешь, чтобы они прибегли к крайним мерам? [QAB, с.11]

(89) - *Vos parents, seront-ils contents de vous voir à la une des journaux en tant que complice présumée d'un étranger qui a tué sa femme pour en hériter?* - *Non!* - *Alors? Vous allez parler?* - А ваши родители, будут ли они рады видеть вас на первых страницах газет в качестве предполагаемой сообщницы иностранца, который убил свою жену из-за наследства? – Нет! – Ну и? - Вы будете говорить? [AVA, с.406]

Приведенные примеры показывают, что говорящий ждет от слушающего не ответа на свой вопрос, а “реакции в виде действия” [70, с. 128].

Анализ отобранных высказываний показал, что ряд речевых актов угрозы сопровождается речевыми вопросительными конструкциями, утратившими свое лексическое и грамматическое значение и служащими для выражения эмоционального состояния

говорящего: гнева, раздражения и т.п. Это такие вопросительные клише как: *compris?*, *c'est clair?*, *c'est d'accord?*, *tu piges?*, *tu vois?* *ясно?*, *понятно?*, *сечешь?* и др. Например:

(90) - ***Lève-toi et accompagne-moi. Si tu cries, si tu t'avises de me trahir, je te tue avant qu'on ne vienne. Compris?*** – *Вставай и иди за мной. Если ты крикнешь, или вздумаешь меня обмануть, я убью тебя раньше, чем они придут. Ясно?*
[AMN, с.364]

Возвращаясь к вопросу о семантической транспозиции как одним из косвенных способов выражения иллюкутивной интенции говорящего, хотелось бы отметить, что она играет большую роль в устройстве и функционировании языка. Благодаря транспозиции, представляющей собой одно из следствий и форм проявления асимметрии в языке, создаются прагматические синонимы для выражения оттенков значения.

2.11. Ситуативная вариативность менасивов и авертивов

При всей важности учета языковых средств выражения менасивной и авертивной семантики еще более важным является анализ функционирования таких высказываний в конкретной речевой ситуации. Обращение к анализу экстралингвистических факторов диктуется социальным характером коммуникативного процесса, поскольку речевая деятельность протекает не иначе как в социальных условиях. Таким образом, только прагматические параметры ситуации, соответствующие пресуппозиционные условия (кто, кому, при каких обстоятельствах, почему, зачем говорит) в сочетании с языковыми единицами позволяют говорящему наиболее точно передавать свое

намерение, а слушающему безошибочно определять оттенок обращенного к нему побуждения в каждом конкретном случае.

Анализируемый материал подтверждает мысль о том, что общей сферой применения менасивных и авертивных высказываний является разговорная речь. Под разговорной речью обычно понимается устная разновидность национального языка, обусловленная такими экстралингвистическими характеристиками, как непосредственность, неофициальность, непринужденность общения. Однако, многие исследователи указывают на неоднозначность термина “разговорная речь” [199; 90; 197]. Дело в том, что под речью в лингвистике подразумеваются конкретные акты коммуникации, сам процесс общения, а термин “разговорная речь” обозначает функциональную разновидность языка. Подобной амбивалентностью характеризуется и синонимичный термин “разговорный язык”, поскольку понятие “язык” требует наличия автономной системы, включающей только ей присущую фонетику, лексику и грамматику. Под термином “разговорный язык” следует понимать функциональную подсистему общенационального языка, используемую при неофициальном повседневном общении; термин же “разговорная речь” объединяет РА, протекание которых обусловлено совокупностью вышеуказанных экстралингвистических условий.

Непринужденность устной разговорной речи выражается в отсутствии официальных отношений между коммуникантами, что делает возможным применение лексики из бытовой тематики при общении. Неофициальность должна восприниматься как отсутствие у говорящих установки на употребление каких-либо обязательных языковых форм, своеобразное пренебрежение к разного рода предписаниям правильной, “образцовой” речи. Наконец,

непосредственность разговорной речи связана с тем, что говорящие не разделены ни пространственными, ни временными преградами, они находятся в прямом контакте, и это предопределяет диалогическое построение речи, или обмен информацией посредством чередования реплик. Следствием последнего является спонтанность разговорной речи - отсутствие предварительного обдумывания материала, его обработки и препарации. Однако, неподготовленность, непродуманность реплик в то же время как-бы заранее детерминирует стереотипность РА, состоящую в предпочтении устойчиво повторяющихся построений, определяемых исследователями в качестве шаблонных фраз [228], клише [90], речевых штампов [138], стереотипов [103]. Л.П.Якубинский писал по этому поводу, что “говорение в связи с определенными шаблонами быта влечет образование целых шаблонных фраз, “прикрепленных” к данным бытовым положениям и темам разговора” [236, с. 49].

Употребление тех или иных языковых средств при оформлении высказывания находится в прямой зависимости от ситуации общения, что отражается в ситуативной вариативности высказываний. Ситуативная вариативность тесно связана с так называемой стратификационной вариативностью, которая обнаруживается в речевых различиях представителей разных социальных слоев, вызываемых их положением в обществе, классовой и профессиональной принадлежностью, образованием, возрастом, полом. Оба эти вида социальной вариативности настолько тесно связаны и взаимообусловлены, что А.Д.Швейцер предлагает говорить о стратификационно-ситуативной вариативности со стратификационно-ситуативными переменными [229, с. 39].

Отсюда ведет начало и употребление взятых из социологии

терминов “статус” и “роль”: под статусом понимается совокупность постоянных, а также социально-демографических характеристик коммуникантов, а роль означает “способ поведения”, детерминируемый социальной ситуацией” [229, с.78]. Социальная же ситуация трактуется как сложное целое, включающее в себя производителя и адресата речи, их социально-демографические признаки, ролевые отношения, обстановку совершения РА, тему. Социальные ситуации общения могут быть стандартными и вариативными. В первых использование языковых средств жестко регламентируется речевым этикетом, во вторых оно зависит от обстановки общения, здесь диапазон языковых средств не имеет строгих ограничений. Вариативная ситуация отмечается непринужденной атмосферой общения, неофициальными отношениями коммуникантов, тогда как стандартной ситуации присуща официальность. Л.П.Крысин различает еще симметричные и асимметричные ситуации общения: участники симметричных ситуаций имеют “одинаковые социальные признаки, равное социальное положение, примерно одинаковый возраст, один и тот же пол” [131, с. 49], тогда как участники асимметричных ситуаций общения различаются хотя бы по одному из указанных признаков.

Наш материал - диалогические побудительные реплики, в подавляющем большинстве случаев представлен примерами таких речевых ситуаций, которые не предполагают особых ритуалов и регламентов осуществления РА побуждения и которые соотносимы с личным, устным и, как правило, неофициальным общением, где говорящий имеет право выбирать конкретный способ оформления своего высказывания.

Так, если рассмотреть наши примеры с точки зрения

межличностных параметров участников общения, выделяемых в речевой ситуации, то окажется, что они неоднозначны: говорящий и слушающий не связаны только узко иерархическими, функционально-статусными отношениями волеизъявления - волеисполнения. Между ними, напротив, существуют или возможны некоторые иные отношения личного, неофициального характера: родственные, дружеские, товарищеские, коллегиальные и прочие.

Н.В.Готлиб, изучая реализацию принципа Вежливости в конфликтных РА, различает еще социально-нормативные и антисоциальные ситуации. В социально-нормативных ситуациях субъект волеизъявления (говорящий) является полноправным членом общества и подчиняется принятым в этом обществе законам, тогда как инициатор высказываний в антисоциальных ситуациях противопоставляет себя обществу и выступает в антисоциальной роли гангстера, бандита и т.п. [84, с. 88].

Рассмотрим речевую вариативность выражения угрозы и предупреждения в некоторых наиболее распространенных коммуникативных ситуациях, выделяемых на основе перечисленных параметров.

РА угрозы, реализуемый чаще всего в антисоциальных ситуациях, подразумевает распределение ролей по схеме: говорящий - "преступник", слушающий - "жертва", где целью - мотивом "преступника" является изменение положения дел в свою пользу. При этом удовлетворение его интересов связано с попранием права другой личности и опирается на "право сильного". В нижецитируемом примере генерал Фроман, герой романа К.Арноти "Друг семьи", незаконно пришедший к власти во время путча, обращается с воззванием к населению:

(91) — *A divers endroits dans les villes, des camions bourrés d'explosifs attendent mon signal. Au moindre mouvement hostile de la population, ces camions exploseront aux points névralgiques des villes. Chacun de vous peut provoquer sa mort et celle de centaines de personnes. Si vous restez calmes, rien ne vous arrivera. Ne cherchez pas demain les journaux. On en a fini avec le règne impudent de la presse...* – В разных городах, грузовики, нагруженные взрывчаткой, ждут моего сигнала. При малейшем враждебном движении со стороны народа, эти грузовики взорвутся в указанных точках городов. Каждый из вас может спровоцировать свою собственную смерть, а также смерть сотен человек. Если вы будете сохранять спокойствие, ничего не случится. Не ищите завтра газеты. Мы покончили с циничным правлением прессы. [AAF, с.21]

В данном случае субъект и объект воздействия (народ) не связаны какими-либо межличностными взаимоотношениями. В языковом отношении двучастная структура РАУ представлена в “расчлененном виде”, т.е. требование и негативные последствия выражаются разными предложениями (которые, в свою очередь, разделены дистантно).

Социально-нормативные ситуации предполагают опору не на “право сильного”, а на другие виды прав, предоставляемых говорящему ввиду его привилегированного социального положения, возраста, главенствующего положения в иерархии семейных отношений. Угроза может применяться должностным лицом с превентивной целью - предотвратить возможное неподчинение. В следующем примере руководитель предприятия обращается к

служащим:

(92) - A partir d'aujourd'hui je ne tolérerai plus aucun incident - ai-je dit. Notre production commence à en être affectée et je ne saurais le tolérer. C'est vous qui, pour finir, en souffrirez le plus. - Ceux d'entre vous qui ne seront pas au travail demain matin seront immédiatement renvoyés chez eux. – С сегодняшнего дня я не потерплю больше никаких инцидентов,- сказал я. Это сказывается на производстве, и я не смогу с этим мириться. В конце концов, сильнее всего от этого пострадаете именно вы. Те из вас, кто не придет на работу завтра утром будут немедленно уволены. [ЕЕО, с.57]

Эта ситуация опирается на санкционированные обществом правила: служебное положение начальника по отношению к рабочим дает ему право на употребление РАУ.

Иерархия семейных отношений включает, например, взаимоотношения детей и родителей. Иногда, в целях регуляции поведения детей возможно употребление того или иного наказания, а, следовательно, и угрозы. Например, мать обращается к ребенку, который капризничает в общественном месте:

(93) - Si monsieur n'est pas sage, il va prendre une rondinée ce soir! - Если мсье не будет паинькой, он получит сегодня вечером трёпку. [FSC, с.192]

Возможен и обратный вариант, т.е. применение угрозы детьми по отношению к родителям. Такая ситуация оказывает давление на эмоционально-психологический фон взаимоотношений в семье. Полагая, что родители будут страдать, что если что-то случится с их детьми, младшее поколение использует родительские чувства как

средство оказания давления. Например, в следующем примере выздоравливающий сын заявляет своей матери, которая вновь начинает неприятный для него разговор:

(94) - ***Maman, je retombe dans le coma, si tu continues.*** – *Мама, я снова впаду в кому, если ты не перестанешь.* [AAF, с.331]

В ситуации общения между близкими людьми говорящий может угрожать собеседнику и через нанесение ущерба самому себе, рассматривая этот факт как, в свою очередь, ущерб для адресата. Так, например, молодой человек обращается к знакомой девушке:

(95) - ***Si tu pars, je vais me casser le bras!*** – *Если ты уйдешь, я сломаю себе руку!* [ЕЕО, с.73]

Иерархия взаимоотношений по возрасту в какой-то степени связана с типом взаимоотношений между детьми и родителями и направлена на коррекцию поведения. Например, в нижецитируемом РА хозяин дома кричит расшалившимся детям:

(96) - ***Si vous ne vous arrêtez pas de crier en jouant autour de la maison, je vais vous mettre une distribution, les gosses!*** – *Если вы не перестанете кричать, играя возле дома, я вам задам, пацаны!* [FSC, с.215]

РАУ может употребляться в качестве ответной реакции на предпринятое (реальное или предполагаемое) действие адресата. Ситуация угрозы, в данном случае, опирается на желание говорящего защитить свои права от посягательств:

(97) - ***Je ne vous laisse pas le choix! Elle sortit le revolver et s'éloigna de lui. - Moi non plus, je ne vous laisse pas le choix!*** – *Я не оставляю вам выбора! Она достала револьвер и отодвинулась от него. – Я тоже не оставляю вам выбора!* [MEB, 142]

Действие героини в сложившейся ситуации (использование оружия) оправдано, так как оно опирается на ее право самообороны.

Анализируя ситуативную вариативность РАУ в целом, можно отметить, что при обращении к нижестоящему (в любой иерархии: социальной, семейной, возрастной) преобладают формы императива, нередко сопровождаемые постпозиционным элементом (*c'est clair?*, *compris?* и т.п.). К специфическим приемам выражения угрозы во французском языке можно отнести: а) использование модальных глаголов *vouloir*, *pouvoir* для выражения побуждения; б) частое использование риторических вопросов с союзом **si**.

Мотивом побуждения, выраженного в предостережении, является стремление говорящего предотвратить опасную или явно невыгодную для адресата ситуацию, поэтому РАП может иметь место при любой ролевой структуре коммуникативной ситуации. Предупреждение реализуется чаще всего в социально-нормативных ситуациях, где роли распределяются по схеме: говорящий - “спаситель”, слушающий - “жертва”, где целью спасителя является попытка побудить жертву не совершать некоторого действия в силу его неблагоприятности для последнего. Намерение говорящего, таким образом, подразумевает положительную бенефактивность для слушающего. Так, в приводимом ниже примере в роли “спасителя” в силу своего профессионального долга выступает адвокат:

(98) *L'avocat: - Si votre union présumée avec une jeune femme n'était pas une solidité, la secte vous attaquerait. N'oubliez pas aussi, qu'en cas de mariage avec une étrangère, l'office d'immigration lancera une enquête...* Адвокат: - Если ваш предполагаемый союз с молодой женщиной не был надежным, секта будет вас атаковать. Не забывайте

также, что в случае брака с иностранкой, бюро по иммиграционным делам начнет следствие... [AVN, с.45]

Очевидно, что РАП является более уместным при обращении старшего по статусу (по возрасту, социальному положению) к младшему при близкой психологической дистанции и в непринужденной обстановке общения. Однако, в ситуации непосредственной опасности для адресата роль спасителя может взять на себя любое лицо, независимо от его статуса, положения в обществе, возраста и т.п. Например, маленький мальчик, зная о готовящемся нападении, считает себя вправе предупредить комиссара Мегре:

(99) - Vous feriez mieux de faire attention, monsieur le commissaire! – Вам лучше быть осторожным, господин комиссар! [SPE, с.578]

Наличие опасности объясняет модус уверенности говорящего относительно исполнения адресатом предсказуемого действия и освобождает его от речевых стратегий убеждения, мотивировок и аргументации своего побуждения (Maingueneau D., 1988). В языковом выражении такие РА часто не содержат аподозиса, т.е. представляют собой косвенные РА предупреждения с количественной трансформацией семантической модели:

(100) - Attention! - cria-t-il. - Cache-toi vite! (J'ai entendu le faible ronronnement. Le bruit s'amplifie peu à peu: le moteur de la voiture...) – Осторожно!- крикнул он. Прячься быстро! (Я услышал слабый гул. Шум потихоньку усиливался: мотор автомобиля...) [TTN, с.174]

Подводя итог вышесказанному, отметим, что диалогическое общение строится по гибким моделям. Для того, чтобы правильно строить высказывания, учитывая конкретные условия общения,

необходимо владеть принципом вариативности, позволяющим “выбирать адекватные средства выражения мыслей и чувств, подобающие темы для разговора, эффективные в данных условиях общения тактические приемы достижения желаемого результата” [212, с.49]. К факторам, регулирующим появление в речи того или иного варианта, следует отнести: возраст и образование говорящих, их социальный статус, официальность или близость отношений. Выбор способа выражения менасивов и авертивов прагматически мотивирован. Высказывание строится в зависимости от индивидуальных мотивов и целей говорящего, от социальных условий общения, от индивидуально-личностных характеристик коммуникантов, объема их знаний, уровня воспитанности. Важную роль при построении высказываний с угрозой играет фактор ролевых отношений между коммуникантами.

2.12. Ответная реакция адресата на РАУ и РАП во французском языке

Заканчивая анализ коммуникативно-прагматических предложений угрозы и предупреждения, целесообразно хотя бы кратко остановиться на рассмотрении некоторых ответных реакций адресата, используя при этом дискрипторную методику описания поведенческой ситуации, предложенную Е.М.Верещагиным [53]. Исследуя речевое поведение в актах угрозы, автор выделяет следующие тактики реагирования на угрозу в зависимости от статуса говорящего:

а) Обещание прекратить. - *Больше не буду!*

б) Признание собственной вины, извинение. - *Простите!
Виноват!*

в) Обещание исправиться. - *Больше такого не повторится!*

г) Ссылка на то, что говорящий не имеет возможности реализовать угрозу. - *Не боюсь тебя! Видали таковых!*

д) Указание на более высокий статус слушающего по сравнению с говорящим. - *Кто ты такой, ставить мне условия?*

е) Преуменьшение слушающим опасности для себя. - *Попробуйте только лишит меня премии!*

ж) Полное отвержение угрозы. - *А никакого бога нет!*

з) Демонстрация индифферентности к возможной реализации угрозы. - *Что ж, отвечу!*

Согласно концепции автора, РАУ еще и экспрессивный РА, поскольку он употребляется в ситуациях эмоционального напряжения и характеризуется негативным отношением к происходящему со стороны обоих коммуникантов.

Реакции на РАУ практически не изучены, отмечается только, что перлокутивный эффект менасива определяется ролевым статусом говорящих [61, с.174]. Типичная реакция на угрозу выражается в выполнении собеседником требуемого действия или в обещании его выполнить, и происходит это чаще всего, если статус слушающего ниже, чем у говорящего. Например, в нижецитируемом отрывке страх заставляет героиню молча выразить свое согласие:

(101) - *Vous sentez ça? demanda l'inconnu. Le canon d'une arme s'était logé contre sa hanche droite et Johanna, figée sur place, hocha la tête. - Vous allez coopérer. Sinon je serai obligé de vous assommer pour vous emmener. - On y va? De nouveau, elle hocha lentement la tête, la peur au ventre.*
– *Вы это чувствуете?*- спросил незнакомец. Ствол оружия уперся ей в бедро и Джоанна, застыв на месте,

качнула головой. – Вы будете сотрудничать. Иначе я буду вынужден убить вас, чтобы увезти с собой. – Пойдем? Она снова медленно качнула головой со сведенным от страха животом. [AMN, с.12]

В этом и следующем примере статус говорящего “повышается” за счет того, что он действует с позиции силы (чаще всего, угрожая оружием):

(102) Il appliqua une main contre sa bouche. - Si tu cries, je te traîne avec moi en Enfer. Je suis venu des ténèbres pour remplir ma mission. - As-tu bien compris? Il faisait “oui” de sa tête. Он зажал его рот своей рукой. – Если ты крикнешь. Я заберу тебя с собой прямо в Ад. Я пришел из преисподней, чтобы выполнить свою миссию. - Ты понял? Он ответил «да» кивком головы. [AMN, с.363]

Побудительные предложения, содержащие угрозу, используются как в ситуации “вышестоящий - нижестоящий” (например, учитель - ученик, мать - дети и т.п.) и тогда, как правило, приказание выполняется; так и в ситуации с равноправными собеседниками: тогда, как показывает языковой материал, реакция на побуждение может быть неоднозначной. Частой реакцией на угрозу становится противодействие, особенно если слушающий уверен, что говорящий не в состоянии привести угрозу в исполнение. Например:

(103) Ida balançait son sac en plastique blanc et d'un air vengeur: -C'est ça, rigolez! Quand les gendarmes viendront vous chercher, ce sera moins marrant. - Ta gueule! – Ида размахивала своим белым пластиковым пакетом и с карающим видом произнесла: - Хорошо, смейтесь! Когда за вами придут жандармы, будет не так смешно. –

Заткнись! [VBA, с.244]

Более того, если статус слушающего выше, чем у говорящего, то последующая реакция может представлять собой встречную угрозу. Обратимся к примеру. Агрессоры ставят условие взятому в заложники президенту. Однако его бывший, но до конца не потерявший силу социально-политический статус позволяет выразить неодобрение в виде встречной угрозы:

(104) - Si Vous appelez, monsieur le président, nous seront obligés de Vous abattre. Dans l'intérêt du pays, suivez-nous. -Vous n'irez pas loin, dit le president. – Если вы будете сопротивляться, господин президент, мы будем вынуждены с Вами разделаться. В интересах страны следуйте за нами. – Вы далеко не уйдете, - сказал президент. [AAF, с.11]

Экспрессивные менасивные реплики могут употребляться слушающим также ввиду того, что он не боится угроз говорящего. Помимо экспрессивности эти реагирующие РА реализуют и экспозитивную функцию возражения. Подобные речевые ситуации сопровождаются речевыми актами оскорбления и изобилуют экспрессивной лексикой:

(105) - Sale cochon, veux-tu filer!- Pas avant toi, vieille crapule!- Et si je te flanque ma main sur la figure!- Moi, je te plante mon pied quelque part... – Грязная свинья, пошевеливайся! – Только после тебя, старая жаба! – А если по морде? – Тогда я тебе под зад...[ZLA, с.392]

Случается так, что выполнение действия в ущерб слушающему является невыгодным для адресанта, т.е. не соблюдается условие искренности со стороны говорящего. Слушающий, понимая это, может

подстрекать говорящего к выполнению действия, как в следующем примере:

- (106) - *Fichez-moi le camp-dit-il. Ou j'appelle la police!- Bien! Allez-y! Je n'ai rien à cacher! – Оставьте меня в покое! Или я вызову полицию! – Хорошо! – Мне нечего скрывать!*
[ECA, с.23]

В случае существования между коммуникантами родственных или дружеских отношений возможно обращение угрозы в шутку или ее игнорирование:

- (107) Un enfant de 5 ans: - *Un jour, tu m' le paieras ... Je partirai tout seul... La mère:* - *Quand tu voudras, l'amour! Mais il faudra d'abord grandir, manger de la soupe! Пятилетний ребенок:* - *Когда-нибудь ты мне за это заплатишь. Я уеду один. Мать:* - *Когда захочешь, милый! Но сначала надо вырасти, скушать суп!* [EAP, с.114]

Реакция на РАП в некоторых случаях совпадает с реагирующими речевыми ходами на угрозу. Так, анализ высказываний показал, что самыми распространенными реакциями на РА предупреждения являются: а) страх и желание пересмотреть линию своего поведения; б) благодарность и заверение, что меры будут приняты, в) игнорирование или полное отвержение предупреждения.

Страх и желание пересмотреть линию своего поведения могут выражаться вербально (в форме обещания: *entendu, bon, d'accord, хорошо, ладно, договорились*) и невербально (реакция в виде действия). Так, в нижецитируемом примере предупреждающая реплика капитана корабля играет роль стимула:

- (108) *Je vis sa main glisser vers le sac de velours noir qui était à côté d'elle sur le divan. Mais le commandant avait aperçu le*

geste. - Trubshaw, son sac à main! L'avertissement avait claqué comme un coup de fouet. Le steward a eu juste le temps de se précipiter. Un petit revolver brillait déjà dans le sac ouvert. – Я увидел, как её рука скользит по направлению к черной бархатной сумочке, которая находилась рядом с ней на диване. Но капитан заметил этот жест. – Трабишоу, её сумочка! Предупреждение ударило как хлыстом. Стюард едва успел броситься к ней. Маленький револьвер уже поблескивал в открытой сумке. [QAB, с.216]

В этом примере целеустановка говорящего направлена на осуществление воздействия на адресата с тем, чтобы вызвать со стороны последнего прогнозируемую реакцию, т.е. “спровоцировать” его поведение.

Благодарность и заверение, что меры будут приняты тоже является типичной реакцией на РАП, выраженный в форме пожелания. Такая реакция характерна в ситуации, когда между коммуникантами существуют дружественные отношения:

(109) - Mik! cria Jeanne. Il se retourna.

- Prenez garde!

-Soyez tranquille!

- Мик!- крикнула Жанна. Он повернулся.

-Берегитесь!

-Успокойтесь! [SAD, с.117]

В нижецитируемом примере:

(110) Par scrupule, cependant, elle remarqua: - C'est dangereux, Aldo. Vous risquez d'être tué à votre tour! -Ne vous tracassez pas pour moi. J'ai de quoi me défendre...-

Сомневаясь, она, однако заметила: – Это опасно, Альдо. Вы, в свою очередь, рискуете быть убитым! – Не переживайте из-за меня. Я сумею за себя постоять... [ЕАР, с.126]

реагирующая реплика адресата (“Не беспокойтесь за меня, я смогу за себя постоять...”) имеет целью успокоить говорящего, выразившего озабоченность по поводу сложившихся обстоятельств.

РА предупреждения, направленный на предупреждение нежелательного поведения адресата с тем, чтобы уберечь его от негативных последствий, может сознательно игнорироваться или полностью отвергаться. Например:

(111) - Fais pas l'imbécile, Rocco. Tu va perdre tout si tu continues à faire des bêtises! - Je m'en fous! - Не валяй дурака, Рокко. Ты все потеряешь, если будешь продолжать делать глупости! – Мне плевать! [ЕАР, с.49]

Следует заметить, что реагирующей репликой на РАП может стать РАУ, выраженный косвенным способом. Рассмотрим пример. Главный герой романа К.Арноти “Дело о наследстве” едет в машине, за рулем которой находится молодая девушка Люба. Она ведет машину на скорости, сильно превышающей норму, и постепенно ее увеличивает:

(112) - Tu vas trop vite, Luba. Tu devrais ralentir. Tu es une excellente conductrice, mais à ce rythme-là, nous allons nous massacrer. - Et si c'était le but? Une soudaine panique me dessèche la gorge. – Ты едешь слишком быстро, Люба. Ты должна притормозить. Ты прекрасно водишь машину, но на такой скорости мы разобьемся. - А если это моя цель? От внезапной паники у меня пересохло в горле.

[ААН, с.246]

В данном случае РА угрозы (*Et si c'était le but?*) является эмоциональной реакцией на причиненный ранее ущерб и употребляется с целью запугивания адресата, давая ему понять, что за любое зло (даже совершенное много лет назад) приходится платить. Жажда мщения настолько захватила девушку, что она готова пожертвовать своей собственной жизнью (*se massacrer ensemble*), лишь бы наказать обидчика.

Таким образом, речевое общение представляет собой сложную сеть взаимодействий и взаимозависимостей, в которых выделяются: говорящий, слушающий и конкретный контекст общения. Коммуниканты, находящиеся в отношениях “говорящий - воспринимающий”, судят друг о друге по действиям-репликам, что предусматривает изучение взаимодействия стимулирующей (инициирующей) и повторяемой (реагирующей) реплик.

Речевое взаимодействие начинается по инициативе одного из коммуникантов - адресанта. Он пытается воздействовать на слушающего таким образом, чтобы вызвать со стороны последнего прогнозируемую реакцию и заставить его действовать в нужном направлении. Говорящий пытается найти “слабые точки” и “избирательно воздействовать на них” [142].

Активная ответная реакция адресата указывает на то, что адресат не подчиняется интенции иницирующей реплики. Более того, между репликами возникает зависимость обратного порядка: слушающий, так же как и говорящий, начинает преследовать свою цель.

ВЫВОДЫ

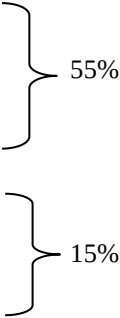
1. Построение семантических моделей менасива и авертива позволяет нам сделать вывод о том, что РАУ и РАП принадлежат к разряду сложных РА (директивно-комиссивных в случае угрозы и директивно-ассертивных в случае предупреждения), в которых, ни один из компонентов не доминирует, а предполагает наличие второго. Главная информация гибридных РА заключается “в их совокупном значении, в их взаимной смысловой спаянности” [163, с.16].
2. Конкретному анализу были подвергнуты РА угрозы и предупреждения, в которых волеизъявление говорящего выражается императивными и неимперативными формами глагола, другими словами с эксплицитно или имплицитно выраженным побуждением.
3. В ходе анализа собранного материала было установлено, что в плане выражения РА угрозы и предупреждения реализуются в виде трех базовых структур: сложносочиненные предложения с союзами: *ou*, *sinon*, *autrement*, *sans cela*, *car*, полностью соответствующие семантической модели, сложноподчиненные предложения с союзом *si* и сложносочиненные предложения с союзом *et*, которые могут быть сведены к исходной семантической модели (с глаголом в императиве) при сохранении основного инвариантного значения побудительности. Следует оговориться, что эти синтаксические структуры могут быть синонимичны друг другу только в целом, они не всегда легко взаимозаменяемы, хотя и являются функционально эквивалентными.
4. Императивные предложения представляют собой прямой

имплицитный способ выражения директивной иллокуции, что обусловлено языковой конвенциональной семантикой этих форм. Однако, императивные предложения не являются самыми частотными средствами выражения побудительности в актах угрозы. Наиболее специализированным или ядерным (в нашем исследовании в зависимости от частоты употребления) способом в парадигме менасивной семантики французского языка оказывается двучастная конструкция с союзом *si*, тогда как в парадигме прямых средств выражения авертива центральное место занимает структура №1: сложносочиненные предложения с союзами *ou*, *sinon*. Нам представляется возможным объяснить это следующим образом. Позицию говорящего в угрозе, осуществляемой в эмоционально-напряженных ситуациях, в ситуациях шантажа, характеризует желание заставить адресата действовать в ущерб личным интересам, категоричность требования в РАУ, не являющимся социально-акцептированным актом речевого поведения, смягчается благодаря использованию условно-альтернативных конструкций с союзом *si*. рАП, напротив, предполагает доброжелательные, дружеские или покровительственные отношения между коммуникантами, а требование-пожелание, исполненное положительной бенефактивности для адресата, не нуждается в имплицитном выражении.

5. В процессе речевого общения говорящие пользуются определенным набором моделей для выражения своих коммуникативных целей и установок. Наша попытка построить синтаксические модели менасивов и авертивов объясняется необходимостью проследить связи между отдельными элементами

семантической структуры данных РА. Перед тем, как перечислить структурные модели, представим принятые для них сокращения: S1...6 - подлежащее-местоимение (порядковый номер от одного до шести указывает лицо и число); Son - подлежащее, выраженное неопределенно-личным местоимением; N - существительное; V- утвердительная форма глагола; (n)V- возможность отрицательного употребления глагола, Vind - форма глагола в индикативе, Vimp - форма глагола в императиве; Vinf - инфинитив глагола, Vc - глагол-связка; Attr - предикатив, ou, sinon, et, autrement, sans cela, car, si - союзы. Систематизация языкового материала и выделение основных структурных моделей в корпусе примеров привели нас к следующим результатам:

Модели угрозы	% структуры в корпусе примеров	№ примера
<u>Структура № 1</u> 1) (n) V_{imp} ou S_{on,1,4}+V_{ind} sinon autrement sans cela car 2) S_{2,5}+V_{ind} ou S_{1,4}+V_{ind} 3) ou S_{2,5}+V_{ind} ou S_{1,4} + V_{ind} 4) Pas + N ou S₁+V_{ind} sans cela	 30%	1, 2, 3 8 9 11, 12 13 6 5 7 10

<u>Структура № 2</u> 1) Si $S_{2,5}+(n) V_{ind}$, $S_{1,4}+V_{ind}$ 2) Si $S_{2,5}+(n) V_{ind}$, $S_{2,5}+V_c+A_{tr}$ 3) $S_{2,5}+V_{ind}$, si $S_{2,5}+(n) V_{ind}$ <u>Структура № 3</u> 1) V_{imp} et $S_{1,4}+V_{ind}$ 2) $S_{2,5}+V_{ind}$ et $S_{1,4}+V_{ind}$ mais alors		16, 17, 22, 23 18 24, 25 26, 27, 29 28, 30
Модели предупреждения	% структуры в корпусе примеров	№ примера
<u>Структура № 1</u> 1) $(n) V_{imp}$ ou $S_{3,6,on}+V_{ind}$ car parce que 2) $(n) V_{imp}$ sinon $S_{2,5}+V_{ind}$ autrement <u>Структура № 2</u> 1) Si $S_{2,5}+(n) V_{ind}$, $S_{2,5}+V_{ind}$ 2) Si $S_{2,5}+V_{ind}$, S_3+V_{ind} 3) S_5+V_{ind}, si $S_5+(n) V_{ind}$ <u>Структура № 3</u> 1) V_{imp} et $S_{3,6,on}+V_{ind}$		31 34 35 32 33 39, 41 40 42 43

6. Наше понимание косвенных способов выражения интенции говорящего предполагает то или иное видоизменение семантической модели РА, подразделяемое на полное

(семантические транспозиции) и частичное. Частичное видоизменение семантической модели включает в себя качественную и количественную трансформацию. В рамках качественной трансформации анализируются варианты оформления аподозиса, соответствующие нескольким ступеням косвенности по Д.Личу. Количественная трансформация исходной семантической модели, как еще один способ образования косвенного смысла высказывания, выражается в семантической избыточности или семантической недостаточности РА. Роль недостающего звена при семантической недостаточности принадлежит контексту.

7. Семантические транспозиции в плане содержания представляют собой использование моделей других РА в значении менасива или авертива. Языковой материал показал, что в роли менасива могут выступать РА запрета, разрешения, совета, приказа, предупреждения, просьбы; тогда как иллокутивная интенция говорящего, содержащая предупреждение, может находить свое выражение в РА запрета, совета и просьбы.
8. Семантические транспозиции в плане выражения заключаются в том, что либо отдельные элементы двучастных конструкций РАУ и РАП выражаются при помощи предложений другой коммуникативной направленности, либо весь РА оформляется несоответствующим иллокутивной цели типом предложения. С точки зрения специфичности речевого общения, логико-семантические признаки повествовательных, побудительных и вопросительных по цели высказывания предложений отступают на задний план, и значимость приобретают прагматически-функциональные свойства этих форм. Так, обнаруживается,

например, прагматическая общность императива и вопросительных предложений, поскольку вопрос как прием речевого воздействия отличается тем, что он обязывает адресата к ответу, т.е. к речевому действию.

9. Анализ коммуникативных ситуаций, в которых реализуется значение РАУ и РАП, показал, что менасив чаще всего используется в так называемых антисоциальных ситуациях, представляющих конфликтный тип взаимодействия участников коммуникации с распределением ролей по схеме: говорящий - “преступник”, слушающий - “жертва”. Авертив, исполненный положительной бенефактивности в адрес слушающего, более уместен в социально-нормативных ситуациях. Роль “спасителя”, принадлежащая говорящему, ослабляет значение фактора ролевых отношений (социальный статус, образование, возраст, положение в семейной иерархии) между коммуникантами.
10. Тактики реагирования на угрозу и предупреждение варьируются в зависимости от статуса говорящего (в случае угрозы) и от степени значимости негативных последствий для адресата (в случае предупреждения). В связи с этим, самыми распространенными реакциями на РАУ являются: а) страх и соглашение выполнить указанное требование; б) обращение угрозы в шутку, игнорирование; в) угроза на угрозу - “встречная угроза”. Самые распространенные реакции на РАП представляют собой: а) страх и желание пересмотреть линию своего поведения; б) благодарность и заверение, что меры будут приняты; в) игнорирование или полное отвержение предупреждения.

ГЛАВА III. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВЫХ

АКТОВ РАЗЛИЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

3.1. Речевой акт обещания во французском языке

РА обещания (РАО) относятся к разряду комиссивных РА, цель которых заключается в принятии обязательства или «заявлении о намерении» (по Дж. Остину). В зависимости от критерия выделения речевых актов комиссивные РА подразделяются на более частные виды: клятву, обещание, присягу, зарок, обет, гарантию, заверение, уверение, согласие, подтверждение, поручительство и другие. **Обещание** или **промиссив** представляет собой данное кому-нибудь добровольное, искреннее обязательство, заверение выполнить какое-либо действие в интересах адресата. Например: *Je promets que je ne vous oublierai pas. Я обещаю, что не забуду вас.*

В силу того, что ситуация промиссива формируется факторами неречевого порядка, одно и то же высказывание с семантикой обещания может соотноситься с разными типами комиссивных актов. Например, высказывание: *Я обещаю, что сделаю это*, может быть реализацией, по крайней мере, трех коммуникативных намерений говорящего: а) когда говорящий берет на себя добровольное обязательство сделать что-то безотносительно к интересам слушающего (заявление); б) когда говорящий берет на себя добровольное обязательство сделать что-то в интересах адресата (обещание); в) когда говорящий берет на себя добровольное обязательство сделать что-то в ущерб адресату (угроза).

В последнем случае выражение «Я обещаю, что» употребляется лишь потому, что принадлежит к числу самых сильных показателей

функции для принятия обязательства. По этой причине мы часто употребляем это выражение при совершении РА, которые не являются обещаниями, но в которых мы желаем подчеркнуть принятие на себя обязательства.

Промиссивное высказывание с перформативным глаголом в первом лице единственного числа сообщает о действии говорящего и вместе с тем реализует само это действие. Однако, перформативные высказывания могут совпадать по форме и с констатирующими. Так, фраза *Je serai là à deux heures* может быть понята как простая констатация (*Я буду там в два часа*) и как обещание (*Я обещаю быть там в два часа*) [273]. Во втором случае данное высказывание приобретает перформативный характер и имеет более высокую степень воздействия на слушающего. Перформативный глагол «*promettre*» в постпозиции *Je serai là à deux heures, je le promets* несколько ослабляет иллокутивную силу воздействия обещания на слушающего.

Для наиболее точного изучения и построения семантической модели РАО мы обратились к словарным дефинициям синонимичного ряда французских существительных, выражающих процесс принятия обязательства (*promesse, assurance, engagement, parole, serment, vœu*), а также синонимичного ряда французских иллокутивных глаголов со значением «обещать» (*promettre, assurer, certifier, donner sa parole, s'engager à, garantir, jurer, affirmer*).

На основании словарных дефиниций мы можем выделить две общие семы у перечисленных существительных: *обязательство* и *обещание* (за исключением существительного *assurance*, лексическое значение которого понимается как «*заверение с целью внушения доверия или обеспечения гарантии*»). Существительное *vœu* («*зарок*»)

характеризует одну из разновидностей РАО, но (здесь) не является объектом исследования, так как употребляется в строго священной обстановке, либо произносится в интересах самого говорящего (например, зарок бросить курить и т.п.).

Обозначенные выше иллокутивные глаголы, передающие интенцию обещания, имеют общее значение: связывать себя (торжественно) обещанием с твердым утверждением или удостоверением о выполнении или невыполнении чего-либо. Итак, в семантике промиссива присутствуют два компонента, что позволяет нам составить следующую семантическую модель названного РА:

Je (te, vous) promets Я обещаю (тебе, вам)	que + je + temps de l'indicatif ou le conditionnel au sens du futur что + я + времена индикатива или кондиционала в значении будущего
	de (ne point/plus/jamais/pas) + faire qch. (не/совсем не/ больше не/ никогда не) делать что-л.

Первая часть семантической модели РАО (протазис) выражается перформативным глаголом *promettre* в первом лице единственного числа индикатива. *Вторая часть* семантической модели (аподозис) представлена неимперативными глагольными формами индикатива, либо инфинитивом.

Под прямыми речевыми актами обещания в рамках данного исследования мы понимаем полное соответствие высказывания предложенной семантической модели. Например:

(113) - *Je vous promets de vous tenir au courant dès que je serai fixé.* - Я обещаю сообщить вам о происходящем, как только узнаю, в чем дело [BLN, с. 48]

Под косвенными РАО мы понимаем любое видоизменение (качественное или количественное) предложенной семантической модели.

При качественной трансформации семантической модели наблюдается:

1) употребление синонимичного перформативного глагола в значении глагола **promettre**, который содержит дополнительный нюанс. Здесь возможно появление перформативного глагола *jurер* (клясться) и выражения *donner sa parole* (давать слово), которые используется для усиления показателя функции принятия обязательства с высокой степенью интенсивности. Также возможно изменение местоположения протазиса и аподозиса. Например:

(114) - ***Louis m'a quitté et je vous jure que je ne suis pas près de l'en tenir quitte.*** – Людовик бросил меня, но я обещаю, что не стану сводить с ним счеты. [BLB, с. 135]

(115) - ***Je tiendrai le coup pas plus mal que les autres... Je m'appliquerai. Je vous en donne ma parole.*** – Я смогу выдержать не хуже других... я приложу для этого все усилия. Я даю вам слово. [PLH, с. 202]

2) использование семантической модели другого РА в качестве РАО. При такой трансформации возможно употребление речевых реплик согласия. Распознавание истинного смысла высказывания и выделение РАО становится возможным исключительно благодаря анализу контекста, ситуации общения и предшествующих реплик коммуникантов:

(116) - ***Vous reviendrez chaque jour, n'est-ce pas? - Bien sur!*** – Вы

будете приходить каждый день, не так ли? – Конечно!

[NOM, с. 78]

3) изменение местоположения протазиса и аподозиса при отступлении от 1-го лица единственного числа настоящего времени.

Подобный вид трансформации характерен для французского языка. Изменение местоположения протазиса и аподозиса сопровождается употреблением вместо перформативного глагола выражения *vous avez ma parole* (вам мое слово). Данная фраза заменяет высказывание *je vous donne ma parole* (я даю вам свое слово). Несмотря на разную грамматическую форму (употребление личного местоимения *je* - я с глаголом *donner* – давать и местоимения второго лица единственного числа с глаголом *avoir* - иметь) мы считаем уместным рассматривать эти высказывания как идентичные, так как оба выражения во французском языке являются эквивалентами и на русский язык переводятся одинаково. Такое высказывание еще раз подчеркивает, что говорящий обращается непосредственно к адресату и действует в соответствии с интересами собеседника:

(117) - *J'aurai besoin de comparer mon enquête à votre article.*

Vous ne voyez pas d'inconvénient, j'espère? - Il va sans dire que je ne communiquerai avec aucun journaliste, vous avez ma parole. – Мне нужно будет сравнить собранную мной информацию с вашей статьей. Я надеюсь, это не причинит вам никаких неудобств? Само собой разумеется, что я не стану общаться ни с одним журналистом, я даю вам слово. [PLF, с. 105]

Количественная трансформация семантической модели прямого РАО характеризуется:

1) отсутствием протазиса.

Учитывая специфику РАО, который произносится только в интересах говорящего, косвенные РАО употребляются, как правило, в ответ на просьбу адресата. Например:

(118) – *J'aimerais bien le connaître, ton Patrick, dit-elle. - Je te le présenterai quand tu voudras.* – Я хотела бы познакомиться с твоим Патриком, сказала она. – Я представлю его тебе, когда ты захочешь. [TLP, с. 81]

2) отсутствием аподозиса.

Типичными для разговорной речи являются эллиптические предложения. Именно они представляют собой наиболее яркий пример влияния эмоций на структуру и содержание речи. Здесь возможно усечение придаточного предложения, например, *Je promets*. Такое эллиптическое предложение является имплицитным представлением предполагаемого полного предложения. Чтобы понять, что имплицировано в эллиптическом предложении, необходимо учитывать предваряющую информацию предыдущего высказывания (в случае ответной реплики) и/или ситуацию в целом (коммуникативный контекст):

(119) – *Si tu désires aller ailleurs, tu es libre, tu seras libre, je te le promets.* – Если ты хочешь уйти, ты свободна, ты будешь свободна, я тебе это обещаю. [BLP, с. 57]

Восстановленный вариант РАО выглядит следующим образом: - *Si tu désires aller ailleurs, je te promets que je te libérerai et tu seras libre.* (Если ты хочешь уйти, я тебе обещаю, что я освобожу тебя, и ты будешь свободна).

3) разделением исходной семантической модели на две части.

Главное и придаточное предложения представляют собой два взаимосвязанных простых предложения:

(120) – ***Je te promets, dit Lukos. Je surveillerai.*** – Я тебе обещаю, сказал Лукос. Я прослежу. [BLN, с. 246]

Появление качественно-количественной трансформации связано с:

1) отступлением от 1-го лица единственного числа настоящего времени при отсутствии аподозиса.

Употребление высказываний подобной структуры типично для французского языка. Часто в таких фразах присутствует уточняющий вопрос, исходящий от адресата, который используется для подтверждения действительного намерения, готовности говорящего совершить РАО, а также успешной реализации данного действия. В этом примере кроме изменения в первой части семантической модели – замены перформативного глагола выражением *promis* или *c'est promis* - мы наблюдаем полное отсутствие второй ее части:

(121) – ***Donc tu m'écris. Promis? – Promis.*** – Значит, ты мне напишешь. Обещаешь? - Обещаю. [BLP, с. 58]

2) употреблением синонимичного перформативного глагола в значении глагола *promettre* при отсутствии аподозиса:

(122) - ***Tu me jures que tu ne t'en iras pas? – Oui, je le jure!*** – Ты обещаешь мне, что не уйдешь? – Да, обещаю. [PLF, с. 107]

Появление глагола *jurer* иллюстрирует смещение показателя функции принятия обязательства в сторону усиления его значения, а значение аподозиса выводится из контекста. Здесь адресат выступает с просьбой к говорящему не покидать его и задает собеседнику уточняющий вопрос.

В целом, во французском языке РА обещания с качественной трансформацией употребляются довольно редко, за исключением

второго типа качественной трансформации - употребления речевых реплик согласия в значении РАО. Подобное явление свидетельствует об экономичности диалогической речи, когда косвенные смыслы высказывания содержатся не в самом высказывании, а в структуре всего диалога. Наличие реплик согласия, выражающих косвенное значение обещания, указывает на двойственность буквального и истинного смысла РАО.

Самым распространенным способом трансформации семантической модели является количественная трансформация. Причем, основное число косвенных РАО представляет собой первый тип трансформации – с отсутствием протазиса, два других вида представлены незначительно.

В качественно-количественной трансформации оба вида представлены незначительно.

Наибольшее количество обещаний представлено утвердительными высказываниями. Отрицательные конструкции косвенных РАО подразумевают принятие обязательства о невыполнении какого-либо действия в интересах адресата либо по его просьбе. Восклицательные обещания характеризуются интенсивной эмоциональной окраской речи говорящего и употребляются для усиления истинного смысла высказывания.

Высокой степенью эмоциональности характеризуются также косвенные РАО с эмотивным компонентом, появление которых в диалоге ситуативно и семантически мотивировано. Эмотивные промиссивы сопровождаются маркерами различного рода. Во французском языке это модальные частицы и детерминаторы-интенсификаторы. Анализ собранных примеров показал, что французскому языку свойственно употребление косвенных РАО с

эмотивным компонентом.

Подведем некоторые итоги.

Итак, в семантике РАО всегда присутствуют два компонента: обязательство выполнить что-либо в интересах адресата или по его просьбе (принятие обязательства) и обещание позитивных последствий при выполнении взятого на себя обязательства.

Итак, для определения истинного смысла высказывания с перформативным глаголом *promettre* и отнесения его к прямому РАО необходимо наличие, по крайней мере, четырех обязательных факторов, которые свидетельствуют о появлении в диалоге прямого способа выражения РАО: - перформативный глагол в 1-ом лице единственном числе (причем всегда в утвердительной форме); - отнесенность РА к будущему; - произнесение говорящим РАО в пользу адресата; - соблюдение всех условий, необходимых для реализации РАО.

Изучение языкового материала показывает, что вариативность промиссивных высказываний во французском языке определяется вариативностью некоторых грамматических и лексических параметров: а) местоимения: *je/nous/on* в значении «*nous*»; б) временные грамматические формы: *présent/futur simple/futur antérieur/passé composé*, где две последние употребляются в значении будущего времени.

Часто высказывания, передающие обещание, содержат наречия: *certe, bon* субжонктивную форму *soit* глагола *être*. Эти лексические элементы придают обещанию оттенок гарантии его выполнения (по Дж. Серлю «искренние обещания»):

(123) - *Certe, je viendrai! Soit, je serai dans 10 minutes à l'endroit que vous m'indiquez.* – Конечно, я приду! Ладно, через 10

минут я буду там, где вы скажете. [ЕАР, с.41]

Структурно РА обещания передаются повествовательными предложениями, которые, в свою, очередь, могут быть восклицательными («эмотивными» по В.Г.Гаку). Общим признаком эмотивных предложений является специфическая интонация, выражаемая на письме знаком восклицания. Характерным способом выражения эмотивности является переосмысление вопросительных конструкций. Так называемый ложный вопрос часто выражает аффективность и может являться косвенным способом выражения обещания:

(124) -Moi, oublier mes obligations? Jamais! – Чтобы я забыл о своих обязанностях? – Никогда! [ЕАР, с.45]

Определению комиссивной интенции РАО способствует отнесение РА к контексту диалога. В результате того, что коммуникативная ситуация определяет характер речевого акта обещания, для обеспечения корректности данного речевого акта, обещающее должно быть чем-то, чего слушающий хочет, в чем он заинтересован или что он считает предпочтительным, а говорящий должен сознавать, полагать или знать, что это так.

3.2. Назначение и смысл речевого акта клятвы

В теории речевых актов РА клятвы наряду с РА обещания относится к разряду комиссивных РА. Ключевое свойство комиссивов – обязывать говорящего к определенной линии поведения. [171, с. 125]

Клятва представляет собой торжественное обещание, утверждение, уверение, подкрепленное упоминанием чего-либо священного, ценного, авторитетного для того, кто уверяет, обещает.

Например:

(125) - ***Je jure le ciel que je le défendrai ici contre qui que ce soit.***

– *Клянусь небом, что я буду защищать его здесь от кого*

бы то ни было. [FOA, с. 165]

На основании словарных дефиниций и собранного языкового материала можно представить семантическую модель РА клятвы в виде двучастной структуры, где первая часть содержит перформативный глагол, а глагол второй части стоит в неопределенной форме, либо в одном из времен изъявительного наклонения. Элементом, соединяющим две части данной структуры, является союз *que*, либо предлог *de*, иногда сопровождаемый отрицательными частицами: *ne point/ plus/ jamais/ pas*. Необходимо отметить тот факт, что в русском языке в синонимическом ряду понятия «клятва» проводится разграничение между клятвой, выраженной утвердительной и отрицательной конструкциями. Другими словами, устанавливается разница между клятвой и зарок (торжественное обещание не делать что-либо). Толковые словари французского языка и словари синонимов не проводят этого разграничения. Клятва может быть выражена и утвердительными и отрицательными конструкциями:

(126) - ***Je jure de ne point me remarier.*** – *Я клянусь, что никогда*

больше не женюсь. [ZLA, с. 340]

Как показывает исследовательский материал, особенностями РА клятвы являются:

1) его неизменная направленность в будущее, что выражается следующими временными грамматическими формами: *présent/ futur simple/ futur antérieur/ passé composé* (в значении будущего);

2) реальность провозглашаемого, где гарантом выступает автор высказывания.

- подлежащее при клятве («я», «мы») неизменно является агенсом действия (не может быть пациенсом);

- глагол-сказуемое употребляется только в форме действительного залога;

- заинтересованность адресата речи в осуществлении того, о чем идет речь, которая может быть реальной или только предполагаться автором речи;

3) необязательность соотнесенности клятвы со слушающим. Последний момент отличает РА клятвы от РА обещания, где говорящий берет на себя добровольное обязательство сделать что-то в интересах адресата (*Je promets que je ne vous oublierai pas*), а также от РА угрозы, где говорящий берет на себя добровольное обязательство сделать что-то в ущерб адресату (*Si tu ne dis pas la vérité je te tue*). При отсутствии какого-либо из приведенных параметров в структуре РА клятвы, он начинает выражать РА другой коммуникативной направленности. Например, становится косвенным РА заверения, если имеет место констатация прошлых событий и глагол стоит в одном из прошедших времен:

(127) - *Mon bon Monsieur, je vous jure le Bon Dieu qu'il n'est entré personne ici.* – Господин хороший, я вам Богом клянусь, что сюда никто не входил. [SMM, с. 245]

В последнем примере перформативное выражение: *je vous jure* употребляется лишь потому, что принадлежит к числу самых сильных показателей функции для принятия обязательства. РА клятвы с перформативным глаголом в первом лице единственного числа настоящего времени сообщает о действии говорящего и вместе с тем

реализует само это действие. Однако, как следует из вышеприведенного примера, перформативные клятвенные высказывания могут совпадать по форме с РА другой коммуникативной направленности.

В качестве основных индикаторов иллокутивной функции прямого РА можно считать перформативную формулу и ее варианты, просодику и типовые синтаксические схемы (вспомогательные маркеры, которые способны не только усиливать или уточнять базовые показатели иллокутивности, но и успешно конкурировать с ними).

Качественное или количественное отступление от предложенной семантической модели РА клятвы следует рассматривать в качестве косвенных РА клятвы. Распознавание РА идет не только эмпирическим путем, но и посредством множества маркеров: психолингвистический фактор (межличностные отношения коммуникантов); социоллингвистический фактор (социальное положение); лексическое содержание единиц (*solennellement, sincèrement, dans la présence de Dieu, devant Dieu, en présence de Dieu et des saints; торжественно, искренне, перед Богом*).

Зачастую, в том случае, когда в структуре косвенного РА клятвы отсутствуют какие-либо маркеры, позволяющие установить принадлежность данного РА к РА клятвы, это помогает сделать вербальный и невербальный контекст. Например, содержание компонента речи со значением: «я клянусь» может быть подтверждено наличием косвенной речи: «Он поклялся, что...»

Качественное изменение семантической модели РА клятвы предполагает использование другого перформативного глагола в значении глагола «juger», а также его синонимов. Примерами таких перформативов во французском языке являются: *professer, témoigner,*

déclarer (solennellement et sincèrement), s'engager à faire qch., faire le serment de faire qch., promettre de faire qch., prendre l'engagement solennel de faire qch (публично признавать, свидетельствовать, торжественно и искренне заявлять, брать на себя обязательство, дать клятву, обещать). Например: **Mémoires de Masque de Mort, chevalier d'Or du signe du Canser: ...je Vous promets d'aller au catéchisme tous les samedis sans exception et de devenir le meilleur élève du Père César. Je Vous le jure, seulement, veillez sur moi, s'il vous plaît...**(Воспоминания Маски Смерти, Золотого рыцаря знака Рака: «Я Вам обещаю учиться закону божьему каждую субботу без исключений и стать лучшим учеником Отца Цезаря. Я Вам торжественно клянусь, проследите за мной, пожалуйста...»).

Характерной особенностью отдельных речевых актов клятвы является обещание говорящим негативных последствий самому себе в случае невыполнения обязательства. Например: **Extrait du serment d'apothicaire : Que je soit couvert d'opprobre et méprisé de mes confrères si j'y manque.** (Отрывок из клятвы аптекаря: Пусть я буду покрыт позором и презрением своих коллег, если я нарушу эту клятву). Отрывок из детской считалки, где немаловажную роль играет рифма: **... croix de bois, croix de fer, si je mens, je vais en enfer** (...деревянный крест, железный крест, если я солгу, я отправлюсь в ад). В этих примерах в качестве гарантии выполнения обязательства говорящий выдвигает условие и устанавливает санкции, которые повлечет за собой невыполнение данного условия.

Структурно РА клятвы передаются повествовательными предложениями, которые по сути своей являются восклицательными («эмотивными» по В.Г. Гаку). Общим признаком эмотивных предложений является специфическая интонация, выражаемая на

письме знаком восклицания.

3.3. Вариативность способов выражения речевых актов приказа и команды

Речевые акты приказа и команды (устного приказа) относятся к числу директивов, так как изначально представляют собой требование, представленное в глубинной структуре инъюнктива, содержанием которого служит прямое побуждение адресата к действию (от англ: «injunction» «повеление», «приказ»).

Приказ – это речевой акт, которым влиятельное лицо выражает свою волю, императивное распоряжение. РА приказа является прескриптивным видом директивных РА, имеющих своей целью побудить адресата к совершению какого-либо действия или изменению состояния. Прескриптивные (по Е.И. Беляевой) директивные РА характеризуются облигаторностью выполнения действия для адресата, приоритетностью позиции говорящего. Признак бенефактивности здесь не релевантен. Исполнителем каузируемого действия является адресат. Источником побуждения может выступать как отдельное лицо, занимающее определенную социальную позицию, так и общественный институт. Адресат находится в неприоритетной позиции и не обладает правом решать вопрос о выполнении/невыполнении действия.

Приказ представляет собой немотивированный прямой вид побуждения. Источником побуждения является говорящий, статус которого дает ему право на побуждение, он же в силу своего положения является ответственным за принятие решения о совершении или несвершении действия. Выполнение действия

должно быть обязательным, невыполнение действия наказуемо. Отношения между коммуникантами являются субординативными, т.е. адресат и говорящий находятся в системе строгого служебного подчинения младших старшим. Однако часто случается, что говорящий, не обладая правом раздавать распоряжения, присваивает его самовольно или в силу обстоятельств.

(128) *Sans cesser de se débattre, elle répondit d'une voix hachée:- Je ne suis pas votre esclave.- Restez tranquille, gronda-t-il ! C'était un ordre auquel il lui était physiquement impossible de résister, sous peine de décupler sa colère. – Не прекращая борьбы, она отрывисто произнесла – я не ваша рабыня. – Сидите тихо, проворчал он. Это был приказ, которому она физически не могла противостоять, рискуя десятикратно усилить его гнев. [ALD, с. 15]*

Сфера употребления приказа обычно официальная.

Выбор способов выражения инъюнктивов прагматически мотивирован. Высказывание строится в зависимости от индивидуальных мотивов и целей говорящего, от социальных условий общения, а при построении РА приказа и команды важную роль играет фактор ролевых отношений между коммуникантами [27, с. 79].

Среди прямых способов выражения приказа и команды мы выделяем такие, в которых присутствует перформативный глагол *ordonner*:

Je te/vous ordonne de faire qch
--

Доля подобных высказываний в нашем корпусе примеров невелика:

(129) - *Je t'ordonne de bailler. - Ça m'intimide...Je ne peux plus... fit le petit prince tout rougissant. - Hum !Hum! répondit le roi. Alors je...je t'ordonne tantôt de bailler et tantôt de...Il bredouillait un peu et paraissait vexé. – Я приказываю тебе зевать. – Я стесняюсь, я больше не могу, сказал Маленький принц, краснея. – Хм! Ответил король. Ну тогда я... я приказываю тебе то зевать, то... Он запутался и казался обиженным.* [SEM, с. 20]

Гораздо чаще встречаются высказывания, содержащие в себе императивную конструкцию (исходя из нашей трактовки прямых и косвенных способов выражения РА, мы будем считать их косвенными):

(130) – *Allez vous habiller, nous dit le Commandant, et soyez en l'air à cinq heures trente. - Au revoir, mon Commandant ! – Идите, оденьтесь, сказал нам Командир, и будьте готовы в пять тридцать. – До свидания, товарищ Командир.* [SEP, с.18]

Также среди глагольных средств, наряду с императивом довольно часто используются неимперативные глагольные формы (настоящее и будущее время индикатива, настоящее время кондиционала, субжонктива, инфинитив).

В отличие от повелительных и прохибитивных (запретительных) предложений с императивными формами глагола инфинитивные предложения не допускают пермиссивной интерпретации, а фактитивная интерпретация – это обычно приказ, который таким образом можно считать грамматическим значением инфинитива. Соответственно, эти предложения социально маркированы. Их употребление естественно в речи «начальника», а не

в речи «подчиненного» По этой причине в форме инфинитивных повелительных предложений часто формулируются стандартные военные и флотские команды: *встать!* (*debout!*), *отдать швартовы!* (*larguez les amarres!*) и т.п. [221, с. 185]. Типовые формулы согласия (*есть! oui, mon général!; слушаюсь! à vos ordres!*), следующие за повелительным предложением свидетельствуют о том, что слушающий проинтерпретировал волеизъявление говорящего именно как приказ и принял его к исполнению:

(131) - *Jetez vos armes ! – Oui, mon Capitaine. La patrouille jeta ses armes.* - *Бросайте оружие. Слушаюсь, мой капитан. Патруль бросил оружие.* [SEP, с.23]

Возможны безглагольные предложения:

(132) *Il a crié en même temps: - Le feu !* В этот же момент он крикнул: - *Огонь!* [SET, с. 109]

Вариативность косвенных способов выражения данных типов директивных речевых актов (РА) проявляется и в том, что приказы и команды могут передаваться при помощи транспозиции других типов РА в сферу инъюнктивной семантики [181].

Анализ используемого языкового материала позволил выделить косвенные способы выражения РА приказа и команды на уровне синтаксиса, семантики, морфологии.

На уровне синтаксиса в качестве функциональных эквивалентов инъюнктива выступают:

1. Констативы:

(133) - *Tu laisseras ta porte ouverte ce soir.* Оставишь дверь открытой сегодня вечером. [SAS, с. 276]

2. Квеситивы:

(134) - ***Veux-tu descendre la poubelle?*** – *Вынеси, пожалуйста, мусор!* (буквально: *ты не хочешь вынести мусор*)
[SPH, с. 58]

3. Прохибитивы:

(135) - ***Ne réponds pas à côté!*** – *Не отвечай невпопад!*
[SPE, с. 437]

На уровне семантики исследование выявило существование целого ряда специальных глаголов (*aimer, préférer, vouloir, désirer, souhaiter* и др.), передающих ментальные процессы, связанные с первым лицом, когда говорящий выражает непосредственно свое отношение к факту. Использование их в сфере инъюнктивной семантики позволяет говорить о косвенном способе передачи РА приказа и команды. Например:

(136) - ***J'aimerais que tu partes maintenant.*** – *Мне бы хотелось, чтобы ты уехал прямо сейчас.* [SPE, с. 340]

На морфологическом уровне косвенные РА приказа и команды передаются временными грамматическими категориями: кондиционалом и простым будущим временем:

(137) - ***Il faudrait que tu me donnes ce que je te demande à ce moment.*** - *Ты должен дать мне то, о чем я тебя прошу в настоящий момент.* [SPH, с. 120]

(138) - ***Tu auras soin de prendre tous les bijoux que porte ma femme. Tu jetteras, bien entendu, sac et bijoux dans un égout.*** – *Тебе нужно будет взять все украшения, которые носит моя жена и выбросить сумку и украшения в канаву.* [SAP, с. 379]

3.4. Прагматические особенности речевого акта просьбы

Речевой акт просьбы – это директивный речевой акт, представляющий собой побуждение к действию, бенефактивному для говорящего, решение об исполнении которого, принимается адресатом.

Толковые словари русского языка трактуют понятие просьбы как «обращение к кому-нибудь, призывающее удовлетворить какие-нибудь нужды, желания», во французском языке русскому слову «просьба» соответствуют две лексические единицы: «*prière*» (f) и «*demande*» (f).

Толковые словари французского языка определяют существительное *demande* как действие от глагола *demander*: «*faire connaître à qqn ce qu'on désire obtenir de lui de manière à en provoquer la réalisation*» (сообщить кому-нибудь то, что хотят получить от него таким образом, чтобы добиться совершения этого действия). Существительное *prière* также трактуется как действие от глагола *prier*, который в одном из многих значений определяется как «*demander poliment*» (просить вежливо).

Толковый словарь французского языка Le Grand Robert уточняет, что глагол *prier* употребляется для придания большей вежливости высказыванию, смягчения того, чему *demander* может придать излишнюю резкость (*s'emploie comme terme de politesse, pour atténuer ce que « demander » pourrait avoir de trop brutal*) [321].

Под прямым способом выражения РА просьбы мы понимаем наличие в высказывании перформативных глаголов *demander* или *prier*, где сама структура высказывания определяет иллокутивное намерение говорящего:

(139) – *Je vous prie de m'accompagner au café où se trouve mon*

ami. - Я прошу вас проводить меня в кафе, где находится мой друг. [SPE, с. 623]

(140) – Je vous demande de ne pas m'en tenir rigueur... – Я прошу вас не держать на меня зла. [SPE, с. 654]

Прямым способом выражения РА просьбы являются также императивные конструкции. Наличие лексических маркеров просьбы: *s'il vous plaît, je vous prie, je vous en prie* подтверждает принадлежность этих конструкций к РА просьбы:

(141) – Josette, donnez-moi mes gouttes et un peu d'eau, s'il vous plaît! - Жозетт, дайте мне, пожалуйста, мои капли и немного воды! [PLF, с. 286]

Под косвенными способами выражения просьбы мы понимаем высказывания, в которых отсутствует перформативный глагол, либо другой маркер просьбы и значение названного РА выражено имплицитно. Подобные высказывания составляют основной корпус собранных примеров, что можно было бы объяснить желанием говорящего соблюдать принцип вежливости в общении. Он пользуется такими способами выражения просьбы, которые предоставляют адресату удобную возможность для отказа. Как показывает иллюстративный материал, зачастую косвенным способом выражения РА просьбы является констатация-намек: *Il y a un courant d'air* (Пример В.Г. Гака). При наличии определенного «контекста» (бенефактивность действия для говорящего, приоритетность позиции адресата, необязательность выполнения действия для адресата) мы получаем: *Je vous prie de fermer la porte car il y a un courant d'air* (*Я прошу вас закрыть окно, потому что дует*).

Среди других способов косвенного выражения РА просьбы фигурируют высказывания, отражающие компоненты ситуации

побуждения и имеющие связь с условиями успешности реализации директивов. Семантический анализ вопросительных высказываний показал, что они направлены на выявление следующих аспектов прагматической ситуации:

1. Наличия желания адресата совершить действие:

(142) – *Voudrais-tu passer par l'épicerie pour prendre un kilo de sucre et deux paquets de lessive?* – Ты не мог бы зайти в бакалею и купить килограмм сахара и две упаковки стирального порошка? [буквально: Хочешь зайти...] [SPE, с. 136]

2. Физической и материальной возможности адресата совершить действие:

(143) – *Peux-tu me changer un chèque ?* – Ты можешь мне поменять чек? [VLM, с. 154]

(144) – *Tu as du feu, Lucas ?* – У тебя есть спички, Лука? [SPE, с. 274]

3. Разрешения для говорящего выполнить действие:

(145) – *Vous permettez que j'use de votre téléphone, monsieur Serre?* – Вы позволите воспользоваться вашим телефоном, мсье Серр? [SPE, с. 378]

Повествовательные высказывания тоже можно отнести к косвенным способам выражения РА просьбы, если они:

1. Эксплицируют условие искренности:

(146) – *J'ai absolument besoin de mille francs.* - Мне очень нужна тысяча франков. [SPE, с. 148]

2. Регистрируют потребности говорящего:

(147) – *Je vous demande de ne pas m'en tenir rigueur...* - Я вас прошу не поминать меня лихом. [SPE, с. 345]

3. Дают положительную оценку будущих действий адресата:

(148) – *Adda, tu seras gentille de sortir mon costume noir pour demain.* – *Адда, будь так любезна, достань мой черный костюм на завтра.* (буквально: Ты будешь мила...) [ЕЕО, с. 157]

4. Констатируют необходимость выполнения действия:

(149) – *Seulement, je vous prie, il faut que ce soit vous qui l'avertissez.* *Только, я прошу вас, нужно чтобы его предупредили вы.* [FSC, с. 180]

5. Выражают благодарность за будущее действие адресата:

(150) – *Je vous serais reconnaissante de me raconter cette histoire.*
- *Я вам буду признательна за ваш рассказ.* [Пример из опроса информантов]

6. Содержат просьбу разрешить говорящему выполнить действие:

(151) - *Permettez que je donne des instructions à mon chauffeur.*
- *Позвольте мне дать распоряжение моему шоферу.* [ЕСА, с. 46]

Реализация принципа вежливости в РА просьбы определяется целым рядом обстоятельств. Прежде всего, данный РА следует отнести к категории «невежливых», так как, обращаясь к кому-либо с просьбой, говорящий берет коммуникативную инициативу на себя и получает возможность контролировать действия собеседника. Совершая такой акт, говорящий вторгается в сферу существования слушающего, а также ограничивает его свободу выбора действий. Кроме того, просьба может поставить слушающего в затруднительное положение в тех случаях, когда он не может или не хочет выполнить каузируемое действие. В таких случаях говорящему потребуется

приложить дополнительные усилия, чтобы найти выход из создавшегося положения. Следует отметить, что свобода выбора слушающего в принятии решения совершать или не совершать действие оказывается ограниченной тем же принципом вежливости, предписывающим относиться с уважением к личности партнера и стараться удовлетворить его желание и потребности [27, с. 49].

Таким образом, при реализации РА просьбы следование принципу вежливости является обязательным как для говорящего, так и для адресата. Как уже было отмечено выше, вежливость является относительным понятием и во многом определяется правилами, принятыми в различных ситуациях общения: то, что признается вежливым в одном коммуникативном контексте, может быть нейтральным в другом и неприемлемым в третьем.

Коммуникативный контекст, влияющий на выбор формы выражения просьбы и определение её маркированности по признаку вежливости, включает следующие существенные признаки ситуации общения: взаимоположение коммуникантов (равное, выше, ниже); степень социально-психологической дистанции (далекая, близкая); обстановка общения (официальная, неофициальная, непринужденная); содержание просьбы (которое можно дифференцировать с точки зрения затрачиваемого на её выполнение усилия, т.е. степени трудоемкости, а также её деликатности, срочности или важности для говорящего) [23, с. 8].

Рассмотрим, как реализуется принцип вежливости при оформлении РА просьбы. Во-первых, вежливость предписывает соблюдение определенных ограничений на тематическое содержание просьбы. Так, при обращении младшего по возрасту к старшему или при далекой социально-психологической дистанции следует

воздерживаться от просьб, которые требуют особых усилий, затрачиваемых на их выполнение или носят не деликатный характер. Разумеется, подобные просьбы уместны при близких отношениях между коммуникантами или при обращении старшего по возрасту к младшему.

Во-вторых, при выборе способа оформления просьбы, уместного в определенном контексте, необходимо учитывать прагматический потенциал различных типов просьб, который является следствием их грамматической семантики. В этом отношении наименее вежливыми являются высказывания с перформативными глаголами, типа *Je vous demande de faire X*; *Je vous prie de faire X* или конструкции типа *Je veux que vous fassiez X*; *Je désire que vous fassiez X*; *J'aime que vous fassiez X* и т.д.

(152) – ***Je veux que tu sauves mon chien.*** – Я хочу, чтобы ты спас мою собаку. [РАВ, с. 146]

В этих случаях, а также в тех случаях, когда побуждение выражается императивными формами, налицо нарушение принципа невмешательства в сферу существования слушающего, что позволяет употреблять такие высказывания, лишь при очень близких отношениях равных по статусу коммуникантов, либо при обращении старшего к младшему. В любом случае, такая форма будет менее вежливой.

Однако категоричность побуждения значительно смягчается благодаря использованию универсальных маркеров вежливости *s'il vous plaît, je vous (en) prie* и конструкций типа *voulez (voudriez/ veuillez) – vous faire X?*; *pouvez (pourriez) – vous faire X?* Такие высказывания могут рассматриваться как более вежливые:

(153) – ***Veillez attendre un instant, s'il vous plaît.*** – Подождите, пожалуйста, минутку. [ЕАР, с. 76]

Если учитывать тот факт, что обращение с просьбой к другому человеку (в особенности к малознакомому или старшему по возрасту) является актом вмешательства в сферу его существования, то следует признать социально-предпочтительной такую форму выражения просьбы, которая максимально подчеркивала бы уважение к личности партнера и предоставляла бы ему удобную возможность для отказа.

При обращении к старшему по положению или по возрасту наиболее частотными оказываются следующие конструкции: *Si cela ne vous dérange pas, faites X; voulez-vous faire X; si cela ne vous ennuie pas, faites X; voulez-vous faire X, si c'est possible* и другие. Среди наиболее вежливых форм можно выделить: *Vous seriez aimable (gentil) de faire X; ayez la bonté de faire X; voulez-vous avoir la bonté de faire X?* ср. в русском языке: *если это вас не затруднит..., не могли бы вы..., если вам не трудно..., если это возможно..., не будете ли вы так любезны...*)

(154) – ***Vous seriez gentil de rester un moment avec moi.*** – *Не будете ли вы так любезны остаться со мной еще ненадолго.* [SPE, с. 532]

В целом анализ собранных примеров показал, что при близкой дистанции в неофициальной обстановке общения фактор сложности выполняемой просьбы оказывается более значимым, чем фактор ролевых отношений. Так, если выполнение просьбы особенно трудно, то в обращении хоть к младшему хоть к старшему употребляются одни и те же формы, маркированные по признаку вежливости.

В официальной обстановке общения при далекой психологической дистанции между коммуникантами чаще употребляются следующие побуждения: *Je me vois obligé de vous demander de faire X; Je vous serais bien reconnaissant de faire X; Voyez-*

vous un inconvéniant à faire X ? (ср. в русском языке: *я вынужден вас попросить..., буду вам признателен..., вас не затруднит...*)

(155) – ***Verriez-vous un inconvéniant à m’envoyer la copie des lettres de votre amie ?*** – *Вас не затруднит отправить мне копию писем вашей подруги?* [SPE, с. 487]

Таким образом, вежливость является относительным понятием не только в «качественном» отношении (что считать вежливым), но и в «количественном» (в какой степени этот принцип реализуется – той или иной языковой формой). Абсолютных маркеров вежливости, как например *s’il vous plaît* в языке немного. Большинство лингвистических единиц приобретают этот признак в определенном контексте и, как уже было сказано, реализуют принцип вежливости в разной степени. Каждая из приведенных выше форм в определенных коммуникативных ситуациях может быть вежливой, нейтральной или иметь иронический смысл.

3.4.1. Коммуникативные стратегии и тактики просьбы, реализуемые во французском языке

Некоторые объяснения речевого поведения с точки зрения его эффективности могут быть получены через описание стратегических направлений и тактических приемов. Речевая стратегия включает в себя планирование речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. [107, с. 153]. Способ осуществления речевой стратегии получил название речевой тактики. Если речевую стратегию понимать как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего, то речевой

тактикой следует считать одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии. Составные элементы речевой тактики называются коммуникативными ходами. Это минимальная стратегическая единица, которая связывает реплику говорящего и реплику слушающего по принципу иллокутивного вынуждения. Коммуникативный ход определяется относительно предполагаемой реакции партнера и с учетом предыдущих речевых действий. В речевом ходе можно увидеть аналог речевого акта. О.С. Иссерс считает, что главное отличие коммуникативного хода от исходного понятия РА заключается в интерпретации намерений говорящего: для коммуникативного хода это возможно только в рамках общей стратегии и тактики.

При выборе тактики просьбы говорящий рассчитывает на максимальное сопротивление со стороны слушающего. Это выражается в особо тщательном планировании коммуникативных ходов.

В. И. Карасик интерпретирует коммуникативный ход РА просьбы как комплекс из 5 основных компонентов: 1) начало разговора; 2) обращение; 3) просьба о просьбе; 4) мотивировка; 5) собственно просьба [111, с. 47]

Разумеется, наличие этих компонентов не является строго обязательным. Чаще всего говорящий использует только некоторые из них. Проанализируем следующую коммуникативную ситуацию:

Комиссар Мегрэ обращается с просьбой к своей собеседнице:

(156) - Ecoutez (1), Madame Oosting (2), vous pourriez me rendre un grand service. (3) Votre mari a une auto ?(4) - Bien sûr. -Il serait gentil de vous conduire au bureau central de la police [...] (5) – *Послушайте, Мадам Устинг, вы могли бы*

оказать мне большую услугу. – У вашего мужа есть автомобиль? – Конечно. – Было бы любезно с его стороны доставить вас в центральный офис полиции...[SPE, с. 387]

В данном примере присутствуют следующие компоненты: начало разговора (1), обращение (2), реплика (3) делает акцент на значимость просьбы для говорящего, предварительный вопрос (4) имеет цель выяснить возможности адресата для выполнения просьбы, собственно просьба (5) помимо основного своего компонента содержит положительную оценку действий адресата.

Среди дополнительных компонентов просьбы можно также назвать:

1) извинение за просьбу

(157) – *Je vous demande pardon de vous avoir dérangé, monsieur Serré, mais j'aimerais que vous répondiez à quelques questions.* – Я прошу прощение за беспокойство, мсье Сере, но мне бы хотелось, чтобы вы ответили на несколько вопросов. [SPE, с. 567]

2) объяснение причин просьбы

(158) – *Tu permets que je reste ici, Alain ? ça m'embête de rentrer; la vieille est sûrement sur le sentier de la guerre; et comme je n'ai pas de quoi payer mon loyer...* Ты позволишь мне остаться здесь, Ален? Мне не хочется возвращаться; старуха реально готова к войне, а поскольку мне нечем платить за жилье... [DLB, с. 129]

(159) – *Léa, je n'en ai pas le courage, veux-tu les ouvrir ?* - Леа, мне не хватает смелости, открой их пожалуйста... [PLF, с. 128]

3) выражение благодарности за будущее выполнение просьбы
(160) – *Voulez-vous lui demander s'il accepte de me recevoir? Je vous en serais tellement reconnaissante...* - *Спросите, пожалуйста, у него, не согласится ли он принять меня. Я была бы вам так признательна...* [ELD, с. 53].

Следует заметить, что потребность в дополнительных компонентах чаще всего возникает в официальной обстановке общения, особенно при наличии различий в статусе коммуникантов. Анализ материала показал, что, чем больше психологическая дистанция между коммуникантами, тем вероятнее употребление развернутой схемы.

Когда говорящий убежден в том, что партнер не согласится выполнить просьбу с первого раза, или уже получен отказ, он нередко прибегает к стратегии уговаривания. Среди речевых тактик стратегии уговаривания лингвисты выделяют тактики уговоров и убеждения. Причем различия между ними имеют не столько понятийную, сколько психологическую основу. Уговаривание воздействует на чувства и эмоциональный мир адресата, в то время как убеждение направлено на разум человека [107, с. 142]. Рассмотрим коммуникативные ходы, к которым прибегает говорящий при реализации просьбы, используя различные тактики уговаривания:

А. Коммуникативный ход – «апелляция к чувствам, отношениям».

Коммуникативной предпосылкой данного хода являются представления о чувствах коммуникантов друг к другу, которые для обеих сторон являются ценными.

(161) – *Sarah, je ne veux pas être harcelé de cette manière. Souviens-toi que je suis ton père.* – *Сара, я не хочу, чтобы*

ты так на меня наседала. Не забывай, что я твой отец.

[DUJ, с. 140]

Реплика ***Souviens-toi que je suis ton père*** по своей привычной функции является упреком, в основе когнитивных предпосылок которого лежат неоправдавшиеся ожидания. Однако, если в своей основной функции упрек используется с целью вызвать стыд, раскаяние у слушающего, то в контексте уговоров этот ход преследует цель побудить его к определенным действиям в интересах говорящего [107, с. 152].

Б. Коммуникативный ход – «апелляция к качествам партнера».

В реализации этого хода лежит выделение качеств слушающего, которые позволяют ему выполнить то, к чему склоняет его говорящий. В функции аргумента выступает комплимент собеседнику:

(162) – ***Je vous en supplie, Baas!... Je sais que vous êtes bon...*** – Я вас умоляю, Баас! Я знаю, что вы хороший... [SPE, с. 256]

(163) – ***Ma colombe, ma vie, ma perle blanche, venez prendre un bain, je vous prie.*** - Голубка моя, моя жизнь, моя жемчужина, приходите принять ванну, я прошу вас. [BLC, с. 153]

В. Коммуникативный ход – «апелляция к разуму».

Этот ход маркируется показателями, указывающими на разумность, осведомленность адресата:

(164) – ***Vous ne pouvez pas me laisser seule avec Camille, je suis incapable de la soigner, de lui faire ses piqûres.*** – Вы не можете оставить меня одну с Камиллой, я не способна за ней ухаживать, делать ей уколы... [DLB, с. 124]

При реализации просьбы говорящий может прибегать к одному

или несколькими коммуникативным ходам. Разумеется, их последовательность не является строго закреплённой, а целиком зависит от реакции партнера по коммуникации. Реакция же определяется всем комплексом когнитивных, психологических и коммуникационных параметров, характеризующих ситуацию общения. Таким образом, задача говорящего состоит в том, чтобы посредством нескольких коммуникативных ходов изменить эти параметры «в свою пользу».

В целом, анализ собранного материала показывает, что коммуникативная тактика реализации просьбы может сводиться к использованию различных коммуникативных ходов. При необходимости она может включать ходы других речевых тактик (угрозы, упрека, оскорбления, обвинения, уличения, обиды, жалобы, лести, похвалы, комплимента и т.д.), которые расширяют диапазон воздействия на партнера и способствуют успешной реализации коммуникативной задачи.

3.5. Грамматика и прагматика речевого акта совета

Речевой акт совета (РАС) наряду с предложением, рекомендацией, приказом, распоряжением, требованием, просьбой и др. является частным видом директивных речевых актов, целью которых является побуждение адресата к совершению какого-либо действия или изменению состояния. Основываясь на данных толковых словарей русского и французского языков, а также опираясь на фактический материал, считаем возможным придерживаться следующего определения *совета*: «Мнение, высказанное по поводу того, как поступить, что делать в том или ином случае».

Специфическими условиями успешности РАС мы считаем следующие положения, не нашедшие отражения в определении:

- обращение старшего по статусу к младшему (или равного к равному);
- близкая психологическая дистанция;
- непринужденная обстановка общения;
- полезность действия для адресата;
- необязательность выполнения действия адресатом.

На основании словарных дефиниций можно построить семантическую модель РАС, которая выглядит следующим образом: *Я Вам (тебе) советую + (не) делать что-либо + так как это будет лучше для Вас (тебя).*

Данная модель имеет сложную структуру, состоящую из трех частей. Первая часть семантической модели содержит перформативный глагол *советовать* (*conseiller*) в изъявительном или условном наклонении и ясно указывает на коммуникативную направленность РА. Вторая часть представляет собой побуждение к действию, которое в предложенной модели выражается инфинитивом глагола в положительной или отрицательной форме, а третья часть содержит констатацию положительных последствий для адресата. Например:

(165) доктор пациенту: - ***Je vous conseillerais de passer plus de temps en plein air, cela vous fera du bien!*** – *Я советую вам проводить больше времени на свежем воздухе, это пойдет вам на пользу!* [SPE, с. 321].

Исследовательский материал показывает, что данная модель в полной форме на практике реализуется довольно редко, что можно попытаться объяснить экономичностью речи. Именно поэтому мы

чаще сталкиваемся с примерами, отступающими от сконструированной нами модели. Как правило, отсутствует третий элемент, поскольку перформативный глагол однозначно трактует высказывание, а предполагаемая польза для адресата определяется контекстом:

(166) служащая клиенту: **-*Nous vous conseillons d'utiliser une des plus récentes réalisations – le TGV! – Мы вам советуем воспользоваться одним из последних новшеств – скоростным поездом!*** [PLF, с. 280].

Следует отметить тот факт, что если перформативный глагол «советовать» употребляется в отрицательной форме, то речь идет скорее о речевом акте предостережения, поскольку третья часть (реальная или подразумеваемая) содержит констатацию негативных последствий для адресата:

(167) мать дочери: **-*Je te conseille de ne pas arriver à la maison tard parce qu'il est dangereux de se promener pendant les soirées, tu vas avoir des problèmes!*** – *Я советую тебе не возвращаться домой слишком поздно, потому что вечером гулять опасно, у тебя могут быть проблемы!* [TLP, с. 76].

Часто в модели отсутствует и первая часть, а вторая часть представлена глаголом в повелительном наклонении. Идентифицировать такие РА как речевые акты совета помогает контекст:

(168) сосед соседу: **-*Il faut vous secouer monsieur Bovary; ça se passera! Venez nous voir, ma fille pense à vous de temps à autre, savez-vous bien, et elle dit comme ça que vous l'oubliez. Voilà le printemps bientôt; nous vous ferons tirer***

lapin dans la garenne pour vous dissiper un peu. Charles suivit son conseil. – Вам нужно встряхнуться, господин Бовари, и это пройдет! Приходите к нам в гости и знаете, что моя дочь иногда вспоминает вас и говорит, что это вы её забыли. Скоро весна. Мы устроим охоту на зайцев, чтобы вас немного развеселить. Шарль последовал его совету. [FMB, с. 159].

(169) молодой человек своему другу: - ***Si tu veux un bon conseil, vas chez elle et fais une proposition!*** - *Если хочешь хороший совет, то пойди к ней и сделай предложение!* [PLF, с. 210].

(170) покупатель и продавец: - ***J'hésite un peu. Qu'est-ce que vous me conseillez ?-Vous savez, Monsieur, le parfum, ça fait très plaisir.*** – *Я слегка теряюсь. – Что вы мне посоветуете? – Вы знаете, мсье, духи - это очень хороший подарок. [ZAB, с. 143].*

Исследование показало, что такие характеристики РА совета как волитивная модальность и субъективация приводят к тому, что совет представляется как психологическое состояние самого говорящего: *Je voudrais que tu..., j'aimerais que tu..., à ta place, moi,* Например:

(171) подруга подруге в кафе: ***A ta place, moi, je prendrais du thé!*** – *На твоём месте я взяла бы чай. [TLP, с. 92].*

Такой прагматический фактор как социально-психологическая дистанция между коммуникантами в РА совета проявляется следующим образом. Речевым актам совета одинаково свойственно обращение старшего по статусу к младшему и обращение равного к равному. Большинству речевых актов совета свойственна

непринужденная обстановка общения. Иногда, когда речь идет о профессиональных советах, обстановка бывает официальной. Соответственно обстановке общения распределяется и психологическая дистанция между коммуникантами: при непринужденной обстановке общения психологическая дистанция близкая; при официальной обстановке общения дистанция далекая.

В коммуникативной практике принято считать, что соблюдение принципа вежливости играет определяющую роль для достижения максимальной эффективности социального взаимодействия. Очевидно, что вежливость это понятие относительное и во многом определяется правилами, принятыми в различных ситуациях общения: то, что признается вежливым в одном коммуникативном контексте, может быть нейтральным в другом и неприемлемым в третьем.

С позиции принципа вежливости РАС, очевидно, следует отнести к категории «невежливых», так как, давая совет, говорящий, прежде всего, вторгается в сферу существования адресата, и, тем самым, нарушает правило непосягаемости на его права. Во-вторых, в какой-то степени навязывает ему свою точку зрения. Хотя по сравнению с РА приказа, РАС «дает свободу выбора» партнеру, что является обязательным семантическим компонентом совета. РАС отвечает также первой максиме Дж. Лича «старайся увеличить выгоду для других», так как предписание полезности действия для адресата является одним из самых важных и обязательных компонентов совета.

Вежливость предписывает соблюдение определенных ограничений на тематическое содержание совета. При далекой социально-психологической дистанции следует воздерживаться от советов, касающихся личной жизни собеседника. Такие советы чаще носят профессиональный характер. В случае более близкой

психологической дистанции советы могут касаться поведения в разных ситуациях личного характера.

При выборе формы выражения совета, уместной в определенном коммуникативном контексте, необходимо учитывать прагматический потенциал различных форм выражения совета, который является следствием их грамматической семантики. Наша импровизированная «шкала вежливости» с учетом выявленных способов выражения директивной семантики совета и смоделированным примером: *побольше гулять на свежем воздухе* будет выглядеть следующим образом (от менее вежливых форм к наиболее вежливым):

1. Tu te promèneras
2. Tu vas te promener
3. Promène-toi
4. Promenez-vous
5. Essaie de te promener...
6. Vous devez vous promener un peu
7. Rien ne t'empêche de te promener
8. Il faut te promener
9. Je voudrais que tu te promènes
10. J'aimerais que tu te promènes
11. Tu devrais te promener
12. Je te conseille de te promener
13. Je vous conseille de vous promener
14. Je te conseillerais de te promener
15. Je vous conseillerais de vous promener

Не стоит забывать, что любая из этих форм в определенных коммуникативных контекстах может быть либо вежливой, либо

нейтральной, либо имеющей иронический смысл.

3.6. Экспрессивность как коммуникативная категория

Иллокутивная цель экспрессивов состоит в том, чтобы выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционного содержания. Экспрессивы не обладают каким-либо направлением приспособления. Производя экспрессивный акт, говорящий не пытается «приспособить» ни реальность к словам, ни слова к реальности, скорее при этом предполагается истинность выражаемого суждения. Истинность суждения, выраженного экспрессивом входит в его пресуппозицию. Экспрессивы обладают экспрессивной окраской или экспрессивностью.

Экспрессивность (от лат. *expressio* -«выражение») – совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают её способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи. Экспрессивность свойственна единицам всех уровней языка.

К фонетическим экспрессивным средствам относятся фонологически нерелевантные для данного языка изменения звуков, акцентные и интонационные средства.

Морфологические средства включают словосложение и широкий диапазон ласкательных и уничижительных аффиксов. Лексико-экспрессивные средства охватывают пласт слов, имеющих помимо своего предметно-логического значения оценочный компонент, а также междометия и усилительные частицы. Все экспрессивные

средства этих уровней обладают относительно четко выраженной положительной или отрицательной коннотацией. Это эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального характера. В широком смысле это любой компонент, который дополняет предметно-понятийное содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную окраску.

На синтаксическом уровне экспрессивность выражается изменением обычного порядка слов, использованием эллиптических конструкций, повторов и др.

В результате актуализации экспрессивных средств языка, сочетание и взаимодействие которых позволяет практически любой единице языка выступать в качестве носителя экспрессивности, речь приобретает экспрессию, т.е. способность выражения психического состояния говорящего. В коммуникативном акте параллельно с экспрессивными средствами используются многочисленные паралингвистические средства (громкость и тембр голоса, темп речи, мимика, жесты), способствующие усилению экспрессии речи.

Как уже было сказано выше один из типов иллокутивных актов, предложенных Дж. Серлем, называется экспрессив. Экспрессивный РА представлен глаголами, которые содержат экспрессивную окраску и употребляются для выражения чувств говорящего. Образцовыми глаголами для экспрессивов являются: *благодарить, поздравлять, оскорблять, извиняться, сочувствовать, сожалеть, приветствовать* (*remercier, féliciter, insulter, pardonner, compatir, regretter, saluer*). Основной особенностью экспрессивного РА является эмоциональная оценка ситуации и искреннее выражение чувств говорящего. Рассмотрим ниже некоторые экспрессивные речевые акты более подробно.

3.7. Речевой акт оскорбления как коммуникативный ход инвективной стратегии

Инвективная стратегия как «способ вербальной агрессии» [99, с. 53] находит проявление в использовании бранной лексики, оскорблений оппонента (слушающего). Цель инвективы заключается в приведении объекта речевого воздействия в нужное для целей агрессора психологическое состояние посредством эксплицитных (прямое оскорбление, обидные прозвища, незавуалированное порицание) и имплицитных форм.

Говорящий исходит из того, что выставление кого-либо в смешном виде не требует доказательств (в отличие от обвинения) и вопрос о справедливости, правомерности отрицательных оценок как бы не предполагается. Поскольку только несправедливые обвинения способны сильно задеть чувства оскорбляемого, унижить и уязвить его. Говорящему «запрещается» использовать доводы, соответствующие реальному положению дел, по крайней мере, не преувеличенные. Таким образом, когнитивной предпосылкой оскорбления является намеренная трансформация модели мира. [107, с.164]. Тактика оскорбления характеризуется установкой на конфронтацию с оскорбляемым лицом.

Многочисленные дефиниции понятия «оскорбление», содержащиеся в толковых словарях русского и французского языков, включают в себя следующую общую сему: *плохое, уничижительное отношение, неуважительное слово или действие, ранящее чью-либо честь или достоинство*. **Речевой акт оскорбления (РАО)** – проявление агрессивного типа поведения, которое представляет собой выражение крайне негативного отношения говорящего к

слушающему путем приписывания ему пейоративных признаков и нанесение ему тем самым эмоционального ущерба:

(172) - ***Tu es plus bête que je n'aurais cru!*** – Ты гораздо тупее, чем я думал! [МВА, с. 252].

РАО включает в себя субъект, объект, предмет и форму оскорбления. Субъектом оскорбления выступает говорящий. Объектом оскорбления выступает честь, достоинство и деловая репутация слушающего. Предметом оскорбления чаще всего является наружность, моральный уровень, черты характера, профессиональная пригодность, а также родословная объекта, его социальная принадлежность, состояние здоровья, факты биографии. Форма РАО представляет собой высказывание разной коммуникативной направленности с применением ругательств.

Среди некоторых особенностей РАО следует отметить:

- РАО не может быть выражен перформативно;
- РАО представляет собой гибридный РА, то есть объединение в одном высказывании двух и более интенций говорящего. Так, например, речевые акты угрозы и приказа часто сопровождаются оскорблениями:

(173) - ***Surtout ne bouge pas, couillon, ou je commence.***
– Главное, не двигайся, придурок, или я начну действовать. [РТО, с. 165]

(174) - ***Descends, ordure, pourriture, assassin.*** –Выходи, сволочь, подонок, убийца. [РТО, с. 249]

- РАО принадлежит к эмоционально-оценочным актам, содержащим экспрессивную, а также разговорно-сниженную и бранную лексику. Как показывает исследовательский материал, все экспрессивные единицы данного уровня содержат характеристику

человека, лица: существительные – статическую, глаголы – динамическую [153]. В свою очередь внутри группы «человек» можно выделить следующие тематические группы: мужчина/женщина; части тела; секс; функции организма, звуки, запахи;

- для РАО характерен экспрессивный синтаксис (изменение порядка слов, эллиптические конструкции, повторы, парцелляция и др.):

(175) - ***Fou que vous êtes!*** – *Ну и дурак же вы!* [ECA, с. 89]

(176) - ***Tu es une sorte. De charognard.*** *Ты еще тот. Подонки.*
[CAN, с. 79]

Опираясь на материалы публицистики, О.С. Иссерс выделяет продуктивные коммуникативные ходы нанесения оскорбления: прямое оскорбление, косвенное оскорбление, развенчание притязаний и навешивание ярлыков. [107, с.164]. Мы, в свою очередь, на примерах диалогической речи из художественной литературы попытаемся проследить реализацию выделенных ходов.

Коммуникативный ход № 1 «Прямое оскорбление»

Данный ход предполагает негативную характеристику личности либо отрицательную оценку, выявляемую через намек. В оскорбительных высказываниях такого типа обнаруживается умаление интеллектуальных, нравственных, профессиональных, физических качеств оппонента. Семантическая структура РА оскорбления может быть представлена в виде модели «С есть Х», где С – объект оскорбления, Х – его характеристика. Рассмотрим несколько примеров:

(177) – ***Ce qu'il est cul!*** – *Ну и осёл!* [EAP, с. 187]

(178) – ***Eric est un idiot à tout casser!*** – *Эрик – это полный*

идиот! [ЕАР, с. 15]

(179) – ***Quel emmerdeur, ce professeur!*** – *Какой же зануда этот преподаватель!* [ААН, с. 165]

(180) – ***Il tue les mouches à quinze pas!*** – *От него за версту разит!* (дословно: *Он убивает мух с пятнадцати шагов* – намек на то, что человек не моется и плохо пахнет) [ЕЕО, с. 46]

Наиболее традиционным средством, применяемым в данном коммуникативном ходе является экспрессивная и оценочная лексика (с отрицательным коннотативным компонентом).

Коммуникативный ход № 2 «Косвенное оскорбление»

Цель – создание желательных для говорящего ассоциаций, сравнений. Негативная оценка переносится из одной области в другую: литературные аллюзии, метафоры, развернутые метафорические образы. В стратегии дискредитации метафора играет далеко не последнюю роль, поскольку через перенос наименования с одного объекта на другой, позволяет характеризовать последний, выразить к нему отношение:

(181) – ***Mon oncle est con comme la lune !*** – *Мой дядя дурак, круглый как луна!* [ЕСА, с. 59]

(182) – два друга о поведении третьего: ***La mère des cons est toujours enceinte!*** – *Дураки неистребимы!* (дословно: *Мать придурков все время беременная!*) [ЕАР, с. 43]

(183) – ***Tu es le dernier des saligauts!*** – *Ты последний из негодяев!* [РТО, с. 132]

Коммуникативный ход № 3 «Развенчание притязаний»

Тактика реализуется через прагматическую интерпретацию высказываний, создающих скрытые семантические компоненты. Для

этого хода характерно использование лексических единиц с положительной коннотацией в несоответствующем контексте (с оскорбительно-уничижительным смыслом). Маркером служат кавычки и их функциональные заместители: якобы, так называемый и др.

(184) – ***Tu est une sorte de fille intelligente!*** – Ты вроде бы умная девочка! [ЕАР, с. 189]

(185) – ***Il ne serait pas idiot!*** – Он якобы не дурак! [ЕЕО, с. 64]

Коммуникативный ход № 4 «Навешивание ярлыков»

Основной прием, обеспечивающий успех данного речевого хода это прием навешивания ярлыков. Навешивание ярлыков – это «искусство» поиска характерной детали, черты характера или внешности, отрицательная оценка которой по принципу расширения переносится на личность в целом. Речевая тактика навешивания ярлыков осуществляется также при помощи приема паронимической аттракции и мены корня: дерьмократы, коммуняки и т.д. [115, с. 106].

(186) – ***Vous êtes certain que cette montagne vivante ne m’a pas touché ?*** – Вы уверены, что эта живая гора меня не тронула? (намек на внушительные размеры человека) [ЕЕО, с. 78]

(187) – ***Qu’est-ce qui pue comme ça? –Un parfum de chez Fior!*** – Что это так воняет? – Духи от Фиор! (намек на известного производителя) [QZM, с.7]

Перечисленные коммуникативные ходы не представляют собой закрытый список. Оскорбление – процесс «творческий», и автор, желающий добиться соответствующего эффекта, всегда может пойти своим путем, используя, например, нестандартное сочетание слов:

(188) – ***Il a une comprenette difficile!*** – До него не сразу доходим! (по типу выражения «avoir la comprenette

facile) - *быть сообразительным*) [ЕСА, с. 9]

3.8. Прагматический аспект речевого акта похвалы

Речевой акт похвалы относится к классу экспрессивов или в классификации Дж. Остина бехабитивов (от англ. *behave* «вести себя», и *habit* «привычка»), которые представляют собой смешанную группу речевых актов, связанную с общественным поведением и взаимоотношениями людей. Они включают также отношение к чьему-то поведению в прошлом или в будущем и эксплицитное выражение этого отношения. Бехабитивы явно связаны с комиссивами, так как «хвалить» или «поддерживать» означает одновременно реагировать на поведение и обязываться вести себя определенным образом. Также существует тесная связь бехабитивов с экзерситивами, поскольку одобрение может означать осуществление власти или же реакцию на поведение.

Для определения РА похвалы обратимся к дефинициям французских и русских толковых словарей, а также проанализируем синонимичный ряд понятия «похвала». Словари синонимов русского и французского языков выделяют следующие эквиваленты понятию «*louange*» («похвала»): *compliment, congratulation, éloge, encouragement, dithyrambe, flagornerie, flatterie* (комплимент, лесть, дифирамб, ободрение, одобрение, поздравление, поощрение, подобоострастие, рукоплескание, фимиа́м). Анализ определений синонимичного ряда показывает, что большинство этих синонимов имеют общие семы: *хороший, лестный отзыв о ком-нибудь, чем-нибудь, одобрение, восхваление, выражаемое в устной или письменной форме*. Одни синонимы выражают искренние чувства (комплимент,

ободрение, одобрение, поздравление, поощрение), а другие содержат в себе оттенок фальши (лесть, дифирамб, подобострастие фимиам.).

Основываясь на данных словарных дефиниций и проанализировав фактический материал, мы считаем возможным придерживаться следующего определения РА похвалы. **РА похвалы** – это иллокутивный акт, принадлежащий к классу бехабитивов, выражающий положительное отношение к чьим-либо поступкам, одобрительную реакцию на поведение и обязывающий говорящего вести себя определенным образом. Утверждая, что мы хвалим, мы тем самым объявляем, что в данный момент как раз и совершается соответствующий акт. Например:

(189) - *Ça va être charmant de collaborer comme ça. Je suis ravie de votre idée.* – Будет чудесно поработать вместе таким образом. Мне нравится ваша идея. [МВА, с. 39]

По коммуникативной цели тактика похвалы, считает О.С. Иссерс, сближается с тактикой комплимента (*желание говорящего сказать нечто приятное собеседнику, вызвав симпатию и расположение к себе*). Цель РА похвалы и комплимента тесно связана с миром оценок, причем положительных. Однако между комплиментом и похвалой есть и существенные различия. Главное отличие заключается в том, что для похвалы положительная оценка является основной целью, а для комплимента – способом сообщить о добрых чувствах, о благорасположении. Это легко заметить на таких примерах, где говорящий специально использует метатекстовые показатели, указывающие на речевую тактику:

(190) – *Vous êtes vraiment si jolie et ce n'est pas un compliment.*
– Вы действительно прекрасны и это не комплимент.
[МВА, с. 58]

Акцент делается на том, что положительная оценка внешности мотивируется не столько установкой на поддержание добрых отношений, сколько объективными данными. [107, с. 178]

Разные коммуникативные цели РА комплимента и похвалы вызывают и разный перлокутивный эффект. Для похвалы показателем успешности тактики является принятие оценки, а показателем неудачи – её отклонение.

(191) – *Je connais l'excellence de votre coeur et de votre esprit...*

- *Que vous êtes gentil!* – Я знаком с превосходством вашего сердца и крайней степенью совершенства вашего ума...

- *Вы так любезны!* [МВА, с. 55]

Различия между комплиментом и похвалой обнаруживаются и в пропозициональном содержании. Похвала предполагает оценку качеств, знаний, умений адресата, т.е. в область диктума включается поступок, действия, качества личности, проявленные при каких-либо обстоятельствах. Чтобы получить похвалу, нужно совершить нечто, проявить себя с положительной стороны. Условно говоря, похвала – оценка достижений [107, с. 185]. Например, в нашем исследовательском материале:

(192) – *Comme vous avez été bon de venir là-bas dans des*

circonstances terribles. – Как благородно с вашей стороны отправиться туда при подобных ужасных обстоятельствах. [МВА, с. 135]

Существуют случаи, когда дифференцировать тактики комплимента и похвалы достаточно трудно, поскольку происходит нейтрализация дифференциальных признаков. Сущность комплимента как средства установления и поддержания добрых отношений позволяет его использовать и в других тактиках, например,

комплимент-просьба:

(193) – « *Viens donc tantôt rue de Constantinople, que je t'embrasse, mon amour. Comme tu es brave. Je t'adore. Clo.*» – «Приходи сегодня на улицу Константинопль, чтобы я поцеловала тебя, любовь моя. Какой же ты смелый. Я обожаю тебя. Кло.» [МВА, с. 116]

3.9. Речевые акты извинения и их реализация в речевых стратегиях

Э. Гоффман относит извинение к группе «исправляющих действий», направленных на коррекцию хода межличностного взаимодействия путем компенсации. Более того, извинение наиболее ярко отражает идею компенсации, поскольку ущерб лицу слушающему в данном случае восполняется через нанесение говорящим ущерба собственному лицу [259].

Словарные дефиниции позволяют сформулировать определение **РА извинения** следующим образом – это «*просьба о прощении у кого-либо за что-либо*».

Извинение может быть направлено проспективно или ретроспективно. Проспективное извинение сопровождает ущерб в том случае, когда говорящий заинтересован в поддержании отношений сотрудничества со слушающим. Проспективное извинение является своего рода предупредительной мерой, направленной на профилактику конфликта, это компенсация за ущерб, который говорящий только собирается нанести слушающему. Дж. Едмонсен называет такое извинение «обезоруживающий ход» [256, с. 282-283].

В качестве проспективного извинения рассматриваются не

только этикетные формы вежливости, т.е. прямые выражения значения извинения. Проспективное извинение представлено как система стратегий, включающая помимо просьбы о прощении, следующее: 1) признание факта покусения на свободу и «территорию» слушающего; 2) выражение нежелания наносить ущерб; 3) представление причин, оправдывающих нанесение ущерба [249, с. 187-190].

Однако ситуация сотрудничества является не единственным типом взаимодействия людей, а лишь желаемой нормой. В реальной жизни не менее распространены отношения конфронтации. Конфликт в ситуации конфронтации может быть вызван предшествующими действиями говорящего, который, если он заинтересован в восстановлении гармоничных отношений, вынужден предпринять какие-то шаги по разрешению этого конфликта. Средством разрешения часто становится ретроспективное извинение, которое является попыткой говорящего компенсировать ущерб, нанесенный лицу слушающего каким-либо прошлым действием.

Ретроспективное извинение также как проспективное извинение, представляют собой систему стратегий. Помимо собственно просьбы о прощении, принято выделять следующие стратегии: 1) объяснение причины поступка, приведшего к конфликту, чаще всего какой-то внешней по отношению к говорящему; 2) принятие на себя ответственности за случившееся, признание собственной ошибки или вины; 3) обещание не совершать подобных поступков в будущем; 4) предложение о возмещении ущерба.

Интерес представляет последняя стратегия, которая напрямую связана с идеей компенсации, так как в данном случае вербальный акт извинения приравнивается к материальному действию. Это отражает тот факт, что закономерности лингвистической вежливости

прослеживаются и в невербальном поведении людей, и что подобная теория может быть создана и для невербального взаимодействия.

Таким образом, каждый тип извинения по-своему удовлетворяет потребности слушающего. Цель проспективного извинения, компенсирующего будущий ущерб – устранить возможные «помехи» в ситуации сотрудничества, не допустить переход ситуации сотрудничества в ситуацию конфронтации. Цель же ретроспективного извинения, компенсирующего уже нанесенный ущерб – разрешить реальный конфликт, перевести конфликтную ситуацию в ситуацию гармоничную. Следовательно, цель обоих типов извинений совпадает с социальной целью поддержания гармонии в межличностных отношениях.

Ядерными способами передачи прагматического значения извинения будут являться закреплённые этикетом формулы, которые передают значение извинения в любом контексте. Формулы, закреплённые этикетом во французском языке, содержат в своем составе следующие лексические единицы: *excuser, s'excuser, pardonner, trouver une excuse, chercher d'excuse, prier d'excuse, se mettre à s'excuser, demander pardon*. (*извинять, извиняться, прощать, находить извинение, искать извинение, просить прощение*). Приведем примеры:

(194) – ***On peut entrer? Pas de réponse...- Excusez-moi de vous déranger...*** – *Можно войти? Нет ответа...- Извините меня за беспокойство...*[SPE, с. 465]

(195) ***Il dit encore du bout des lèvres: - Je dois vous paraître absurde. Pardonnez-moi.*** *Он произнес еле слышно: - Я, должно быть, кажусь вам нелепым. Простите меня.*
[TLP, с. 108]

(196) – *Mille pardon, dit-il. -Je m'appelle Cyril... – Тысячу извинений. Меня зовут Кирилл...* [SPH, с. 73]

На периферии поля «просьбы о прощении» располагаются те речевые выражения (свободные высказывания), которые передают значение извинения в соответствующих ситуациях.

Анализ фактического материала позволил нам с семантической точки зрения систематизировать речевые акты извинений следующим образом:

1) извинение за все, что произошло за время общения с определенным человеком

(197) – *De toutes manières, ajouta-t-il avec une sorte d'élan, crois-moi, Dominique, j'ai été très heureux avec toi. - Au revoir, Bertrand, pardonne-moi de tout ! – В любом случае, добавил он с некоторым порывом, поверь мне, Доминик, я был с тобой очень счастлив. - Прощай Бертран, прости меня за все!* [SPH, с. 96]

2) извинение за ложное обвинение

(198) – *Tu dis ça pour me faire plaisir, a-t-il dit, mais tu n'en penses pas un mot.- Bien sûr que si, ai-je dit. Tu es mon ami, je ne vais pas te mentir. Pardonne-moi, a dit Bille. – Ты говоришь это, чтобы сделать мне приятное, сказал он, ноты так совсем не думаешь.- Ну, конечно, нет, возразил я. Ты мой друг, я не буду тебе лгать. –Прости меня, сказал Билл* [PDO, с. 98]

3) извинение – несогласие

(199) – *N'oubliez pas qu'il est le seul à avoir vu quelque chose... Mettez-vous à la place du maître d'hôtel réveillé par des coups de pied. – Pardon! Le nommé Louis était tout habillé,*

cravate y compris... - Не забывайте, что он единственный, кто что-либо видел... Поставьте себя на место метрдотеля, разбуженного пинками в дверь. – Извините! Этот разбуженный Луи был полностью одет и даже в галстуке. [SPE, с. 139]

4) извинение – оправдание

(200) – **Je vous demande pardon, dit-il, je ne vous avais pas vue.** – **Я прошу** прощения, сказал он, я вас не увидел. [SPH, с. 15]

5) извинение-прощание

(201) – **M’excuserez-vous, demanda-t-il de sa voix timide... me pardonneriez-vous si je me retire?** – Вы простите меня, спросил он своим робким голосом, не обидитесь, если я сейчас уйду? [SPO, с. 104]

6) извинение – переспрос

(202) – **Il faut au moins que je déplace cette voiture. –Pardon ? – La voiture, dit Pascal. Elle est mal garée.** – Мне нужно хотя бы переставить эту машину. – Простите? – Машину, сказал Паскаль, она плохо припаркована. [BLN, с. 37]

7) извинение за другого человека

(203) – **Voulez-vous annoncer à votre fils que le commissaire Maigret désire le voir? - Excusez-moi, monsieur le commissaire, mais mon fils ne tient pas beaucoup à la clientèle passage.** – Сообщите пожалуйста вашему сыну, что комиссар Мегрэ желает его видеть. Извините меня, господин комиссар, но мой сын не сильно любит приезжих. [SPE, с. 137]

8) извинение за доставленные неудобства

(204) – **Je vous remercie, monsieur. Et je vous demande d’excuser**

cette visite... – Я вас благодарю и прошу прощения за свой визит...[SPE, с. 87]

9) извинение за вопрос или сказанные слова

(205) – *Quand est-elle morte ? La vieille dame ouvrit de grands yeux. – Morte ? -Excusez-moi: je croyais qu'elle était morte.*
– *Когда она умерла? Старушка широко открыла глаза:*
– *Умерла? - Простите меня: я думал, что она умерла.*
[SPE, с. 49]

10) извинение за какое-либо действие

(206) – *Excuse-moi une seconde, mon vieux. J'ai promis d'appeler ma soeur.* – *Прости, старик, я на минутку. Я обещал позвать сестру.* [SPO, с. 67]

11) перспективное извинение

(207) – *Madame Couchet avait une question sur les lèvres. Elle hésitait à la poser.- Je voudrais vous demander si... C'est délicat... Excusez-moi...* – *Мадам Куше никак не решалась задать вопрос. – Я хотела вас спросить... Это деликатная тема... Извините меня...*[SPE, с. 73]

3.10. Речевой акт пожелания и способы его выражения во французском языке

Многие лингвисты относят РА пожелания к бехабитивам (экспрессивам) наряду с извинением, похвалой, поздравлением, соболезнованием, оскорблением и др. Напомним, что целью данных РА является вербальное выражение реакции говорящего на поведение других людей и повороты их судьбы. Они включают также отношение к чьему-то поведению в прошлом или будущем и

эксплицитное выражение этого отношения.

Некоторые лингвисты [208] рассматривают высказывания-пожелания в качестве отдельного класса оптативов. При выражении оптативности существенную роль играют лексические значения имен существительных и глаголов, образующих оптативные конструкции. У существительных речь идет о значениях одушевленности/неодушевленности, у глаголов о значениях интенциональностит/неинтенциональности.

Значение пожелания также требует личного субъекта, но допускает использование как интенциональных, так и неинтенциональных глаголов, например: *Que ta vie soit longue et heureuse!* Живи долго и счастливо! Чаще всего пожелание относится к тому, что от человека прямо не зависит (счастье, здоровье, долголетие), этим и обусловлено употребление в таких высказываниях неинтенциональных глаголов.

Именно пожелания выражаются в повелительных предложениях с глаголами психологических и эмоциональных состояний типа любить, радоваться, ликовать, бояться, печалиться, волноваться, беспокоиться, сердиться, помнить, опомниться, верить, знать, понимать. Все эти глаголы обозначают не вполне контролируемые или даже совсем не контролируемые ситуации: опомнись! эй, народ, ликуй! бойся их! и т.п. В неконтролируемых ситуациях волеизъявление выступает как простое пожелание.

Повелительные предложения, в которых «каузируется» выполнение полностью или частично неконтролируемого действия, встречаются относительно редко. В них употребляются глаголы типа поправляться, выздороветь.

РА пожелания включает в себя следующие прагматические

типы: пожелания в разговорном обыденном дискурсе, пожелания в застольно-торжественном и праздничном дискурсе. По признаку внеязыковой обусловленности пожелания обыденного дискурса делятся на две разновидности: 1) пожелания, обусловленные релевантными неязыковыми событиями; 2) пожелания, обусловленные аффективными состояниями говорящего.

Наиболее распространенные неязыковые события весьма немногочисленны и поддаются завершённому перечислению: расставание (*bonne route! bon voyage!*), начало трапезы (*bon appetit!*), чихание (*à tes/vos souhaits! à tes/vos amours!*), отход ко сну (*bonne nuit!*). Пожелания, обусловленные аффективным состоянием говорящего, употребляются для выражения говорящим своих положительных эмоций:

(208) – *Amusez-vous, soyez joyeuses, portez-vous bien! Vive la joie !* - *Развлекайтесь, веселитесь, почувствуйте себя хорошо! Да здравствует веселье!* [BLN, с. 18]

Под застольно-торжественным дискурсом понимаются разновидности РА, которые конвенционально возможны и социально одобряемы при проведении разного рода групповых застольных мероприятий, как ритуального характера (свадьбы) так и неритуального. Например: *A votre santé! За здоровье!*

Основываясь на данных толковых словарей русского и французского языков, а также, опираясь на фактический материал, мы считаем возможным придерживаться следующего определения речевого акта пожелания: *вербально выраженное желание говорящего увидеть реализацию чего-либо положительного для слушающего, третьего лица или себя самого. Желание реализации чего-либо негативного не соответствует коммуникативной направленности*

речевого акта пожелания, и подобные высказывания следует отнести к РА проклятия, угрозы, оскорбления.

Семантическая модель РА пожелания подразумевает употребление в первой части глагола желать (*souhaiter*) в строго перформативном смысле, что ясно указывает на коммуникативную направленность РА. Например:

(209) – ***Je vous souhaite que vous ayez la possibilité de passer plus de temps en plein air!*** - *Я желаю вам иметь возможность проводить как можно больше времени на свежем воздухе!* [PDO, с. 68]

Вторая часть высказывания представляет собой гипотетическое предположение положительной бенефактивности для адресата. Она может быть выражена:

1) глаголом в сослагательном наклонении:

(210) - ***Nous souhaitons que vous passiez bien vos examens.*** - *Мы желаем вам удачно сдать экзамены.* [ECA, с. 86]

2) инфинитивом глагола в положительной или отрицательной форме:

(211) - ***Je souhaite à tous d'avoir notre fidélité!*** - *Я желаю всем быть такими же верными как мы!* [AAF, с. 289]

3) существительным, выступающим в роли прямого дополнения к глаголу «желать»:

(212) - ***Je vous souhaite beaucoup de bonheur!*** – *Я желаю вам много счастья!* [AQC, с. 154]

Исследовательский материал показывает, что наряду с перформативной моделью на практике используются примеры выражения пожелания в форме повелительного наклонения глагола:

(213) - ***Soyez heureux!*** - *Будьте счастливы!* [PDO, с. 19]

На наш взгляд, данные РА уместнее было бы рассматривать среди директивов, так как для достижения результата они предполагают совершение адресатом некоторых действий. Также широко распространены в языке речевые реплики-клише со значением пожелания, что можно объяснить экономичностью речи: *Bonne et heureuse année! Bon voyage!* и др. Перформативный глагол в таких высказываниях избыточен, а предполагаемая польза для адресата определяется контекстом.

3.11. Косвенные смыслы квеситивных предложений

Известно, что предложения с одинаковой внешней структурой могут иметь значения разных речевых актов, поэтому «ведущим признаком для коммуникативно-функционального описания предложений должны быть их функциональные свойства, а не особенности их построения» [181]. **Квеситив** – это вопросительное предложение в его традиционном понимании, прагматическим «заданием» которого является получение ответа адресата. Любое квеситивное предложение связано с разным состоянием информационных потенциалов автора квеситива и адресата. Говорящий обнаруживает наличие этой разницы, получая ответ адресата.

Среди квеситивов выделяются вопросительные предложения, выражающие собственно вопрос и интеррогативы, то есть предложения, имеющие вопросительные элементы в своей структуре, но не обязательно выражающие просьбу об информации [102]. Это разделение соответствует наличию первичной и вторичных функций у квеситивов. Вторичные функции реализуются,

когда говорящий не ждет ответа, а именно: когда информация ему известна, когда некому ответить, или же он задает вопрос самому себе [68]. Исследуемый материал позволяет выделить следующие вторичные функции или косвенные смыслы квеситивных предложений:

1) риторические вопросы:

(214) - *Comment aurais-je pu ne pas venir?* – Как я мог не прийти? [ABQ, с. 357]

2) вопросы-просьбы:

(215) -*Pourriez-vous m'enseigner à qui je pourrais m'adresser pour faire un cièrge ?* - Не могли бы вы мне подсказать, к кому я мог бы обратиться, чтобы поставить свечку? [SAS, с. 57]

3) вопросы-предложения:

(216) -*Le prêtre proposa soudain : « Et s'il était possible de prendre ce canon ? »* - Священник неожиданно предложил: «А не перейти ли нам к этой молитве?» [PLH, с. 246]

4) вопросы-осуждения:

(217) -*Pourquoi peindre la maison en rouge?* – Зачем красить дом в красный цвет? [PLH, с. 35]

5) переспросы:

(218) - *Qu'allons-nous faire ? Je vais vous le dire. D'abord, légitimer et baptiser l'enfant.* – Что будем делать? Я вам скажу. Сначала узаконим и покрестим ребенка. [CMA, с. 236]

6) рефлексивные вопросы, задаваемые самому себе, либо такие, на которые говорящий собирается тут же ответить сам, либо

такие, на которые он не знает ответа:

(219) - *Où est-ce que j'ai mis mes lunettes ?* – *Куда я положил свои очки?* [МЕВ, с. 65]

К рефлексивным вопросам следует отнести контактоустанавливающие вопросы, вопросы-удивления:

(220) - *C'est moi qui ai dit ça?* – *Это сказал я ?* [SAS, с. 124]

Решающим фактором косвенного осмысления интеррогативов является наличие типичных «схем поведения», естественных для говорящего и слушающего. Ожидаемые варианты вербальной или невербальной реакции, как правило, очевидны для обоих участников диалога, имеющих общую стратегию поведения. Они играют важную роль в процессе практического вывода, ведущего к косвенному осмыслению квеситивов.

Все вторичные функции вопросительного предложения можно разделить на четыре поля: 1) поле информативности (ПИ); 2) эмоционально-оценочное поле (ЭОП); 3) поле побудительности (ПП); 4) контактное поле (КП).

Перечисленные элементы составляют периферию поля вопросительности (ПВ), которое может в свою очередь пересекаться с указанными полями или с несколькими из них и образовывать следующие значения вопросительного предложения:

- ПВ + ПИ = вопросительные высказывания со значением утверждения с различной степенью уверенности говорящего: РА со значением обобщения, согласия, несогласия;

- ПВ + ЭОП = высказывания с различными эмоциональными оттенками значений, такими как удивление, испуг, спасение, гнев, сочувствие, презрение, возмущение, восхищение и т.д.

- ПВ + КП = высказывания, выражающие побуждение начать разговор, проверку говорящим понимания его слов слушающим, побуждение продолжить, пояснить, уточнить предшествующее высказывание собеседника, подготовку следующего сообщения с целью подчеркнуть его значимость, заинтересовать слушающего;

- ПВ + ПИ + ЭОП = высказывания, содержащие оценочные комментарии, иронические замечания;

- ПВ + ПП (ПК) + ЭОП = эмоциональные побуждения, выраженные вопросительными по форме предложениями, либо эмоциональные вопросительные высказывания с контактной функцией;

- ПВ + ПИ + ПП = речевые акты со значением совета, напутствия, предложения.

ВЫВОДЫ

1. Классификация речевых актов опирается, прежде всего, на заложенные в них коммуникативные намерения (интенции) говорящего. По иллокутивной силе большинство лингвистов различают: констати́вы, декларати́вы, комисси́вы, директи́вы, экспресси́вы, опта́тивы, интеррогати́вы.
2. Комиссивы – это те иллокутивные акты, целью которых является возложение на говорящего обязательства совершить некоторое будущее действие в интересах адресата или следовать определенной линии поведения. В свою очередь комиссивные РА подразделяются на более частные виды: обещание, клятву, присягу, обет, зарок, заверение, уверение, гарантию. Речевой акт обещания или промиссив – это данное кому-нибудь добровольное обязательство, заверение выполнить какое-нибудь действие в пользу адресата, что составляет 2 части предложенной нами семантической модели. Первая часть может быть выражена перформативным глаголом *promettre* в 1 лице ед. числа. Вторая часть представлена неимперативными глагольными формами индикатива. С позиций синтаксиса обещание передается повествовательными конструкциями.
3. Клятва представляет собой торжественное обещание, утверждение, уверение, подкрепленное упоминанием чего-либо священного, ценного, авторитетного для того, кто уверяет, обещает. Как показывает исследовательский материал, особенностями РА клятвы являются: неизменная направленность в будущее; реальность провозглашаемого, где гарантом выступает автор высказывания; необязательность соотносительности клятвы со слушающим. Последний момент отличает РА клятвы от РА

обещания.

4. Речевые акты приказа и команды относятся к числу директивов, так как изначально представляют собой требование, представленное в глубинной структуре инъюнктива, содержанием которого служит прямое побуждение адресата к действию. Директивные РА характеризуются облигаторностью выполнения действия для адресата, приоритетностью позиции говорящего. Признак бенефактивности здесь не релевантен. Среди прямых способов выражения приказа и команды мы выделяем такие, в которых присутствует перформативный глагол *ordonner*. Гораздо чаще встречаются высказывания, содержащие в себе императивную конструкцию. Также среди глагольных средств, наряду с императивом довольно часто используются неимперативные глагольные формы (настоящее и будущее время индикатива, настоящее время кондиционала, сюбжонктива, инфинитив). Вариативность косвенных способов выражения данных типов директивных речевых актов (РА) проявляется и в том, что приказы и команды могут передаваться при помощи транспозиции других типов РА в сферу инъюнктивной семантики.
5. Речевой акт просьбы – это директивный речевой акт, представляющий собой побуждение к действию, бенефактивному для говорящего, решение об исполнении которого, принимается адресатом. Под прямым способом выражения РА просьбы мы понимаем наличие в высказывании перформативных глаголов *demande* или *prier*, где сама структура высказывания определяет иллюкутивное намерение говорящего. Под косвенными способами выражения просьбы мы понимаем высказывания, в которых отсутствует перформативный глагол, либо другой маркер просьбы

и значение названного РА выражено имплицитно. При выборе тактики просьбы говорящий рассчитывает на максимальное сопротивление со стороны слушающего. Это выражается в особо тщательном планировании коммуникативных ходов. Мы выделили следующие коммуникативные ходы, к которым прибегает говорящий при реализации просьбы: апелляция к чувствам, отношениям; апелляция к качествам партнера; апелляция к разуму. В целом, анализ собранного материала показывает, что коммуникативная тактика реализации просьбы может сводиться к использованию различных коммуникативных ходов. При необходимости она может включать ходы других речевых тактик (угрозы, упрёка, оскорбления, обвинения, уличения, обиды, жалобы, лести, похвалы, комплимента и т.д.), которые расширяют диапазон воздействия на партнера и способствуют успешной реализации коммуникативной задачи.

6. Речевой акт совета наряду с предложением, рекомендацией, приказом, распоряжением, требованием, просьбой и др. является частным видом директивных речевых актов, и представляет собой мнение, высказанное по поводу того, как поступить, что делать в том или ином случае. Специфическими условиями успешности РА совета являются: обращение старшего по статусу к младшему (или равного к равному); близкая психологическая дистанция; непринужденная обстановка общения; полезность действия для адресата; необязательность выполнения действия адресатом. С позиции принципа вежливости РА совета, очевидно, следует отнести к категории «невежливых», так как, давая совет, говорящий, прежде всего, вторгается в сферу существования адресата, и, тем самым, нарушает правило непосагаемости на его

права. Во-вторых, в какой-то степени навязывает ему свою точку зрения. Вежливость предписывает соблюдение определенных ограничений на тематическое содержание совета. При далекой социально-психологической дистанции следует воздерживаться от советов, касающихся личной жизни собеседника. Такие советы чаще носят профессиональный характер. В случае более близкой психологической дистанции советы могут касаться поведения в разных ситуациях личного характера. При выборе формы выражения совета, уместной в определенном коммуникативном контексте, необходимо учитывать прагматический потенциал различных форм выражения совета, который является следствием их грамматической семантики.

7. Иллокутивная цель экспрессивов состоит в том, чтобы выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционного содержания. Экспрессивный РА представлен глаголами, которые содержат экспрессивную окраску и употребляются для выражения чувств говорящего. Образцовыми глаголами для экспрессивов являются: благодарить, поздравлять, оскорблять, извиняться, сочувствовать, сожалеть, приветствовать (*remercier, féliciter, insulter, pardonner, compatir, regretter, saluer*). Основной особенностью экспрессивного РА является эмоциональная оценка ситуации и искреннее выражение чувств говорящего.
8. Речевой акт оскорбления – проявление агрессивного типа поведения, которое представляет собой выражение крайне негативного отношения говорящего к слушающему путем приписывания ему пейоративных признаков и нанесение ему тем

самым эмоционального ущерба. Среди некоторых особенностей РА оскорбления следует отметить: РАО не может быть выражен перформативно; РАО представляет собой гибридный РА, то есть объединение в одном высказывании двух и более интенций говорящего. Так, например, речевые акты угрозы и приказа часто сопровождаются оскорблениями; РАО принадлежит к эмоционально-оценочным актам, содержащим экспрессивную, а также разговорно-сниженную и бранную лексику; для РАО характерен экспрессивный синтаксис (изменение порядка слов, эллиптические конструкции, повторы, парцелляция и др.).

9. Речевой акт похвалы также относится к классу экспрессивов или в классификации Дж. Остина бехабитивов, которые представляют собой смешанную группу речевых актов, связанную с общественным поведением и взаимоотношениями людей. Они включают также отношение к чьему-то поведению в прошлом или в будущем и эксплицитное выражение этого отношения. РА похвалы – это иллокутивный акт, принадлежащий к классу бехабитивов, выражающий положительное отношение к чьим-либо поступкам, одобрительную реакцию на поведение и обязывающий говорящего вести себя определенным образом. По коммуникативной цели тактика похвалы сближается с тактикой комплимента. Цель РА похвалы и комплимента тесно связана с миром оценок, причем положительных. Однако между комплиментом и похвалой есть отличие, заключающееся в том, что для похвалы положительная оценка является основной целью, а для комплимента – способом сообщить о добрых чувствах, о благорасположении. Различия между комплиментом и похвалой

обнаруживаются и в пропозициональном содержании. Похвала предполагает оценку качеств, знаний, умений адресата, т.е. в область диктума включается поступок, действия, качества личности, проявленные при каких-либо обстоятельствах. Чтобы получить похвалу, нужно совершить нечто, проявить себя с положительной стороны. Условно говоря, похвала – оценка достижений.

10. Речевой акт извинения – это просьба о прощении у кого-либо за что-либо. Ретроспективное извинение также как проспективное извинение, представляют собой систему стратегий. Помимо собственно просьбы о прощении, принято выделять следующие стратегии: 1) объяснение причины поступка, приведшего к конфликту, чаще всего какой-то внешней по отношению к говорящему; 2) принятие на себя ответственности за случившееся, признание собственной ошибки или вины; 3) обещание не совершать подобных поступков в будущем; 4) предложение о возмещении ущерба. Ядерными способами передачи прагматического значения извинения являются закрепленные этикетом формулы, содержащие в своем составе следующие лексические единицы: *excuser, s'excuser, pardonner, trouver une excuse, chercher d'excuse, prier d'excuse, se mettre à s'excuser, demander pardon*. (извинять, извиняться, прощать, находить извинение, искать извинение, просить прощение). На периферии поля «просьбы о прощении» располагаются те речевые выражения (свободные высказывания), которые передают значение извинения в соответствующих ситуациях. Анализ фактического материала позволил нам с семантической точки зрения систематизировать речевые акты извинений следующим образом: 1) извинение за все,

что произошло за время общения с определенным человеком; 2) извинение за ложное обвинение; 3) извинение – несогласие; 4) извинение – оправдание; 5) извинение-прощание; 6) извинение – переспрос; 7) извинение за другого человека; 8) извинение за доставленные неудобства; 9) извинение за вопрос или сказанные слова; 10) извинение за какое-либо действие; 11) проспективное извинение

11. Многие лингвисты относят РА пожелания к экспрессивам или к оптативам. При выражении оптативности существенную роль играют лексические значения имен существительных и глаголов, образующих оптативные конструкции. Речевой акт пожелания - это вербально выраженное желание говорящего увидеть реализацию чего-либо положительного для слушающего, третьего лица или себя самого. Чаще всего пожелание относится к тому, что от человека прямо не зависит (счастье, здоровье, долголетие), этим и обусловлено употребление в таких высказываниях неинтенциональных глаголов. Именно пожелания выражаются в повелительных предложениях с глаголами психологических и эмоциональных состояний типа любить, радоваться, ликовать, бояться, печалиться, волноваться, беспокоиться, сердиться, помнить, опомниться, верить, знать, понимать. В неконтролируемых ситуациях волеизъявление выступает как простое пожелание. Повелительные предложения, в которых «каузируется» выполнение полностью или частично неконтролируемого действия, встречаются относительно редко. В них употребляются глаголы типа поправляться, выздоравливать. РА пожелания включает в себя следующие прагматические типы: пожелания в разговорном быденном дискурсе, пожелания в

застольно-торжественном и праздничном дискурсе. По признаку внеязыковой обусловленности пожелания обыденного дискурса делятся на две разновидности: 1) пожелания, обусловленные релевантными неязыковыми событиями; 2) пожелания, обусловленные аффективными состояниями говорящего. Наиболее распространенные неязыковые события весьма немногочисленны и поддаются завершённому перечислению. Пожелания, обусловленные аффективным состоянием говорящего, употребляются для выражения говорящим своих положительных эмоций.

12. Среди квеситивов выделяются вопросительные предложения, выражающие собственно вопрос и интеррогативы, не обязательно выражающие просьбу об информации. Это разделение соответствует наличию первичной и вторичных функций у квеситивов. Вторичные функции реализуются, когда говорящий не ждет ответа, а именно: когда информация ему известна, когда некому ответить, или же он задает вопрос самому себе. Исследуемый материал позволяет выделить следующие вторичные функции или косвенные смыслы квеситивных предложений: риторические вопросы, вопросы-просьбы, вопросы-предложения, вопросы-осуждения, переспросы, рефлексивные вопросы. Все вторичные функции вопросительного предложения можно разделить на четыре поля: 1) поле информативности; 2) эмоционально-оценочное поле; 3) поле побудительности; 4) контактное поле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с обозначенной темой: “Прагматические аспекты речевых актов различной коммуникативной направленности в современном французском языке” в предлагаемом исследовании решался целый комплекс задач.

Во-первых, это краткое изложение основных положений ТРА в свете нового этапа развития лингвистической прагматики и анализ различных подходов к классификации типов высказываний с целью определения в них места РА изучаемого типа. Это также теоретический обзор трудов отечественных и зарубежных исследователей, посвященных изучению РА различной коммуникативной направленности.

Во-вторых, это проблема поэтапного описания семантических и прагматических особенностей РА разных коммуникативных значений, в связи с чем были выявлены семантические признаки указанных РА и на их основе построены семантические модели. Построение моделей было предпринято на основе характеристик, предложенных Дж. Серлем, и определяемых им как условия успешности осуществления РА (условия пропозиционального содержания, подготовительные и существенные условия). Модель РА включает в себя тип пропозиции. Поскольку пропозиция по Серлю включает акт пропозиции и референции, то существенным для исследования являлось определение типа референции и типа предикации для исследуемых РА.

Следующим этапом работы явился анализ языкового материала с целью выявления: а) лингвистических средств, передающих указанное прагматическое значение при невозможности (напрмер, в случае менасива) эксплицитного представления с помощью называющего данное значение глагола; б) способов варьирования этих

средств. Кроме того, достижения прагмалингвистики и теории речевых актов обогащают изучение данных РА возможностью их анализа с учетом воздействия контекста, текстовой и коммуникативной ситуаций, необходимостью включения в анализ условий и всего окружения языкового общения, социальных ролей и статусных характеристик говорящего и слушающего.

Анализ средств морфолого-синтаксического уровня в отобранном языковом материале позволил заключить, что во французском языке сложилась целая парадигма прямых и косвенных языковых средств, служащих для выражения РА разной коммуникативной направленности, что позволило говорить о прямых и косвенных РА указанных типов.

Прямые способы выражения РА признаются нами таковыми на основании того факта, что иллокутивное намерение говорящего (даже выраженное имплицитно) определяется самой структурой высказывания, без привлечения контекста.

Косвенные способы выражения РА предполагают ту или иную трансформацию исходной семантической модели, которая может быть полной или частичной. И полное (семантические транспозиции) и частичное (качественное и количественное) видоизменение семантической модели требуют привлечения механизма логического вывода и преодоления все большего количества ступеней инференции для определения иллокутивного намерения говорящего, поэтому исчисление иллокутивной силы высказывания в случае косвенных РА становится невозможным без контекста. Таким образом, данное исследование подтвердило мысль Н.Д.Арутюновой и Е.В.Падучевой о том, что взаимодействие РА и контекста составляет основной стержень прагматических исследований.

Исследование фактического материала показало, что функционирование прямых и косвенных РА находится в зависимости от социально-психологического контекста. Употребление прямых РА в антисоциальных ситуациях обусловлено сознательным отказом говорящего от соблюдения общественно приемлемых форм поведения, а, следовательно, и от необходимости воплощения “невежливых” коммуникативных целей в виде “вежливых” косвенных форм. В социально-нормативных ситуациях употребление прямых РА обосновывается наличием у говорящего определенного вида “права” на нарушение норм поведения (более высокий социальный статус, социально оправданная цель). В случае отсутствия у говорящего подобного “права”, в ситуации речевого взаимодействия функционируют косвенные формы. Употребление косвенных форм вызвано желанием говорящего избежать открытого конфликта и “конформировать” с нормами общественного поведения.

Тенденция к косвенному выражению намерений объясняется также экспрессивностью и лаконичностью косвенных высказываний.

Данное исследование подтвердило положение Д.Н.Лича о том, что высказывания обладают различной степенью косвенности, и обосновало правомерность выделения трех степеней косвенности при имплицативном выражении аподозиса: а) импликация агенса действия; б) косвенное описание самого действия или его результата; в) ненормативная номинация слушающего. Было замечено, что с увеличением степени косвенности возрастает и степень вежливости. С возрастанием степени косвенности в высказывании присутствует все меньшее число чисто языковых показателей передаваемого значения и возрастает роль фоновых знаний и контекста.

Одной из задач данной работы являлось изучение ситуативной

вариативности РА. Ситуативная вариативность тесно связана со стратификационной вариативностью, которая обнаруживается в речевых различиях представителей разных социальных слоев, вызываемых их положением в обществе, классовой и профессиональной принадлежностью, образованием, возрастом, полом. Немаловажную роль играют и социальные роли участников коммуникации, определяющие речевое поведение последних, и вносящие в речевое общение определенные социальные, обусловленные практикой свойства и регулирующие любое вербальное взаимодействие.

Таким образом, анализ языкового материала с учетом коммуникативного намерения говорящего, обстановки протекания РА, социальных отношений между коммуникантами и прочих пресуппозиционных факторов может позволить выявить связи и закономерности использования языковых выражений в типичных коммуникативных ситуациях и установить прагматические правила их употребления.

Отдельное внимание в нашей работе было уделено исследованию национальной специфики выражения менасивной и авертивной семантики во французском языке. Это позволило составить список фразорефлексов, передающих значение угрозы и предупреждения, характерных для французского языка, который приводится в приложении.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Агапова С.Г.* Прагмалингвистический аспект английской диалогической речи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов н/Д: РГПУ, 2003. – 42 с.
2. *Аллен Дж. Ф., Перро Р.* Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. - Вып. 17: Теория речевых актов. - С. 322 -363.
3. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. – М.: Наука, 1974. – 366 с.
4. *Апресян Ю.Д.* Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз, 1986. – Т. 45. – № 3. – С. 208 – 223.
5. *Арнольд И.В.* Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // ВЯ АН СССР, 1982. –№ 4.– С. 83 – 91.
6. *Арутюнова Н.Д.* Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз, 1973. – Т. 32. – № 1. – С. 84–89.
7. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл // Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
8. *Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз, 1981.– Т. 40. – № 4. – С. 356 – 367.
9. *Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С.3–43.
10. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка, Событие, Факт // АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
11. *Арутюнова Н.Д.* Побудительное предложение и директивные речевые акты // Человеческий фактор в языке. Коммуникация,

- модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – С.127 –130.
12. *Арутюнова Н.Д.* Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С.106 – 117.
 13. *Арутюнова Н.Д., Матвеева Т.В.* Коммуникативный аспект языка. –М.,2003. –204 с.
 14. *Архипкова А.Ю.* Выражение совета в английской и русской коммуникативных культурах: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 193 с.
 15. *Бабкина Л.Г.* Вопросительные и побудительные предложения в системе гипотаксиса / на материале современного французского языка/: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1980. – 20 с.
 16. *Багдасарян В.Х.* Проблема имплицитного. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1983. – 138 с.
 17. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 416 с.
 18. *Барчунова Т.В.* Коммуникативная функция языка и методология современной лингвистики // Методологические и философские проблемы языкознания и литературоведения. – Новосибирск, 1984. – 335с.
 19. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Иск-во, 1979. – 423 с.
 20. *Безменова Н.А., Герасимов В.И.* Некоторые проблемы теории речевых актов // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. – М.: ИНИОН, 1984. – С.146-197.
 21. *Бейкер А.* Пресуппозиция и типы предложений // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1985. - Вып. 16: Лингвистическая прагматика. - С.406-419.

22. *Бельский А.Б.* Побудительная речь // Ученые записки 1-го МГПИИЯ им. М. Тореца. - М., 1953. - Т. 6. - С.81-147.
23. *Беляева Е.И.* Коммуникативная ситуация и речевой акт просьбы в английском языке // ИЯШ. - М., 1987 (а). - № 1. - С.6-9.
24. *Беляева Е.И.* Модальность в различных речевых актах // Филологические науки. - М.: Высшая школа, 1987 (б). - № 3. - С. 64-69.
25. *Беляева Е.И.* Модальность и прагматические аспекты директивных речевых актов в английском языке: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. - М., 1988.- 33 с.
26. *Беляева Е.И., Климкина Е.Е.* Грамматика и прагматика речевого акта совета // Методические указания для самостоятельной работы студентов 3-го курса. - Воронеж: ВГУ, 1990.- 16 с.
27. *Беляева Е.И.* Грамматика и прагматика побуждения. Английский язык. - Воронеж: ВГУ, 1992.- 168 с.
28. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика: Пер. с фран.- М.: Прогресс, 1984. - 447 с.
29. *Бикель М.М.* Языковые средства выражения побудительности и их стилистическое значение: на материале немецкого языка: Дис. ... канд. филол. наук. - Горький, 1967. -207 с.
30. *Бирюлин Л.А.* Волюнтативные рамки в структуре побуждения // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте: Тезисы докладов рабочего совещания. - М., 1987. - С. 17-20.
31. *Благий Т.Л.* Коммуникативно-прагматические классы предложений угрозы, страха и опасения в современном немецком языке: Дис... канд. филол. наук. - Иркутск, 1994. -161с.
32. *Блакар Р.М.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и

- моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – 462 с.
33. *Богданов В.В.* Семантико-синтаксическая организация предложения: Дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1977. - 202 с.
 34. *Богданов В.В.* Иллокутивная функция высказывания и перформативный глагол // Содержательные аспекты предложения и текста: Сборник науч. статей. - Калинин: КГУ, 1983. - С. 27-38.
 35. *Богданов В.В.* Деятельностный аспект семантики // Прагматика и семантика синтаксических единиц: Сборник науч. трудов. - Калинин: КГУ, 1984. - С. 12-23.
 36. *Богданов В.В.* Перформативное предложение и его парадигмы // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса: Сборник науч. трудов. - Калинин: КГУ, 1985. - С. 18-28.
 37. *Богданов В.В.* Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения: Сборник науч. трудов. - Калинин: КГУ, 1989. - С.25-37.
 38. *Богданова Р.М.* Побудительная речь. Проблемы типологии и интерпретации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1990. - 20 с.
 39. *Богомолов А.С.* Английская буржуазная философия XX века. - М.: Мысль, 1973. - 317 с.
 40. *Богуславский И.М.* Исследования по синтаксической семантике. - М.: Наука, 1985. - 174 с.
 41. *Богушевич Д.Г.* О взаимодействии категорий эпизодов общения // Прагматика и логика дискурса: Сборник науч. трудов. - Ижевск, 1991. - С.73-78.
 42. *Бондарко А.В.* К вопросу о транспозиции. - В кн.: Вопросы языкознания: Уч. зап. ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1963. - Т. 248. -

С.51-60.

43. *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. - Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. - 136 с.
44. *Боргер Л.В.* Комплексный анализ речевых актов негативной реакции: на материале современных драматических произведений: дис... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004. – 173 с.
45. *Борисова И.Н.* Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге// Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург, 1996. – С. 21-48.
46. *Бричко А.С.* Семантические и коммуникативно-прагматические особенности модальных единиц уверенности - сомнения в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1989. - 20 с.
47. *Булыгина Т.В.* О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз, 1981. - Т. 40. - № 4. - С. 333 - 342.
48. *Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. - М.: Наука, 1982. – С. 7-85.
49. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка: Язык речевых действий. - М.: Наука, 1994. - С. 49-59.
50. *Бюлер К.* Теория языка (извлечение) // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. - М., 1960, ч. 2. - С. 21-37.
51. *Вежбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1985. - Вып. 16: Лингвистическая прагматика. - С. 251-276.
52. *Вежбицка А.* Язык. Культура. Познание. - М.: Русские словари. -

1996. - 416 с.

53. *Верещагин Е.М.* Тактико-ситуативный подход к речевому поведению “угроза” // Русистика. - Berlin: Dieter Lenz Verlag, 1990. - № 1. - С. 26-32.
54. *Ветошкина М.К.* Морфологические средства выражения связи между самостоятельными предложениями в тексте (словообразование/формообразование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1980. - 24 с.
55. *Ветошкина М.К.* О непосредственно составляющих диалога // Функционирование и развитие языковых систем. - Минск, 1990. - С.13-17.
56. *Ветошкина М.К.* К вопросу об исчислении коммуникативных ролей // Прагматика и логика дискурса: Сборник науч. статей. - Ижевск, 1991. - С. 78-84.
57. *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1985. - Вып. 16: Лингвистическая прагматика. - С.238-250.
58. *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения/ вступ. ст. Л.П. Крысина. – 3-е изд., - М.: Изд-во ЛКИ, 2007. -176 с.
59. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. - М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. - 132 с.
60. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1985. - Вып. 16: Лингвистическая прагматика. - С. 79-129.
61. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. - М.: Наука, 1985. - 228 с.
62. *Вольф Е.М.* Субъективная модальность и семантика пропозиции

// Прагматика и проблемы интенциональности. - М.: Наука, 1988.
- С. 124-143.

63. *Восканян Г.Р.* О структуре диалога с речевыми актами обязательства // Структура и семантика сверхфразовых единиц в германских языках. - Пятигорск: ПГПИИЯ, 1983. - С. 88-98.
64. *Вронская Ю.В.* Когнитивно-прагматические особенности высказываний с глаголами речи в современном английском языке (в сопоставлении с современным русским языком): Автореф. дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1998. – 20 с.
65. *Вышкин Е.К.* К проблеме разграничения семантики и прагматики. Коммуникативно-прагматические функции языковых единиц/ Е.К. Восканян. – Куйбышев, 1990. –С. 3-5.
66. *Гак В.Г.* Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. - М.: Наука, 1973. - С. 349-372.
67. *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис: Для институтов и факультетов иностр. языков. - М.: Высшая школа, 1981. - 208 с.
68. *Гак В.Г.* Прагматика, узус и грамматика речи // ИЯШ. - М.,1982. - № 5. - С. 11-17.
69. *Гак В.Г.* Введение во французскую филологию. - М.: Просвещение, 1986(а). -184 с.
70. *Гак В.Г.* Прагматические аспекты высказывания // Современные проблемы романистики: Функциональная семантика: Тезисы V Всесоюзной конференции по романскому языкознанию / АН СССР. Инс-т языкозн., КГУ, 1986 (б). - Т. 1. - С.58.
71. *Гак В.Г.* Номинация действия // Логический анализ языка: Модели действия. - М.: Наука, 1992 (а). - С. 77-84.
72. *Гак В.Г.* Сопоставительная прагматика // Филологические науки.

- М.: Высшая школа, 1992 (6). - № 3. - С.78-90.
73. *Гак В.Г.* Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. - М.: Высшая школа, 1995. - № 4. - С. 47-55.
74. *Гардинер А.* Различие между “речью” и “языком” // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. - М., 1960, ч. 2. - С. 13-21.
75. *Гаршина Е.А.* Побудительное предложение в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук. - М., 1968. - 20 с.
76. *Гашева О.В.* Речевой акт обещания в современном французском и английском языках: семантико-прагматический и грамматический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 24 с.
77. *Гилева А.В.* Оценочные стратегии в языке британской качественной и массовой прессы: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 2005. –26 с.
78. *Гладуш Н.Ф.* Повествовательные директивы в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук /КГПИИЯ. - Киев, 1985. - 22 с.
79. *Гловинская М.Я.* Русские речевые акты и вид глагола // Логический анализ языка: Модели действия. - М.: Наука, 1992. - С.123-130.
80. *Гловинская М.Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. - М.: Наука, 1993. - С.158-218.
81. *Гордон Д., Лакофф Дж.* Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1985. - Вып. 16: Лин-

гвистическая прагматика. - С. 276-303.

82. *Горелов И.Н.* Невербальные компоненты коммуникации. - М.: Наука, 1980. - 104 с.
83. *Горишкова О.В.* Коммуникативная стратегия в диалогическом дискурсе// Актуальные проблемы коммуникации и культуры-2.: междунар. сб. науч. тр. – М., Пятигорск: ПГЛУ, 2005. – С.24-28.
84. *Готлиб Н.В.* Семантико-прагматические особенности высказываний, не допускающих экспликации перформатива: Дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1989. - 197 с.
85. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1985. - Вып.16: Лингвистическая прагматика. - С. 217-237.
86. *Грачева Л.И.* Средства выражения разрешения и запрещения во французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1982. - 16 с.
87. *Гулакова И.И.* Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: Дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2004. – 152 с.
88. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1984. - 397 с.
89. *Гусева Л.П.* Некоторые прагматические особенности речи подростков // Речевые акты в лингвистике и методике: Сборник науч. трудов. - Пятигорск: ПГПИИЯ, 1986. - С. 52-65.
90. *Девкин В.Д.* Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. - М.: Международные отношения, 1979. - 256 с.
91. *Дейвисон А.* Лингвистическое или прагматическое описание: размышления о парадоксе перформативности // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986. - Вып. 17: Теория

речевых актов. - С.235-270.

92. *Дейк, ван Т.А.* Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1978. - Вып. 8: Лингвистика текста. - С. 259-336.
93. *Дейк, ван Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. - М., 1989. - 312 с.
94. *Демьянков В.З.* Теория Речевых Актов в контексте современной зарубежной лингвистической литературы // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986. - Вып. 17: Теория речевых актов. - С.223 - 235.
95. *Денисюк Е.В.* Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Екатеринбург, 2004. - 23 с.
96. *Доброва Г.Е.* Слитные речевые акты при реализации различных установок говорящего в английской диалогической речи: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004. – 182 с.
97. *Долинин К.А.* ИмPLICITное содержание высказывания // ВЯ АН СССР, 1983. - № 6. - С.37 - 47.
98. *Дорошенко А.В.* Побудительные речевые акты и их интерпретация в тексте (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. -М., 1985.-26 с.
99. *Жданова Е.В.* Личность и коммуникация: практикум по речевому взаимодействию. М.: Флинта: Наука, 2010. – 176 с.
100. *Ерофеева Е.В.* Прямые и косвенные способы выражения речевого акта угрозы во французском языке// Филол. науки. 1997. № 1. -С. 66-74.
101. *Ерофеева Е.В.* Речевые акты со значением предупреждения нежелательного действия в современном французском языке:

- Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1997. - 16 с.
102. *Есперсен О.* Философия грамматики. - М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. - 404 с.
 103. *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. - М.: Русский язык, 1979. - 240 с.
 104. *Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка. - М.: Высшая школа, 1981. - 285 с.
 105. *Ивин А.А.* Строгий мир логики. - М.: Педагогика, 1988. - 126 с.
 106. *Иртеньева Н.Ф.* О лингвистической пресуппозиции // Проблемы семантического синтаксиса. - Пятигорск: ПГПИИЯ, 1975. - С. 10-17.
 107. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. - 4-е изд., стереотип. - М.: КомКнига, 2006. - 288 с.
 108. *Иссерс О.С.* Речевое воздействие: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. - 224 с.
 109. *Кайкова И.Б.* Прагматический аспект предложения (на материале побудительных высказываний немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1993. - 16 с.
 110. *Карасик В.И.* Ритуальный дискурс// Жанры речи: Сб. научных статей. Вып.3. Саратов, 2002. -С.157-170.
 111. *Карасик В.И.* Социальный статус человека в лингвистическом аспекте// «Я», «Субъект», «Индивид» в парадигмах современного языкознания: Сб. научно-аналитических обзоров. М., 1992. - С. 47-85.
 112. *Караулов Ю.Н.* русский язык и языковая личность. - М.: Наука, 1987. - 263 с.
 113. *Карнап Р.* Значение и необходимость. Исследование по

- семантике и модальной логике. - М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959. - 328 с.
114. *Карцевский С.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. - М.: Просвещение, 1965. - С. 85-90.
 115. *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* «Свое» - «Чужое» в коммуникативном пространстве митинга// Русистика сегодня. 1995. № 1. – С.93-116.
 116. *Кифер Ф.* О пресуппозициях // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1978. - Вып. 8: Лингвистика текста. - С. 337 -370.
 117. *Кифер Ф.* О роли прагматики в лингвистическом описании // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1985. - Вып. 16: Лингвистическая прагматика. - С. 333 -349.
 118. *Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б.* Слушающие и Речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986. - Вып. 17: Теория речевых актов. - С. 270-322.
 119. *Кобозева И.М.* Теория Речевых Актов как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986. - Вып. 17: Теория речевых актов. - С. 7-21.
 120. *Кобозева И.М., Лауфер Н.И.* Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка: Язык речевых действий. - М.: Наука, 1994. - С. 63-71.
 121. *Колианский Г.В.* Функции паралингвистических средств в языковой коммуникации //ВЯ АН СССР, 1973. - № 1. - С. 16 -23.
 122. *Колианский Г.В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. - М.: Наука, 1975. -230 с.

123. *Колианский Г.В.* Текст как единица коммуникации. - В кн.: Проблемы германского и общего языкознания. - М.: Изд-во МГУ, 1978. - С. 26 -37.
124. *Колианский Г.В.* Прагматика языка. - В кн.: Лингвистика и методика в высшей школе. Выпуск IX: Сборник науч. трудов. - М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1979. - № 151. - С. 3.
125. *Колианский Г.В.* Контекстная семантика. - М.: Наука, 1980. - 146 с.
126. *Конрад Р.* Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986. - Вып. 16: Лингвистическая прагматика. - С. 349-384.
127. *Корди Е.Е.* Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Л. 1989. - 39 с.
128. *Корзина С.А.* Французский язык: Речевые клише в диалогической речи. - М.: Высшая школа, 1991. - 109 с.
129. *Кочарян К.Э.* Коммуникативное задание речевого акта выпытывания // Речевые акты в лингвистике и методике: Сборник науч. трудов. - Пятигорск: ПГПИИЯ, 1986. - С.92-93.
130. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. – М.: Гнозис, 2001. – 270 с.
131. *Крысин Л.П.* Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. - М.: Наука, 1976. - С.42-52.
132. *Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи// Русский язык конца XX столетия (1985-1995 гг.). М., 1996.
133. *Кухаренко В.А.* Типы и средства выражения импликации в английской художественной прозе // Филологические науки. -

М.: Высшая школа, 1974. - № 1. - С. 72-80.

134. *Кюрегян А.Г.* Функционально-семантический класс побудительных стереотипных коммуникативов диалогического текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1990. - 22 с.
135. *Лазарев В.В., Гусева Л.П.* Логико-семантические и мотивационные основания прямой и косвенной речевой номинации // Личностные аспекты языкового общения: Сборник науч. трудов. - Калинин: КГУ, 1989. - С. 129 -135.
136. *Лазарь В.В.* Косвенные речевые акты в сложносочиненном комплексе французского дискурса: Дис. ...канд. филол. наук. - М., 1990. -210 с.
137. *Лакофф Дж.* Прагматика в естественной логике // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1985. - Вып. 16: Лингвистическая прагматика. - С. 439- 471.
138. *Лантева О.А.* Изучение русской разговорной речи в отечественном языкознании последних лет // ВЯ АН СССР, 1972. - № 2. - С. 35-47.
139. *Ларина Т.В.* Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации (на материале английской и русской коммуникативных культур): Дис. ... д-ра филол. наук. - М., 2003. - 494 с.
140. *Ларина Т.В.* Категория «вежливость» как отражение социально-культурных отношений (на материале английской и русской коммуникативных культур)// Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. -2003, № 4. С. 139-149.
141. *Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. - М.: Наука, 1969. - 306 с.

142. *Леонтьев А.А.* Деятельность, сознание, язык // Вопросы философии. - М., 1977. - № 12. - С. 66-68.
143. *Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности: некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. – 3-е изд. стереотип. – М.: КомКнига, 2006. – 248 с.
144. *Лисенко М.В.* Место стратегий извинения в гармонизирующем межличностном отношении: на материале английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб.: РГПУ, 1999. -16 с.
145. *Логика: наука и искусство / Под ред. В.С. Меськова и др.* - М.: Высшая школа, 1993. - 332 с.
146. *Любимов А.О.* Вопрос как косвенный речевой акт побуждения // Лексико-семантические структуры в языке и речевой деятельности. - М.: Наука, 1983. - С. 128 -136.
147. *Любимов А.О.* Средства выражения побуждения в португальском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1984. - 20 с.
148. *Максимов В.Д.* Диалогические единства отрицательно-побудительного типа в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Ярославль, 1973. - 27 с.
149. *Малинович Ю.М.* Класс предложений - запрещений с доминантой угрозы (на материале немецкого языка). // Императив в разноструктурных языках. Тезисы докладов конференции: Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность. - Л., 1988. - С. 75 -76.
150. *Малинович Ю.М., Семенова И.М.* Коммуникативно-прагматический класс предложений угрозы // Логико-семантические и прагматические проблемы текста.- Красноярск: Изд-во красноярского пед. института, 1990. - С. 58-62.

151. *Мартынова И.А.* Функционально-прагматическое поле менасивных речевых актов (на материале современной англоязычной художественной литературы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2006. -16 с.
152. *Маслова А.Ю.* Введение в прагмалингвистику: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. – 152 с.
153. *Матвеева Г.Г.* К вопросу о скрытом воздействии отправителя научного текста на его получателя// Сб. Грамматикоститлистические особенности языковых единиц в тексте (на материале романских и германских языков). Саратов: Изд-во Саратовского пед. института им. К.А.Федина, 1990. - С. 3-12.
154. *Медведева Л.М.* О прагматическом варьировании предложения // Проблемы вариативности в германских языках: Тезисы докладов всесоюзной конференции. - М., 1988. - С. 89 -90.
155. *Мельничук О.А.* Функциональная соотносимость способов передачи значений “побуждение к действию” и “запрет” в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1982. -15 с.
156. *Милосердова Е.В.* Семантика и прагматика модальности. - Воронеж, 1991. - 196 с.
157. *Михалевич В.И.* Референциальная и прагматическая направленность ретрогрессивных высказываний в современном французском языке: Дис. ... канд. филол. наук. - Минск, 1989. – С. 105-130.
158. *Морозова О.Л.* Средства речевого контакта в различных функциональных стилях (на материале русского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук. - Саратов, 1997. - 143 с.
159. *Моррис Ч.* Основания теории знаков. - В кн.: Семантика. - М.,

1983. - С. 37-89.

160. *Москалева И.П.* Соотношение эксплицитных и имплицитных средств выражения языковых значений в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. - М, 1986. - 195 с.
161. *Мурашкина Э.В.* Комплимент как регулятивный речевой акт: на материале английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2004. -21 с.
162. *Назарчук И.Ф.* Некоторые средства выражения мольбы в современном французском языке // Речевые акты в лингвистике и методике. - Пятигорск: ПГПИИЯ, 1986. - С. 156 -159.
163. *Найденова Т.В.* Сложные предложения синкретичного типа с союзами “а то”, “а” и их аналогами в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. - Ставрополь, 1990. - 192 с.
164. *Нариньяни А.С., Гафт Р.И., Дербенн М., Паришина Е.А.* Языковое взаимодействие и функции речевого акта // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. - М., 1987. - С.17-33.
165. *Нестерова М.А.* Имплицитные и эксплицитные средства выражения следствия в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М.; 1988. - 21 с.
166. *Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения. - М., 1988. - 188 с.
167. *Никитина Н.Н.* Вокативные и императивные высказывания в прагматическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1988. -17 с.
168. *Никифорова Р.В.* К вопросу о сложных речевых актах // Речевые акты в лингвистике и методике. - Пятигорск: ПГПИИЯ, 1986. - С. 159 -166.

169. *Ноколова А.* Речевые тактики и языковые маркеры несогласия и конфликтности при побуждении к действию// Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков: Сб. статей. Шумен: Шуменский ун-т, 2002.
170. *Осташевский А.В.* Метаязыковые аспекты характеристики клеветы и оскорбления. АКД. Краснодар, 1997.
171. *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986. - Вып. 17: Теория речевых актов. - С. 22-129.
172. *Павловская Ж.С.* Прагматический статус повтора в диалогическом тексте современного французского языка: Автореф. дис....канд. филол. наук. - Минск, 1990. - 24 с.
173. *Падучева Е.В.* Актуализация предложения в составе речевого акта // Формальное представление лингвистической информации. - Новосибирск, 1982. - С. 38 -64.
174. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. - М.: Наука, 1985. - 270 с.
175. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. - М.: Едиториал, УРСС, 2001.
176. *Панина Н.А* Имплицитность языкового выражения и ее типы // Значение и смысл речевых образований: Сборник науч. трудов. - Калинин: КГУ, 1979. - С.48 -60.
177. *Петелина Е.С.* Речевые акты, принципиально невыразимые перформативными глаголами // Речевые акты в лингвистике и методике: Сборник науч. трудов. - Пятигорск: ПГПИИЯ, 1986. - С.182-188.
178. *Петров В.В.* Философия, семантика, прагматика // Новое в

- зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1985. - Вып. 16: Лингвистическая прагматика. - С. 471 - 477.
179. *Подлесская В.И.* Импликативные конструкции: некоторые проблемы типологической классификации // ВЯ. - М., 1995. - № 6 - С.77 -85.
 180. *Покровская Е.А.* Взаимодействие вербальных и невербальных компонентов в речевом жанре оскорбление// Языковая личность: жанровая речевая деятельность: Тез. докл. науч. конф. Волгоград: ВГПУ, 6-8 октября 1998г. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 70-71.
 181. *Почепцов Г.Г.* Прагматический аспект изучения предложения // ИЯШ. - М., 1975. - № 6. - С. 15 -26.
 182. *Почепцов. Г.Г.* Прагматика текста // Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств: Сборник науч. трудов. - Калинин: КГУ, 1980. - С. 5-10.
 183. *Почепцов. Г.Г.* Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук: Ваклер, 2001. -651 с.
 184. *Почепцов. Г.Г.* Стратегия. – М.: Рефл-бук: Ваклер, 2005. -354 с.
 185. *Почепцов О.Г.* Основы прагматического описания предложения. - Киев: Вища школа, изд-во при киевском гос. ун-те, 1986. - 115 с.
 186. *Ранних Н.А.* Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994. - 16 с.
 187. *Романов А.А.* Коммуникативно-прагматические и семантические свойства немецких высказываний-просьб: Автореф. дис.... канд. филол. наук. - Калинин, 1982. - 18 с.
 188. *Романов А.А.* Иллокутивные индикаторы прямых и косвенных

- речевых актов // Речевые акты в лингвистике и методике: Сборник науч. трудов. - Пятигорск, 1986. - С. 195 -200.
189. *Сальникова О.Е.* Комбинированные речевые акты в англоязычном дискурсе (функционально-семантический и лингвокультурный аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. - 24 с.
190. *Сафронова А.Г.* К вопросу о прагматике и семантике речевого акта// Проблемы концептуальной систематики языка и речевой деятельности: Мат-лы 1-ой Всерос. науч. конф. – Иркутск: ИГЛУ, 2007. – С. 319-326.
191. *Сгалл П.* Значение, содержание и прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1985. - Вып. 16: Лингвистическая прагматика. - С. 384 - 399.
192. *Серебрякова Р.В.* Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах: Дис. ... канд. филол. наук. - Воронеж, 2002. - 202 с.
193. *Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986 (а). - Вып. 17: Теория речевых актов. - С. 170 - 195.
194. *Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986(б). - Вып. 17: Теория речевых актов. - С. 195 - 223.
195. *Серль Дж. Р.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986(в). - Вып. 17: Теория речевых актов. - С. 151 -170.
196. *Серль Дж. Р., Вандервекен Д.* Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. - М.:

- Прогресс, 1986 (г) - Вып. 18: Логический анализ естественного языка. - С. 242 - 263.
197. *Скребнев Ю.М.* Введение в коллоквиалистику. - Саратов: Изд-во сарат. ун-та, 1985. - 210 с.
198. *Слюсарева Н.А.* Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. - М.: Наука, 1981. - 206 с.
199. *Сиротинина О.Б.* Современная разговорная речь и ее особенности: Учебное пособие. - М.: Просвещение, 1974. - 144 с.
200. *Солганик Г.Я.* К проблеме типологии речи // ВЯ АН СССР, 1981. - № 1. - С. 70 -79.
201. *Старикова Е.Н.* Проблемы семантического синтаксиса. - Киев: Вища школа, 1985. - 121 с.
202. *Стернин И.А.* Национальная специфика коммуникативного поведения// Языковое сознание и образ мира: Тез. XII международ. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1997. – С.147.
203. *Стивенсон Ч.* Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1985. - Вып. 16: Лингвистическая прагматика. - С. 129-155.
204. *Столнейкер Р.С.* Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1985. - Вып. 16: Лингвистическая прагматика. - С. 419-439.
205. *Стросон П.Ф.* Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986. - Вып. 17: Теория речевых актов. - С. 130 -151.
206. *Сусов И.П.* Семантическая структура предложения (на материале простого предложения в современном немецком языке). - Тула: Тульский гос. пед. ин -т, 1973.-141 с.

207. *Сусов И.П.* О двух путях исследования содержания текста // Значение и смысл речевых образований: Сборник статей. - Калинин: КГУ, 1979. - С. 90-103.
208. *Сусов И.П.* К предмету прагмалингвистики // Содержательные аспекты предложения и текста: Сборник науч. статей. - Калинин: КГУ, 1983. - С. 3 -15.
209. *Сусов И.П.* Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения: Сборник науч. трудов. - Калинин: КГУ, 1989. - С. 9- 16.
210. *Тамбиева Ф.А.* Приветствие как коммуникативная ситуация во французском, русском и кабардино-балкарском языках. – Пятигорск: ПГЛУ, 2004. – 149 с.
211. *Тарасова М.В.* Речевые акты с эмотивным компонентом в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997.- 16 с.
212. *Тарасова И.П.* Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез: пособие по самообразованию (для изучающих англ. язык). - М.: Высшая школа, 1992. - 173 с.
213. *Третьякова В.С.* Речевой конфликт и гармонизация общения: Дис. ... д-ра филол наук. – М., 2003. – 301 с.
214. *Формановская Н.И.* Речевой этикет и культура общения. М., 1989.
215. *Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002.
216. *Франк Д.* Семь грехов прагматики: тезисы о Теории Речевых Актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986. - Вып. 17: Теория речевых актов. - С. 363 - 373.

217. *Фреге Г.* Мысль: логическое исследование // *Философия. Логика. Язык.* - М., 1987. - 331 с.
218. *Хельбиг Г.* Проблемы теории речевого акта // *ИЯШ.* - М., 1978. - № 5. - С.11 -21.
219. *Хоанг Фэ.* Семантика высказывания // *Новое в зарубежной лингвистике.* - М.: Прогресс, 1985. - Вып. 16: Лингвистическая прагматика. - С. 399-406.
220. *Храковский В.С.* Категория глагола и структура предложения: Конструкции с предикатными актантами. - Л.: Наука, 1983. - 248 с.
221. *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива: Русский императив. - Л., 1986. -270 с.
222. *Храковский В.С.* Условные конструкции: взаимодействие кондициональных и темпоральных значений // *ВЯ.* - М., 1994. - № 6. - С. 129 -139.
223. *Цурикова Л.В.* Вопрос и прагматический диапазон вопросительного предложения: Автореф. дис.... канд. филол. наук. - Воронеж, 1992.- 24 с.
224. *Чахоян Л.П.* О признаках высказывания // *Значение и смысл речевых образований: Сборник науч. трудов.* - Калинин: КГУ, 1979. - С. 121 - 125.
225. *Чахоян Л.П.* Общая теория высказывания // *Спорные вопросы английской грамматики.* - Л.: Изд-во ЛГУ, 1988(а). - С. 122 - 141.
226. *Чахоян Л.П.* Речевое действие повеления в семантико-синтаксическом и коммуникативно-функциональном аспектах // *Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции “Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность.”* - Л.: Ленингр. отд-ие ИЯ АН

- СССР, 1988 (6). - С. 143 -144.
227. *Чернов Г.В.* Имплицитность текста, смысловой вывод и перевод // Сборник науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца, 1986. - Вып. 278. - С. 10-25.
228. *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. - 337 с.
229. *Швейцер А.Д., Никольский Л.Б.* Введение в социолингвистику. - М.: Высшая школа, 1978. - 216 с.
230. *Шелингер Т.Н.* Нетрадиционно выделяемые коммуникативные единицы современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1986. - 16 с.
231. *Шмелев Д.Н.* Экспрессивно-ироничное выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // ВЯ АН СССР, 1958. - № 6. - С. 63 -76.
232. *Шмелева Т.В.* Речевой жанр (возможности описания и использования в преподавании языка)/ Т.В. Шмелева // Русистика/ Ruzistik. – Берлин, 1992. - № 11. – С. 20-32.
233. *Эйхбаум Г.Н.* Информация в отрицательных предложениях // Личностные аспекты языкового общения: Сборник науч. трудов. - Калинин: КГУ, 1989. - С. 113-125.
234. *Эйхенбаум Б.М.* О поэзии. - Л.: Советский писатель, Ленингр. отд-ие, 1969. - 551 с.
235. *Элиашоте С.П.* К вопросу о воздейственности речевого побуждения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1968. - 20 с.
236. *Якубинский Л.П.* Избранные работы. Язык и его функционирование. - М.: Наука, 1986. - 205 с.
237. *Янко Т.Е.* Описание мира и речевые действия // Логический

- анализ языка: Язык речевых действий. - М.: Наука, 1994. - С. 99 - 106.
238. *Янко Т.Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001, - 382 с.
 239. *Althaus N.P., Henne H.* Sozialkompetenz und Sozialperformanz: Thesen zur Sozialkompetenz - Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, 1970. Bd. 38. - S. 1-15.
 240. *Anscombe J.- C., Ducrot O.* Interrogation et argumentation // *Langue française*, 1981. - № 52. - P. 5-23.
 241. *Anscombe J.-C., Ducrot O.* L'argumentation dans la langue. Philosophie et langage. - Bruxelles: P. Mardaga, 1983. -184 p.
 242. *Armengaud F.* La pragmatique/ Paris : Presse Universitaire de France, 1985. P. 77-89.
 243. *Austin J.L.* How to Do Things with Words. - Oxford: Oxford Univ. Press, 1962. -167 p.
 244. *Ballmer T.T.* Context change and its consequences for a theory of natural language. - In: Possibilities and limitations of pragmatics. - Amsterdam, 1981. - P. 17-56.
 245. *Ballmer T., Brennenstuhl W.* Speech act classification: a study in the lexical analysis of English speech activity verbs. - Berlin, 1981. - X. - 274 p.
 246. *Bartsch R., Vennemann Th.* Sprachtheorie. - In: Lexikon der Germanistischer Linguistik / Hrsg. von H.P. Althaus, H. Henne, 1973. - S. 34-55.
 247. *Bartschat B.* Structur und Funktion verbaler Aufforderungen // *Linguistische Studien: Reihe A. Arbeitsberichte.* - Berlin, 1982. - S. 137 -141.
 248. *Brassac Ch.* Analyse de conversations et théorie des actes de langage

- // Cahiers de linguistique française. - N 13: Théorie des actes de langage et analyse des conversations. Unité de langue fr., Faculté des Lettres, Université de Genève, 1992. - P. 62-76.
249. *Brown P., Levinson S.* Politeness: Somme Universals in language Usage. Cambridge: University Press, 1987.
 250. *Brunot F.* La pensée et la langue (méthode, principes et plan d'une théorie nouvelle du langage appliquée au français). - Paris: Masson et C^{il}, 1936. - 982 p.
 251. *Cresswell M.J.* Logics and Languages. - London, 1974. - 273 p.
 252. *Dijk T.A.* Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague etc.: Mouton, 1981.- 331 p.
 253. *Ducrot O.* Dire et ne pas dire. Principes de sémantique linguistique. – P., 1972. - 283 p.
 254. *Ducrot O.* Les échelles argumentatives. - Paris: Minuit, 1980. -210 p.
 255. *Ducrot O.* Le dire et le dit. - Paris: Minuit, 1984. - 258 p.
 256. *Edmondson W.* Spoken Disscourse: a model for Analysis/ W. Edmondson. – London: Tavistok, 1981. – 318 p.
 257. *Fauconnier G.* Question et actes indirects // Langue française, 1981. - N 52. - P. 44 - 55.
 258. *Fraser B.* Hedged Performatives // Syntax and Semantics. - New York etc.: Academic Press, 1975. - vol. 3:Speech Acts. - P. 187 -210.
 259. *Goffman I.* Formes of Talk – Philadelphia. University of Pennsylvania Press. – 1984.
 260. *Gouvard J.-M.* La pragmatique. Outils pour l'analyse littéraire. – Paris : Armand Colin, 1998. – P. 185.
 261. *Grice H. P.* Logic and Semantics. - New York etc.: Academic Press, 1975. -vol. 3: Speech Acts. - P. 41 -58.
 262. *Hancher M.* The Classification of cooperative illocutionary acts. In:

- Language in society, 1979. - vol. 8. - N 1. - P. 1-14.
263. *Haslett B.* Communication: Strategic action in context. Hillsdale, New Jersey, London, 1987.
 264. *Hunter J. E. and Boster F. J.* A model of compliance-gaining message selection// Communication Monographs, 1987, v. 54, № 3, P. 63-84.
 265. *Karttunen L.* Presupposition of Compound Sentences // Linguistic Inquiry, 1973. - vol. 4. - № 2. - P. 169-195.
 266. *Kellermann K., Reynolds R. and Bao-Sun Chen J.* Strategies of conversational retreat: when parting is not sweet sorrow// Communication Monographs, December 1991, v. 58, P. 363-383.
 267. *Kintsch Boulder W.* Psychologische Studien zum Verstehen von Texten // Perspektiven auf Sprache: Interdisziplinäre Beiträge zum Denken an Hans Hörmann. - Berlin - New York, 1986. - S. 149-165.
 268. *Kummer W.* Grundlagen der Texttheorie: Zur handlungstheoretischen Begründung einer materialistischen Sprachwissenschaft. Reinbek bei Hambourg: Rowohlt, 1975. - 278 S.
 269. *Larreya. P.* Enoncés performatifs. Présupposition. Elements de sémantique et de pragmatique. - Paris: Nathan, 1979. - 108 p.
 270. *Latraverse F.* La pragmatique : histoire et critique. – Bruxelles : Pierre Margada, 1987. – P. 264.
 271. *Leech J.N.* Exploration in semantics and pragmatics. - New York - London, 1983. -250 p.
 272. *Levinson S.C.* Pragmatics. - Cambridge: Univ. Press, 1983. - 420 p.
 273. *Lyons J.* Semantics. -London, etc.: Cambridge Univ. Press, 1978. - vol. 1, 2. - 897 p.
 274. *Mainqueneau D.* Eléments de linguistique pour le texte littéraire. - Paris: Bordas, 1988. - 158 p.

275. *Mainqueneau D.* L'énonciation en linguistique française. – P.: Hachette, 1999. - 156 p.
276. *Marty A.* Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie. Von Dr. Anton Marty. Bd. I. Halle a. S., Niermeyer, 1908. - 764 S.
277. *Milburn Th.W.* The Nature of Threat // Journal of Social Issues. / Eds. Th.W. Milburn, 1977. - vol. 33: Social Conflict. - № 1. - P. 126 -139.
278. *Moeschler J.* Argumentation et Conversation. Elément pour une analyse pragmatique du discours. - Paris: Hatier -Crédif, 1985. - 203p.
279. *Moeschler J.* Théorie pragmatique, actes de langage et conversation // Cahiers de ling. française. - N 13: Théorie des actes de langage et analyse des conversations. Unité de langue fr., Faculté des Lettres, Université de Genève, 1992. - P. 108-125.
280. *Morgan J.L.* Two types of covention in indirect speech acts // Syntax and Semantics. - Vol. 9: Pragmatics / Eds. by Cole P.N.Y., 1978. - P. 261 -280.
281. *Oller J.W.* On the Relation between Syntax, Semantics and Pragmatics - Linguistics, 1972. - vol. 83. - P. 43-55.
282. *Palmer F.R.* Mood and Modality. - Cambridge, 1986. - XII. - 243 p.
283. *Récanati F.* Le développement de la pragmatique // Langue française, 1979(a). - N 42. - P.6 -20.
284. *Récanati F.* Insinuation et sous-entendu // Communication, 1979(b). - № 30. - P. 95-106.
285. *Récanati F.* Déclaratif / non déclaratif // Langages, 1982. -№ 67. - P. 23 -31.
286. *Rehbein J.* Komplexes Handeln: Elemente zur Handlungstheorie der Sprache. - Stuttgart: Metzler, 1977. - 399 S.

287. *Roulet E.* Essai de classement syntaxique et sémantique des verbes potentiellement performatifs en français // *Cahiers de linguistique*, 1978. - № 8. - P. 437-455.
288. *Roulet E.* Stratégies d'interaction, modes d'implication et marqueurs illocutoires // *Cahiers de linguistique française*. - N 1. - Genève: Un-té de Genève, 1980. - P. 80-103.
289. *Sadock, Jerrold M.* Speech act idioms. In Paul M. Peranteau, Judith N. Levi and Gloria C. Phares. - Chicago, 1972. - P.329-340.
290. *Sadock, Jerrold M.* Towards a linguistic. Theory of Speech Acts. - New York: Acad. presse, 1974. - XI. - 168 p.
291. *Schmidt S.J.* Textthéorie / Pragmalinguistik. - In: *Lexikon der Germanistischen Linguistik / Hrsg. von H.P. Althaus, H. Henne.-* Tübingen, 1973. - S. 233-244.
292. *Searle J.P.* Speech Acts: an essay in the philosophy of language. - Cambridge: University Press, 1969. - VII. - 203 p.
293. *Searle J. P.* What is a Speech Act? // *Readings of Philosophy of Language / Eds. by J. Rosenberg and Ch. Travis.* - New Jersey, 1971. - P. 614-628.
294. *Searle J.P.* Sens et expression (trad. par Joëlle Proust). - Paris: Minuit, 1982. -163 p.
295. *Searle J.P., Vanderveken D.* Foundation of Illocutionary Logic. - Cambridge etc., 1985. - 227 p.
296. *Sperber D., Wilson D.* Façon de parler // *Cahiers de linguistique française*. - N 7. - Genève: Un-té de Genève, 1986(a). - P. 9-26.
297. *Sperber D., Wilson D.* Relevance: Communication a. cognition. - Oxford: Blachwell, 1986 (b).- VIII. - 279 p.
298. *Trognon A., Brassac Ch.* L'enchainement conversationnel // *Cahiers de ling. française*. - № 13: Théorie des actes de langage et analyse

des conversations. Unité de langue fr., Faculté des Lettres, Université de Genève, 1992. - P. 76-108.

299. *Vanderveken D.* Les actes de discours: Essai de philosophie du lang. et de l'esprit sur la signification des énonciations. - Liège; Bruxelles: Mardaga, 1988. - 226 p.
300. *Vanderveken D.* La théorie des actes de discours et l'analyse de la conversation // Cahiers de ling. française. - № 13: Théorie des actes de langage et analyse des conversations. Unité de langue fr., Faculté des Lettres, Université de Genève, 1992. - P. 9-62.
301. *Vendler Z.* Res cognitae: an essay in rational psychology. - Ithaca, 1972. - 225 p.
302. *Verschueren J.* On Speech Act Verbs // Pragmatics and Beyond. - Amsterdam: J. Benjamins, 1980. - № 4. - 83 p.
303. *Wierzbicka A.* English Speech Act Verbs. A Semantic Dictionary. - Sidney, etc.: Academic Press, 1987. - 398 p.
304. *Wunderlich D.* Studien zur Sprechacttheorie. - Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1976. - 417 S.
305. *Wunderlich D.* Methodological remarks on speech act theory// Speech Act Theory and Pragmatics. Eds. by Searle J. et al. - Dordrecht, 1980. - S. 291-312.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

306. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004.
307. *Гак В.Г., Ганшина К.А.* Новый французско-русский словарь. - М.: Русский язык, 2000. - 1195 с.
308. *Гринёва Е.Ф., Громова Т.Н.* Словарь разговорной лексики

- французского языка. - М.: Русский язык, 1987. - 638 с.
309. Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. - М.: Изд. группа: Прогресс, Универс, 1994.
310. Лингвистический энциклопедический словарь /Гл. ред. В.Н.Ярцева, М.: Советская энциклопедия, 1990. - 685 с.
311. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М.:Русский язык, 1990. - 921 с.
312. Словарь русского языка: В 4-х томах // АН СССР, Ин-т рус. яз., под ред. А.П. Евгеньевой. - М.: Русский язык, 1981.
313. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н.Ушакова в 4-х томах. - М.: Астрель: АСТ, 2000.
314. Толковый словарь русского языка начала XX века. Актуальная лексика/ Под ред. Г.Н. Складчиковской. - М.: ЭКСМО, 2006. - 1136 с.
315. Bertaud du Chazaud H. Dictionnaire des Synonymes. - Paris: Les usuels du Robert, 1991. - 520 p.
316. Bordas L. Dictionnaire du français vivant. Nouvelle édition entièrement revue et augmentée. - Paris: Bordas, 1976. - 1344 p.
317. Dictionnaire de linguistique par J. Dubois. - Paris: Librairie Larousse, 1973. - 516 p.
318. Duneton Cl. Le bouquet des expressions imagées. - Paris: Editions du Seuil, 1990. - 1350 p.
319. Le Petit Larousse illustré. - Paris: Librairie Larousse, 1999. - 1784 p.
320. Nouveau dictionnaire des synonymes par E. Genouvrier. - Paris: Librairie Larousse, 1992. - 741 p.
321. Robert P. Grand Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue fr. en 9 vol. - Paris: Les Dictionnaires Roberts, 1989.

322. Robert P. Le nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue fr. Nouvelle Ed. millésime - Paris: Le Robert, 2008. - 2838 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- AAF - Arnothy Ch. L'ami de la famille. - Paris: B - Grasset, 1984. - 348 p.
- AAH - Arnothy Ch. Une affaire d'héritage. - Paris: B - Grasset, 1991. - 408 p.
- ABQ - Aragon L. Les beaux quartiers. - Paris: Denoël et Steele, 1936. - 503 p.
- ADA - Arnaud G.-J. Le dossier Atrée // Les angoisses. - Paris: Fleuve noir, 1992. - 538 p.
- ADO - Anouilh J. Le directeur de l'Opéra. - Paris: La Table ronde, 1972. - 269 p.
- AIS - Arnaud G.-J. Ils sont revenus // Les angoisses. - Paris: Fleuve noir, 1992. - 538 p.
- ALD - Arnaud G.-J. La défroque. - Paris: Fleuve noir, 1992. - 222 p.
- AMN - Arnaud G.-J. La mort noire // Les angoisses. - Paris: Fleuve noir, 1992. - 538 p.
- AQC - Arnothy Ch. Une question de chance. - Paris: Plon, 1995. - 294 p.
- AVA - Arnothy Ch. Vent africain. - Paris: B - Grasset, 1989. - 432 p.
- AVN - Arnothy Ch. Voyage en noce. - Paris: Plon, 1994. - 396 p.
- BLB - Bazin H. Le bureau des mariages. Moscou : Chapeau bas, 1970. - 206 p.
- BLC - Bourin J. Les compagnons d'éternité. - Paris : Gallimard, 1994. - 424 p.
- BLN - Barjavel. La nuit des temps. - Paris: Presse de la cité, 1999. - 381 p.

- BLP - Boty J.-L. La peau des zèbres. Paris: Bernard Grasset, 1969. -360 p.
- BZT - Bazin H. La tête contre les murs. – Paris : Bernard Grasset, 1949.
– 435 p.
- CAN - Calef N. Ascenseur pour l'héchaufaud. - M.: Vyssaja Škola, 1990.
- 149 p.
- CLC - Cronin A.J. Les clés du royaume. – Paris : A. Michel, 1956. – 498.
- CMA - Clavel B. La maison des autres. - Paris: R. Laffont, 1990. - 488 p.
- DLB - Déforges R. La Bicyclette bleue. – P. : Editions Ramsay, 1983.
– 370 p.
- DUJ - Devine D. Une jeune fille éperdue. –P.:Librairie des Champs-
Elysées, 1972. -186 p.
- EAP - Exbrayat. Aimez-vous la pizza? - Paris: Librairie des Champs-
Elysées, 1991. - 254 p.
- ECA - Exbrayat. Un coeur d'artichaut. -Paris: Librairie des Champs -
Elysées, 1990. - 186 p.
- EEO - Exbrayat. Espion, où es-tu, m'entends-tu? - Paris: Librairie des
Champs-Elysées, 1992. - 191 p.
- ELD - Exbrayat. Le dernier des salauds. –P.: Librairie des Champs -
Elysées, 1967. - 189 p.
- FSC - Fallet R. La soupe aux choux. - Paris: Denoël, 1980. - 236 p.
- FOA - Feydeau G. Occupe-toi d'Amélie // Théâtre complet. - Paris: Le
Bélier, 1948. - 252 p.
- FMB - Flaubert G. Madame Bovary. M., Editions du progrès, 1974. –453p.
- GEF - Gibeau I. ... et la fête continue. - Paris: Calmann-Lévy, 1963. -251p.
- GUB - Giono J. Un des Baumugnes. - Paris: B - Grasset, 1957. - 188 p.
- LAL - Leblanc M. Arsène Lupin, gentlement-cambrioleur. -M.: Ed.
Radouga, 1989. -369 p.
- MBA - Maupassant G. Bel Ami /Guy de Maupassant. – M. : Editions en

- langues étrangères, 1953. – 348 p.
- MEB - McReynolds G. L'Etoile bleue. U.G.E. Poche Passion, 1995. - 154 p.
- NOM - Nothomb A. Mercure. – Paris : Albin Michel, 2002. – 189 p.
- PAB - Pennac D. Au bonheur des ogres. – Paris : Gallimard, 1985. – 256 p.
- PDO - Pinte J.-L. Les douleurs de l'oubli. - Paris: Mercure de France, 1992.
- 186 p.
- PLF - Pennac D. La fée carabine. – Paris : Gallimard, 1987. – 310 p.
- PLH - Pilar I. L'honneur d'être un homme. – Moscou : Progrès U.R.S.S.,
1966. – 395 p.
- PTO - Pagnol M. Topaze. – P. : Le livre de poche, 1969. – 317 p.
- QAB - Quentin P. L'assassin est à bord. – P.: Librairie des Champs -
Elysées, 1985. -219 p.
- QZM - Queneau R. Zazie dans le métro. - Paris: Gallimard, 1959. - 181 p.
- SAD - San-Antonio. Dernière mission //Mes espionnages -I. –P.: Fleuve
noir, 1992. -505 p.
- SAF - Souvestre P., Allen M. Fantômas. - Moscou: Ed-s Radouga, 1989.
- 396 p.
- SAM - San-Antonio. La mort est leur affaire // Mes espionnages - I. -Paris:
Fleuve noir, 1992. - 505 p.
- SAP - San-Antonio. La personne en question // Mes espionnages - I. -
Paris: Fleuve noir, 1992. - 505 p.
- SAS - Sabatier R. Les Allumettes suédoises. - Paris: Albin Michel, 1969.
- 312 p.
- SEM - A. de Saint-Exupéry. Le Petit prince. - Paris: Editions Albin
Michel, 1990. - 89 p.
- SEP - A. de Saint-Exupéry. Pilote de guerre. - Paris: Editions Albin
Michel, 1995. - 240 p.
- SET - A. de Saint-Exupéry. Terre des hommes. - Paris: Editions Albin

- Michel, 1992. - 168 p.
- SLC - Sarrazin A. La cavale. - Paris: J.J. Pauvert, 1969. - 506 p.
- SJP - Simenon G. La jument perdue // Tout Simenon 2. - P.: Presse de la Cité, 1988. - 894 p.
- SMF - Simenon G. Maigret se fâche // Oeuvres complètes. - Paris: Ed-s Rencontre, 1968. - V.XII. - P.12 -144.
- SMM - Simenon G. Maigret et son mort // Tout Simenon 2. - Paris: Presse de la Cité, 1988. - 894 p.
- SPE - Simenon G. Pedigree // Tout Simenon 2. - Paris: Presse de la Cité, 1988. - 894 p.
- SPH - Sagan F. Un piano dans l'herbe // Comédies. - Moscou: Radouga, 1986. - P. III -170.
- SPO - Siniac P. Pas d'ortolans pour la Cloducque. -Paris: Gallimard, 1982. - 245 p.
- SSH - Steeman S.A. Six hommes morts. - P.: Librairie des Champs-Élysées, 1983. - 156 p.
- TTN - Terrel A. Le témoin est à la noce. - P.: Librairie des Champs-Élysées, 1984. - 187 p.
- TLP - Troyat H. La pierre, la feuille et les ciseaux. Libro. P., 1995. - 159 p.
- VBA - Br.Le Varlet. Le bel amour. - Paris: Editions Albin Michel, 1990. - 322 p.
- VLM - Vailland R. Les mauvais coups. - Paris: Editions Grasset, 1991. - 249 p.
- VMM - Villiers G. de. Mission à Moscou. - Paris: Ed-s Gérard de Villiers, 1990. - 252 p.
- ZAB - Zola E. Au bonheur des dames. M., Editions en langues étrangères, 1964.

ZLA - Zola E. L'Argent. - Moscou: Ed-s en langues étrangères, 1954.
- 442 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

FORMULES DE MENACE

A bon attendeur, salut!

Attendez un peu!

Attention, après l'euphorie, il y a la facture!

Attention, tu me donneras bien la main, hein!

Ça va barder!

Ça va bouillir!

Ça va chauffer!

Ça commence à bien faire!

Ça va être ta fête!

Ça suffit comme ça!

Fais attention à toi!

Fais gaffe (a toi)!

Gare à vous!

Ils sont très dangereux, les Champs-Élysées, la nuit, attention!

Il va t'en coûter cher!

Il vous en prendra de même!

J'aurai ta peau!

Je ferai du boudin si vous me fâchez!

Je ne suis pas méchant mais je peux le devenir.

Je m'en souviendrai...

Je t'attends à la sortie ...

Je te couperai les oreilles!

Je te ferai voir trente six chandelles!

Je te fous une trempe!

Je te flotterai la couenne.

Je te préviens...
Je te rendrai le visage plat comme une pomme cuite.
Je te tiendrai quelque jour...
Je vais m'énervier...
Je vais me fâcher...
Je vais remuer la baraque
Je vais t'en faire voir de toutes les couleurs!
Je vous apprendrai à vivre!
Je vous danserai une gaillarde sur le ventre!
Je vous écraserai comme un ver...
Je vous ferai aller plus vite que le pas...
Je vous montrerai de quel bois je me chauffe!
Je vous saignerai d'une autre veine!
Je vous traiterai en chien courtaud!
Méfie-toi!
Mieux vaut ne pas dépasser les bornes avec moi!
Ne recommence jamais ça...
Ne recommence pas ou bien...
Numérote tes abbatis!
Obéissez, sinon...
On carillonnera à votre paroisse...
On te donnera sur ton maroquin...
On te fera rentrer tes paroles dans la gorge...
Patience!
Prends garde à toi! (Prenez garde!)
Prends gare à toi!
Qu'il y vienne! Je voudrai bien voir ça...
Sauf comment je m'appelle!

Si jamais tu fais ça, tu risques de ne pas l'oublier...
Si jamais tu fais ça, tu ne seras pas près de l'oublier...
Si tu crois que je vais laisser passer ça...
Si vous tombez sous ma main...
Songez-y bien!
Sors un peu, si t'es un homme!
Soyez tranquille! Vous trouverez à qui parler...
Tenez-vous-le pour dit!
Tu as intérêt à arrêter ou...
Tu auras affaire à moi!
Tu auras de mes nouvelles!
Tu ne sais pas ce dont je suis capable...
Tu risques de le regretter...
Tu t'en mordras les doigts!
Tu vas déguster...
Tu vas entendre parler du pays!
Tu vas voir comment je m'appelle!
Tu veux un marron!
Un jour je prendrai ma revanche!
Vous allez voir (Vous verrez) quel homme je suis!
Vous aurez du gratin...
Vous entendrez parler de moi!
Vous me le paierez (cher)!
Vous me trouverez sur votre passage!
Vous n'avez qu'à bien vous tenir!
Vous ne l'emporterez pas en paradis...
Vous ne perdez rien pour attendre...
Vous passerez par chez nous!

Vous sentirez ce que pèse ma main (le poids de mes coups)!

Vous tomberez en mes mains, je vous corrigerai!

Vous viendrez cuire à notre four!

FORMULES D'AVERTISSEMENT

Achtung bicyclette! (= attention)

Attention!

Attention à l'omelette!

Attention, les yeux!

Ça glisse, Alice! (= attention)

C'est-à-dire bonhomme garde ta vache! (= prends garde à toi)

C'est dangereux!

Doucement!

Fais attention! (Faites bien attention!)

Fais gaffe à tes miches! (= méfie-toi!)

Gare! (Gare à toi! Gare à vous!)

Garde-toi! (Gardez-vous!)

Il le voudrait bien voir! (= gardez-vous bien de faire une telle chose)

Méfie-toi! (Méfiez-vous!)

Ménage-toi! (Menagez-vous!)

N'oublie pas, sinon tu vas voir...

Prends garde! (à toi, de ne pas faire qch)

Prenez garde à vous!

Sois prudent! (Soyez prudent!)

Tiens (Tenez) bon la rampe!

Tiens-toi sur tes gardes! (Tenez-vous sur vos gardes!)

Tu auras une fessée en entrant!

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЕРОФЕЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

**ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВЫХ АКТОВ
РАЗЛИЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ
ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

МОНОГРАФИЯ

Издание третье, исправленное и дополненное

Уральский государственный педагогический университет.
620091 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
E-mail: uspu@uspu.ru